

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АНДРИЧЕНКО Людмила Васильевна

д.ю.н., профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации,
заведующая Центром публично-правовых
исследований Института
законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации

БАХТИЗИН Альберт Рауфович

член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор
РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

БУХВАЛЬД Евгений Моисеевич

заместитель главного редактора,
д.э.н., профессор, заведующий
Центром федеративных отношений
и регионального развития Института
экономики РАН

БУКИНА Ирина Сергеевна

к.э.н., ведущий научный сотрудник Института
экономики РАН

ВАЛЕНТЕЙ Сергей Дмитриевич

главный редактор, д.э.н., профессор,
руководитель Научно-исследовательского
объединения Российского экономического
университета им. Г.В. Плеханова

ГОРЕГЛЯД Валерий Павлович

д.э.н., профессор, главный аудитор
Банка России

ДРУЖИНИН Александр Георгиевич

д.г.н., профессор, директор Северо-
Кавказского научно-исследовательского
института экономических и социальных
проблем Южного федерального университета

ИЛЬИН Владимир Александрович

член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации, научный руководитель
Вологодского научного центра РАН

КУЗНЕЦОВА Ольга Владимировна

д.э.н., профессор РАН,
главный научный сотрудник ФИЦ
«Информатика и управление» РАН

КУРБАНОВ Рашад Афатович

д.ю.н., профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации, заведующий кафедрой
гражданско-правовых дисциплин Российского
экономического университета
им. Г.В. Плеханова

ЛЕКСИН Владимир Николаевич

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник
ФИЦ «Информатика и управление» РАН

ЛОБАНОВ Иван Васильевич

к.ю.н., доцент, ректор Российского
экономического университета им. Г.В. Плеханова

ЛЫКОВА Людмила Никитична

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник
Института экономики РАН

МАЕВСКИЙ Владимир Иванович

академик РАН, д.э.н., профессор, заведующий
Сектором теоретических и прикладных
проблем воспроизводства Института
экономики РАН

МАКАРОВ Валерий Леонидович

академик РАН, д.ф.-м.н., профессор, научный
руководитель Центрального экономико-
математического института РАН

МИНАКИР Павел Александрович

академик РАН, д.э.н., профессор, научный
руководитель Института экономических
исследований Дальневосточного отделения РАН

ПОЛТЕРОВИЧ Виктор Меерович

академик РАН, д.э.н., профессор, руководитель
научного направления «Математическая
экономика» Центрального экономико-
математического института РАН

ШВЕЦОВ Александр Николаевич

д.э.н., профессор, заведующий отделением
ФИЦ «Информатика и управление» РАН

ШАКИРОВА Диана Фаридовна

ответственный секретарь

ОДИНЦОВА Александра Владимировна

ответственный редактор, д.э.н., доцент

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

FEDERALISM

Theory. Practices. History

3 (111), 2023, Vol. 28

EDITORIAL BOARD

ANDRICHENKO Lyudmila V.

Dr. Sc. (Law), Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Head of the Center for Public Law Research
of Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government
of the Russian Federation

BAKHTIZIN Albert R.

Corresponding Member of the RAS,
Dr. Sc. (Econ.), Professor of the RAS, Director of
Central Economics and Mathematics Institute
of the RAS

BUKHVALD Eugeny M.

Deputy Editor in Chief, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of the Center of Federal Relations
and Regional Development of Institute
of Economics of the RAS

BUKINA Irina S.

Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher of Institute of
Economics of the RAS

VALENTEY Sergey D.

Editor in Chief, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head
of the Research Association of Plekhanov Russian
University of Economics

GOREGLIAD Valeriy P.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Auditor of Bank
of Russia

DRUZHININ Alexander G.

Dr. Sc. (Geography), Professor,
Director of the North Caucasus Research Institute
of Economic and Social Problems of Southern
Federal University

ILYIN Vladimir A.

Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc.
(Econ.), Professor, Honored Scientist of Russian
Federation, Scientific Director of Vologda Research
Center of the RAS

KUZNETSOVA Olga V.

Dr. Sc. (Econ.), Professor of the RAS, Chief
Researcher of Federal Research Center
“Computer Science and Control” of the RAS

KURBANOV Rashad A.

Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Lawyer of the
Russian Federation, Head of the Department
of Civil Law Disciplines of Plekhanov Russian
University of Economics

LEKSIN Vladimir N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher of
Federal Research Center
“Computer Science and Control” of the RAS

LOBANOV Ivan V.

Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Rector of
Plekhanov Russian University of Economics

LYKOVA Lyudmila N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher of
Institute of Economics of the RAS

MAEVSKIY Vladimir I.

Academician of the RAS, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of the Subcenter of Theoretical and
Applied Problems of Reproduction of Institute of
Economics of the RAS

MAKAROV Valeriy L.

Academician of the RAS, Dr. Sc. (Physics and
Mathematics), Professor, Scientific Adviser of Central
Economics and Mathematics Institute of the RAS

MINAKIR Pavel A.

Academician of the RAS, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Scientific Director of Economic
Research Institute Far Eastern Branch of the RAS

POLTEROVICH Victor M.

Academician of the RAS, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of Scientific Research
“Mathematical Economics” of Central Economics
and Mathematics Institute of the RAS

SHVETSOV Alexander N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of Department of
Federal Research Center
“Computer Science and Control” of the RAS

SHAKIROVA Diana F.

Secretary of the Board

ODINTSOVA Alexandra V.

Executive Editor, Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor

Founder:

Plekhanov Russian University of Economics

СОДЕРЖАНИЕ

○ РЕГИОНЫ И ЦЕНТР

ЛЕКСИН В.Н. Российская Арктика в 2022–2023 гг. Новые решения	5
ГАГАРИНА Г.Ю., АНТОНОВА Д.А. Возможности заимствования Российской Федерацией мирового опыта преференциальных режимов.....	29

○ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПЕТРИКОВ А.В. Хозяйства населения в структуре аграрной экономики и совершенствование их государственной поддержки	49
ВАЖЕНИН С.Г., ВАЖЕНИНА И.С. Особенности трансформации бизнес-демографии предприятий в современном экономическом пространстве России.....	72
ГОНЧАРОВА К.С. Формирование современной неолиберальной модели региональной политики России.....	88

○ ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

АЛАДЫШЕВА Ж.И., БЕРЕГОВЫХ В.В., МЕШКОВСКИЙ А.П., ПЯТИГОРСКАЯ Н.В. Фармацевтическое государственное регулирование и экспорт лекарственных средств: зарубежный опыт	108
--	-----

○ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ВИЛЕНСКИЙ А.В. Особенности новых свободных экономических зон России.....	137
СИБИРСКАЯ Е.В., ОВЕШНИКОВА Л.В. Оценка конкурентоспособности и экономической безопасности субъектов Дальневосточного макрорегиона.....	152

CONTENTS

○ REGIONS AND CENTRE

LEKSIN V.N. The Russian Arctic in 2022–2023. New Solutions	5
GAGARINA G.Yu., ANTONOVA D.A. Opportunities for the Russian Federation to Borrow from the World Experience of Preferential Regimes	27

○ SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS

PETRIKOV A.V. Households of the Population in the Structure of the Agrarian Economy and the Improvement of their State Support.....	47
VAZHENIN S.G., VAZHENINA I.S. Features of Transformation Business Demographies of Enterprises in the Modern Economic Space of Russia.....	66
GONCHAROVA K.S. Formation of a Modern Neoliberal Model of Russia’s Regional Policy.....	92

○ FOREIGN EXPERIENCE

ALADYSHEVA Z.A., BEREGOVYKH, V.V., MESHKOVSKIY A.P., PYATIGORSKAYA N.V. Drug Regulation in Top Exporters of Pharmaceutical Products	139
---	-----

○ ANALITICAL NOTES

VILENSKIY A.V. Features of New Free Economic Zones in Russia	161
SIBIRSKAYA E.V., OVESHNIKOVA L.V. Assessment of Competitiveness and Economic Security Far Eastern Macroregion Subjects	197

В.Н. ЛЕКСИН

РОССИЙСКАЯ АРКТИКА В 2022–2023 гг. НОВЫЕ РЕШЕНИЯ

В статье излагаются результаты исследования новейших перемен на территории самого уникального макрорегиона России – Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ). В 2022–2023 гг. общественно-политические, экономические, социальные и даже ментальные трансформации затронули все пространственные составляющие нашего федеративного государства и особенно субъекты Федерации и муниципальные образования на территории АЗРФ. В этот период руководство страны в условиях беспрецедентного санкционного давления сумело срочно скорректировать устоявшиеся десятилетиями дипломатические и внешнеэкономические связи и принять экстраординарные государственные решения, стимулирующие экономическую активность во всех видах хозяйственной деятельности. Примером результативности этого могут служить новации в российской Арктике, которые стали показательной моделью нового курса развития нашего государства, сочетающего свободу рыночных отношений и мощное государственное регулирование экономики, стремление к экономическому суверенитету и активное межгосударственное сотрудничество, конструктивную социальную политику и императивный характер духовно-нравственных ценностей. Сегодня происходящее в АЗРФ исключительно многоаспектно, в связи с чем на ограниченном текстовом пространстве этой статьи дана лишь сводная оценка ситуации и рассмотрена новейшая проблематика работы Северного морского пути и северного завоза. Информационной основой исследования послужили официальные документы и публикации 2022–2023 гг.

Ключевые слова: Арктика, Северный морской путь, северный завоз, нормативно-правовые акты, новые проекты и решения.

JEL: R13

Государственная политика и реализуемые проекты

2022 и 2023 гг. стали временем жестких испытаний устойчивости всех оснований нашего государства. Тотальное противостояние коллективного Запада, по мнению его лидеров, должно было капитально ослабить российскую экономику и российскую власть; сократить

социальные программы и вызвать массовое недовольство населения; снизить роль России в мировой политике и в международных организациях (в т.ч. в ООН). Однако президент Российской Федерации, органы государственной и муниципальной власти, население и бизнес сумели в обстановке самого сильного в истории России санкционного (внешнеполитического и внешнеэкономического) давления преодолеть наиболее критические последствия его негативного воздействия. Об этом свидетельствует реальная ситуация в стране в целом и в ее регионах, в т.ч. в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях на территории Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), где *зависимость от досанкционного сотрудничества с Западом (направления экспорта, зарубежное оборудование для добычи нефти и газа и т.п.) была наиболее сильной*. Глава Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики емко охарактеризовал ситуацию арктического ответа на санкции: «никто не нажал на кнопку “стоп”»¹.

Характеризуя специфику разработки и реализации государственной арктической политики, автор настоящей статьи и академик РАН Б.Н. Порфирьев подчеркивали, что отличия нашей Арктики от других территорий России не исчерпываются экстремальным климатом, низкой плотностью населения и слабыми транспортными связями. Не менее существенны и пять иных, абсолютно арктических особенностей АЗРФ, во многом определяющих особенности государственного управления и функционирования этого макрорегиона.

Во-первых, выделение АЗРФ в единый объект федерального регулирования создало управленческую структуру, по неоднородности не имеющую аналогов ни в России, ни в мире; любые федеральные инициативы и корпоративные проекты требуют всесторонних согласований с властями различных территорий, с представителями коренных малочисленных народов Севера и т.д.

Во-вторых, на территории АЗРФ особо остро ощущаются плюсы и минусы советского наследия: за 70 лет советского периода нашей истории огромная высокоширотная часть России превратилась из самой отсталой во всех отношениях территории в разумно обжитую, адаптивно обустроенную и одну из наиболее индустриализированных. Однако с каждым годом становится все ощутимей, что созданный по-советски огромный хозяйственный, инфраструктурный и расселенческий потенциал АЗРФ в значительной степени не отвечает современным требованиям. Для поддержания этого наследия хотя бы в прежнем состоянии требуются финансовые, материально-технические и кадровые ресурсы несопоставимые с необходимыми для аналогичных целей на территориях, расположенных южнее, а создание каждого нового рабочего места обходится в несколько раз дороже, чем в среднем по России.

¹ Чекунов А.О. Никто из инвесторов не нажал на кнопку «Стоп»: как Дальний Восток и Арктика справляются с санкционными вызовами // Комсомольская правда. 2023. 3 марта.

В-третьих, сегодня АЗРФ — территория с максимальной локализацией производственной деятельности богатейших корпораций, среди которых такие бизнес-гиганты, как, например, «Газпром», «Росатом», НОВАТЭК, «Норникель», «Роснефть» и «ФосАгро» и с небольшой долей малого и среднего бизнеса.

В-четвертых, в АЗРФ высокочатотны все возникшие в последние годы и строящиеся производственные, инфраструктурные, оборонные, социальные и иные объекты, и это связано как с экстремальными условиями их возведения, так и с их функционально-техническими особенностями и с частой необходимостью параллельного решения транспортных и других инфраструктурных проблем.

В-пятых, отличными от других территорий являются системный характер и концентрация рисков по всем видам арктической деятельности, что требует, в частности, выполнения аномально высоких экологических стандартов. Именно из таких особенностей формируется реальный облик другой Арктики как территории активной инвестиционной, социально-инфраструктурной и производственной деятельности [1; 2].

Современная Арктика с избытком покрывает расходы корпораций и государства; по данным Росстата в 2020–2023 г. в расчете на одного жителя АЗРФ создавалось валового регионального продукта в 3,5 раза, а на одного работающего (включая вахтовиков) в 2,7 раз больше, чем в среднем по России. Сегодня экономику страны нельзя представить без поставляемой из Арктики самой разнообразной продукции, а государственный бюджет — без арктического экспорта. Ведь именно на территории АЗРФ добывается более 80% российского природного газа, 17% нефти и ценнейшее агрохимическое сырье, производится седьмая часть мировых объемов никеля и платины, десятая — кобальта, 40% палладия и т.д. Информация о всех видах добычи природных ресурсов (от рыбы до золота) и производств АЗРФ, об их рентабельности и других параметрах в настоящее время общедоступна [3–8], в связи с чем целесообразно остановиться лишь на причинах парадоксальной инвестиционной и производственной привлекательности этой территории. Среди них прежде всего следует назвать *результативное соединение новой арктической политики России и созданных на ее основе преференциальных режимов, механизмов государственной поддержки предпринимательской и инвестиционной деятельности.* Немаловажное значение имеет предоставление инвесторам государственной финансовой и иной поддержки при осуществлении ими капитальных вложений в объекты транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры, включая инфраструктуру систем газоснабжения, водоснабжения, трубопроводного транспорта и связи, необходимых для реализации новых инвестиционных проектов.

Наиболее значимые действия в формировании новой арктической политики начались после принятия ее принципиально обновленных основ (далее — Основы 2020–2035) и стратегии развития АЗРФ (далее — Стратегия 2020–2035) на период до 2035 г. Они впервые наметили конкретную про-

грамму действий на период до 2035 г. по каждому субъекту Российской Федерации и муниципальному образованию, территории которых входят в состав АЗРФ. Существенно и то, что согласно п. 26 Основ 2020–2035 в число первоочередных характеристик эффективности новой государственной политики в Арктике наряду с такими бесспорно важными экономическими показателями (таковы, например, доля ВРП или доля добавленной стоимости высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в валовом региональном продукте, произведенном в АЗРФ) включены такие социально значимые параметры, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении в АЗРФ, коэффициент миграционного прироста населения и уровень безработицы в этой зоне (рассчитываемый в соответствии с методологией МОТ), число рабочих мест на предприятиях в АЗРФ и средняя заработная плата их работников и ряд др.

В Стратегии 2020–2035 основные задачи в сфере экономического развития АЗРФ Российской Федерации таковы: государственная поддержка предпринимательской деятельности, в т.ч. поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в целях создания привлекательных условий для осуществления частных инвестиций и обеспечения их экономической эффективности; расширение участия частных инвесторов в реализации инвестиционных проектов на арктическом шельфе при сохранении со стороны государства контроля за их реализацией; инфраструктурное обустройство минерально-сырьевых центров, логистически связанных с Северным морским путем (СМП); наращивание за счет государственных и частных инвестиций объемов геологоразведочных работ при освоении месторождений углеводородного сырья и твердых полезных ископаемых; стимулирование разработки трудноизвлекаемых запасов углеводородного сырья, повышения коэффициентов извлечения нефти и газа, глубокой переработки нефти, производства сжиженного природного газа и газохимической продукции. Все эти задачи в настоящее время реализуются в форме конкретных проектов и государственных решений. Возросшее место российской Арктики в системе федерального управления характеризует то, что согласно ст. 23 Основ 2020–2035 *общее руководство реализацией государственной политики России в Арктике осуществляет президент Российской Федерации* и он же согласно ст. 38 Стратегии 2020–2035 выполняет функции общего руководства реализацией этого стратегического документа; ни один другой макрорегион России до сих пор не находился под столь прямым президентским управлением.

Преференциальный режим ведения предпринимательской деятельности в АЗРФ установлен Федеральным законом от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации», который ввел понятие «резидент АЗРФ» и установил преференциальный режим ведения предпринимательской деятельности в этой зоне.

Так, резиденты АЗРФ в первые 5 лет своей деятельности освобождены от налога на прибыль и таможенных сборов, платят в 3 раза меньше стра-

ховых взносов за своих работников, имеют значительные льготы по налогу на имущество и земельному налогу. Правительство Российской Федерации утвердило перечень 58 видов арктической деятельности, на которые не распространяется требование по необходимому минимальному объему капитальных вложений в проект в объеме не менее 1 млрд руб. В конце ноября 2022 г. только в Архангельской области зарегистрировано 150 резидентов АЗРФ, а в марте 2023 г. на всей территории АЗРФ было зарегистрировано 580 резидентов с заявленными объемами инвестиций 802 млрд руб. и почти 23 тыс. рабочих мест. В начале 2022 г. в АЗРФ государственную поддержку получили более 460 проектов, большинство из которых связано с развитием и внедрением новых технологий. Объем инвестиций по этим проектам превысил 1,3 трлн руб. Планируется, что к 2030 г. таких проектов будет не менее 1 300, объем инвестиций – около 5 трлн руб., и будут созданы десятки тысяч рабочих мест².

Примером использования преференциального режима АЗРФ может служить арктическая территория Архангельской области, состояние и перспективы которой объективно оценены в недавнем материале губернатора области³. Показателен проект создания в этой области портово-промышленного комплекса «Талаги», имеющего статус резидента АЗРФ. Соглашение между «Корпорацией развития Дальнего Востока и Арктики» и ООО «Арктический портово-промышленный комплекс «Талаги»» было подписано 22 июля 2022 г. Инвестор планирует создать завод по производству железобетонных массивов для гидротехнических объектов в Арктике, а также судоремонтные мощности для обслуживания арктического флота. На территории комплекса будут также созданы агропромышленное производство и промышленный парк для малого и среднего бизнеса. Портово-промышленный комплекс «Талаги» разместится в районе Архангельска на компактной площади (61 га) и будет включать три причала, и три терминала (контейнерный, навалочных грузов, генеральных грузов), способных отгружать 38 млн т в год. Основным направлением развития портового комплекса станет обеспечение транспортировки грузов, необходимых для реализации крупных инвестиционных проектов в Арктике, например, строительства портовых терминалов для газозовов и балкеров в Енисейском заливе. В портово-промышленной зоне «Талаги» планируется создание и судоремонтных мощностей, поскольку регулярные заходы в порт или работу в акватории Архангельской области совершают 260 судов ледокольного флота, класса «река-море», а также промысловые суда. По прогнозам судовладельцев, рост потребности в доковом ремонте арктического флота в Архангельске в ближайшие годы вырастет в 2,5 раза, что потребует сооружения как минимум одного нового дока. Для реализации проек-

² Реестр резидентов Арктической зоны Российской Федерации // Инвестиционный портал Арктической зоны России. URL: <https://investarctic.com/registry.php>

³ Чибис А.В. В 2022-м нам удалось сохранить экономику и добиться важных решений. URL: <https://ria.ru/20221225/chibis-1841360980.html>

та «Талаги» необходимо строительство подъездных путей – железной дороги протяженностью 70 км и автомобильной – 50 км. Суммарный объем вложений по проекту превышает 150 млрд руб.⁴

Крупнейшие проекты реализуются не только в имеющихся промышленных центрах АЗРФ, но и на самых малонаселенных территориях российской Арктики. Таково, например, начало освоения «Первой рудной компанией» одного из крупнейших в мире серебро-свинцово-цинкового Павловского месторождения (о. Южный архипелага Новая Земля)⁵. Объем инвестиций в проект, по информации правительства Архангельской области, составляет 70,74 млрд руб. Цинковый концентрат (223 тыс. т в год) и свинцовый серебросодержащий концентрат (47 тыс. т в год) будут по СМП преимущественно поставляться на экспорт. Карьеры по добыче руды, отвалы, обогатительная фабрика, хвостохранилище, дороги и портовый терминал для отгрузки готовой продукции создаются с использованием новейших технологий при высоких экологических требованиях. Все проектные работы завершены, геологоразведка закончена, принято решение о субсидировании инфраструктуры проекта в размере 10%.

Убедительным примером непрекращающегося развития экономики, социальной инфраструктуры и транспортных связей Арктики может служить освоение известной с 70-х гг. прошлого века Баимской группы медно-порфировых месторождений (Чукотский АО) с запасами 23 млн т меди и более 2 тыс. т золота [9]. Значительная часть этого богатства сосредоточена в месторождении «Песчанка» – базе Баимского горно-обогатительного комбината (ГОКа), строительство которого началось в 2021 г., а полная мощность может быть достигнута в 2028 г. Это может обеспечить увеличение производства меди в России почти на 20% [10; 11]. С 2018 г. права на геологоразведку и разработку этой рудной зоны получила казахская (*KAZ Minerals*) горнодобывающая компания «Баимская». Рассматривались различные варианты энергоснабжения этого промышленного гиганта (например, «Новатек» предлагал использовать ресурсы сжиженного природного газа (СПГ), но в настоящее время предпочтение отдано «Росатому», который должен для этого соорудить у мыса Наглейнын несколько блоков плавучей АЭС. *KAZ Minerals* оценивает инвестиции в размере 5,5 млрд долл. (строительство комбината и АЭС), правительство России софинансирует строительство в районе г. Певека порта и грузового терминала, причалов, а также углубление акватории, сооружение дамбы и подходного канала для перевалки продукции ГОКа на суда СМП. Для обеспечения круглогодичного вывоза продукции комбината «Росатом» выделит

⁴ В Архангельске создадут Арктический портово-промышленный комплекс // Российская газета. 2022. 22 июля; Журба А. Архангельский морской порт: перезагрузка. URL: <https://wek.ru/arxangelskij-morskoj-port-perezagruzka>

⁵ В Арктике построят горно-обогатительный комбинат на базе месторождения свинцово-цинковых руд «Павловское». URL: <https://erdc.ru/news/v-arktike-postroyat-gorno-obogatitelnyy-kombinat-na-baze-mestorozhdeniya-svintsovo-tsinkovykh-rud-pa/>

один из строящихся атомных ледоколов. Начата прокладка всесезонных автодорог от Песчанки до терминала в Певеке и до Билибино. Огромная территория дополнительно электрофицируется: сооружение одной линии ЛЭП (Омсукчан – Песчанка) и двух (Певек – Билибино) частично финансируется из федерального бюджета. На месторождении уже построена взлетно-посадочная полоса, в марте 2023 г. начато авиасообщение с Магаданом. Построены автобаза и ряд других производственных объектов. ГОКу потребуется более трех тысяч работников, и начато строительство благоустроенного поселка. Проект «Баимский ГОК» характеризуется не только внушительными параметрами (годовая мощность переработки руды – 70 млн т, среднегодовое производство меди в течение первых десяти полных лет эксплуатации – 300 тыс. т), но и сложными договорными и финансовыми отношениями, что может несколько отодвинуть ожидаемые сроки ввода. Но заинтересованность в реализации проекта исключительно высока: для Чукотского АО, например, это шанс почти вдвое увеличить доходы бюджета, создать несколько тысяч новых хорошо оплачиваемых рабочих мест и сделать округ бездотационным.

В 2022–2023 гг. продолжалось решение давно назревших задач функционирования арктического макрорегиона. Так, сегодня там зарегистрировано 39 аэродромов, из которых до 2030 г. должны быть реконструированы 21 (в т.ч. в Архангельске, Мурманске, Нарьян-Маре и Певеке), а также реконструированы и сооружены аэропорты в небольших населенных пунктах (Депутатский, Кеппервеем, Оленек, Бухта Провидения и др.). При этом существенной проблемой является замена парка малой авиации в регионах АЗРФ, в т.ч. вертолетов, выполняющих до 70% социально значимых перевозок, и обеспечение круглогодичных магистральных, межрегиональных и местных (региональных) авиаперевозок по доступным ценам. На 2023 г. установлено немало субсидированных маршрутов, однако субсидирование авиаперевозок внутри регионов осуществляется из бюджетов субъектов Федерации, у которых недостаточно для этого средств, например, билет от Якутска до поселка Черский стоит 36 тыс. руб.⁶

Продолжается становление современной системы экологического мониторинга Арктики. Так, разработку концепции и программ, а также финансово-экономическое обоснование такого мониторинга в акватории СМП предполагают завершить в 2023 г. Экологические исследования на пятидесяти комплексных станциях на всей протяженности СМП уже проводит «Росатом» в рамках совместного проекта с Центром морских исследований МГУ имени М.В. Ломоносова. В 2022 г. в Государственную Думу внесен и в феврале 2023 г. принят в первом чтении законопроект о создании мониторинга состояния многолетней мерзлоты; к 2025 г. планируется установить 140 пунктов мониторинга от Кольского полу-

⁶ В СФ предложили субсидировать авиаперевозки внутри регионов из федерального бюджета // Российская газета. 2022. 28 июня.

острова до Чукотки⁷. Регионы предлагают введение особого режима обращения с отходами в Арктике; в марте 2023 г. в Совете Федерации прошло заседание межкомитетской рабочей группы по мониторингу мер по обеспечению предупреждения и ликвидации нефтеразливов.

Существенно, что в 2022–2023 гг. *Арктика укрепила свое положение и как лидера по числу реализуемых наукоемких и инновационных проектов*. Среди них уместно назвать строительство ледостойкой самодвижущейся платформы «Северный полюс» — автономного научного центра для сбора и мониторинга данных, способных научно определить оптимальные продолжительность навигационного периода и маршруты движения по СМП. Осенью 2022 г. платформа отправилась из г. Мурманска в первую годовичную экспедицию; на борту есть 17 лабораторий, где работают океанологи, гидрохимики, гляциологи, метеорологи, экологи, биологи и другие специалисты. В Ямало-Ненецком автономном округе началась постройка круглогодичной арктической научной станции «Снежинка», которая будет использовать и тестировать передовые технологии в области производства чистой энергии и систем жизнеобеспечения в условиях севера. Станция станет первым в мире научным комплексом, работающим на водородной энергетике. Здесь будут проводиться исследования по таким направлениям как водородная энергетика, термостабилизация вечномёрзлых грунтов, технологии сокращения углеродного следа, арктическая медицина, телекоммуникации в высоких широтах, аэро- и гидропоника, роботизированные платформы с искусственным интеллектом. Начало тестовой эксплуатации проекта запланировано на 2024 г.⁸

За 2022 — начало 2023 г. *все проекты и решения на территории АЗРФ осуществлялись на быстро обновляемой федеральной и региональной законодательной основе*. Напомню, что в рассматриваемый период в России было принято беспрецедентно большое число нормативно-правовых актов, корректировавших с учетом изменившихся обстоятельств ранее принятые решения и создавших принципиально новую регуляторную среду по практически всем вопросам общественно-политической, хозяйственной и социальной деятельности. В 2022 г., как отметил на заключительном заседании Государственной Думы ее спикер, было принято самое большое количество федеральных законов за всю историю работы российского парламента: более 650 по сравнению с 506 законами в 2021 г. При конкретизации их положения и оперативном реагировании на новые региональные проблемы были приняты десятки тысяч законов в субъектах Российской Федерации и сотни тысяч нормативных актов местного самоуправления. Практически все они действовали на территории АЗРФ, а многие из них (примеры приведены в последующих разделах статьи) имели главным предметом решение важнейших практических вопросов функционирования российской Арктики.

⁷ В Росатоме и Минприроды рассказали об усилении экомониторинга Северного морского пути // Известия. 2022. 16 декабря.

⁸ Автономность — два года. Почему платформа «Северный полюс» напоминает научный город. URL: <https://tass.ru/arktika-segodnya/16225919>

Арктическая дорога жизни

Состояние и перспективы использования СМП сегодня находятся в исключительно высокой зависимости от внешнеполитических и внешнеэкономических обстоятельств, от возможностей экономического, промышленного и научно-технического потенциала страны и, наконец, от тенденций изменения климата. Обычно приводимые выигрышные сопоставления протяженности СМП с альтернативным транс-океаническим направлением следует корректировать на то, что ныне продолжительность навигации по СМП составляет всего 2–4 месяца. Сделать ее круглогодичной можно только при использовании ледоколов, строительство и эксплуатация которых обходится намного дороже, чем любых других судов, и при не менее дорогостоящем обновлении имеющейся и сооружении новой портовой инфраструктуры вдоль побережья Северного Ледовитого океана. Все это так, но у СМП есть и такая важнейшая функция как связующее звено всех арктических территорий России в экономическом и социальном отношении, как транспортный коридор, защищенный от внешнеполитических негативных воздействий нахождением в территориальных водах и исключительной экономической зоны страны. Ледокольный флот СМП к тому же решает задачи проводки судов Минобороны России и научно-исследовательских судов, обеспечивающих подтверждение внешних границ континентального шельфа России и исследование лицензионных участков нефтегазодобычи. Напомню, что в Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года основными задачами социально-экономического развития приоритетных геостратегических территорий России, расположенных в АЗРФ, названы инфраструктурное обеспечение развития обслуживаемых СМП нефтегазовых, минерально-сырьевых и промышленных центров, модернизация и развитие обеспечивающих функционирование СМП морских портов, содействие социально-экономическому развитию населенных пунктов, стратегически важных для развития СМП и хозяйственного освоения Арктики.

Президент Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. еще раз назвал СМП ключевым направлением расширения перспективных внешнеэкономических связей и выстраивания новых логистических коридоров. На СМП в течение десятилетий возлагались надежды как на перспективную транспортную связь государств северо-восточной Азии и Западной Европы. В наши дни коренное изменение этого маршрута (европейская часть России и те же государства Азии) совпадает с восточно-ориентированной трансформацией всех аспектов политики России⁹, и это практически полностью компенсировало потерю западноевропейских и северо-американских экономических партнеров [12].

⁹ Николаев А.С. Глава Якутии: развитие Арктики поможет развороту России на Восток. URL: <https://tass.ru/interviews/16428507>

Согласно Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года, выполнение основных задач в сфере развития инфраструктуры АЗРФ должно быть обеспечено в т.ч. путем:

а) комплексного развития инфраструктуры морских портов и морских судоходных путей в акваториях СМП, Баренцева, Белого и Печорского морей и создания штаба морских операций по управлению судоходством на протяжении всей акватории СМП;

б) разработки и утверждения программы строительства грузовых судов, используемых в целях торгового мореплавания, для реализации экономических проектов и строительства грузопассажирских судов для осуществления перевозок между морскими и речными портами в АЗРФ;

в) строительства портов-хабов и создания российского контейнерного оператора в целях обеспечения международных и каботажных перевозок в акватории СМП;

г) разработки схемы развития, строительства (реконструкции) аэропортовых комплексов и пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации одновременно с развитием инфраструктуры СМП и реализацией экономических проектов;

д) расширения сети аэропортов и посадочных площадок; строительства и реконструкции автомобильных дорог местного значения, в т.ч. в населенных пунктах, расположенных в отдаленных местностях. И все эти работы уже начаты и продолжаются, включая строительство новых терминалов и перевалочных комплексов (порты Мурманск, Архангельск, Индига, Диксон, Певек, Сабетта, Дудинка, Тикси).

Так, запланировано строительство терминала сжиженного природного газа и газового конденсата «Утренний» в порту Сабетта (Ямало-Ненецкий АО), терминала «Бухта-Север» для проекта «ВостокОйл» (Красноярский край), терминала «Енисей» на базе Сырадасайского месторождения (Красноярский край), морского терминала в порту Певек (Чукотский АО) для уже упоминавшегося Баимского ГОКа, морских перегрузочных комплексов СПГ в Камчатском крае и др. Всего в 2022–2026 гг. на эти цели будет направляться 221,6 млрд руб., в т.ч. 79,4 млрд руб. — из федерального бюджета.

СМП — транспортная магистраль, по которой в 2022 г. было перевезено 34,1 млн т грузов (на 2,1 млн т больше запланированного). По целевому сценарию оператора СМП ФГБУ «Администрация Северного морского пути» ГК «Росатом», с 2021 по 2024 г. грузопоток на СМП должен вырасти с 34 до 80 млн т, в 2030 г. — до 150 млн т, а к 2035 г. — до 220 млн т. Пока что небольшую часть этого грузопотока обеспечивают каботажные рейсы; в летне-осеннюю навигацию 2023 г. число круговых каботажных грузовых рейсов по СМП из Санкт-Петербурга во Владивосток возрастет с двух до четырех, а объем грузов на маршруте — с 8,5 тыс. т до 20 тыс. т¹⁰.

¹⁰ Объем грузов на регулярных каботажных рейсах по Севморпути в 2023 году возрастет в 2,3 раза. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2023/03/03/133249>

Правительство Российской Федерации утвердило «План развития Северного морского пути на период до 2035 года» (далее — План), содержащий более 150 мероприятий и предусматривающий финансирование в объеме более 1,8 трлн руб. на обеспечение необходимой производственной и транспортной инфраструктурой инвестиционных проектов, реализация которых обеспечит проектируемый грузопоток на СМП. А это в первую очередь естественно связано с наличием и эффективным функционированием арктических судов и портов и с решением совокупности правовых и экономических задач [13; 14].

Важнейшей из них становится ввод в эксплуатацию новых ледоколов: по Плану до 2030 г. их должно быть построено 6. По мнению представителей ГК «Росатом», для обслуживания грузооборота к тому времени желательно иметь 12–14, а из имеющихся 8 ледоколов к этому времени в эксплуатации останется только 5¹¹. В связи с восстановлением портопунктов для каботажного плавания (в т.ч. на островных территориях — архипелагах Новая Земля, Земля Франца-Иосифа, Новосибирских островах, острове Врангеля и других) такие перевозки осуществляет единственный в мире атомный контейнеровоз-лихтеровоз «Севморпуть», который ввели в строй в 2015 г. В 2019 г. он совершил пробный рейс по доставке рыбной продукции по СМП с Дальнего Востока на Северо-Запад России, а в 2022 г. — два круговых рейса из портов при загрузке на первом рейсе 10%, на втором — 90% в направлении дальневосточных портов и 46% — в обратном направлении. Субсидирование таких перевозок осуществляется из федерального бюджета в рамках федерального проекта «Развитие Северного морского пути», входящего в «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 г. (далее — Комплексный план). Всего в 2022–2030 гг. на развитие атомного ледокольного флота будет выделено 539 млрд руб., в т.ч. 119,5 млрд руб. — из федерального бюджета.

В настоящее время практически по всей береговой линии акватории СМП проводятся работы по восстановлению, реконструкции и модернизации действовавших ранее и по строительству новых портов и портовых сооружений.

Согласно Комплексному плану, увеличение мощности морских портов Арктического бассейна в первую очередь будет обеспечено путем развития крупнейшего в мире заполярного незамерзающего порта в Мурманске. На 2024 г. намечено завершение инвестиционных проектов прироста мощности по перевалке угля Мурманского морского торгового порта на 2,5 млн т в год, а к 2025 г. пропускная способность порта за счет реконструкции объектов портовой инфраструктуры третьего грузового района должна вырасти еще на 1,5 млн т. В 2023–2026 гг. из федерального бюджета будет выделено более 27,6 млрд руб. на строительство морского терминала с пропускной способностью около 2 млн т грузов в год в чукотском порту Певек. У мыса Наглейнын будет

¹¹ Медведев обещал не допустить дефицита атомных ледоколов к 2030 году // Ведомости. 2022. 18 ноября.

проведено углубление акватории со строительством подходного канала для судов с одновременным сооружением причалов для отгрузки продукции Баимского горно-обогатительного комбината. Федеральные средства позволят в 2026 г. завершить выполнение гидротехнических работ, необходимых для размещения плавучих атомных энергоблоков, которые должны снабжать электричеством тот же комбинат¹².

Сейчас идет модернизация арктических портов не только в Мурманске и Певеке, но и в Хатанге, Дудинке, Диксоне и Тикси, созданы и создаются новые портовые (транспортно-логистические) комплексы и отгрузочные терминалы Варандей, Индига, Печенга и Харасавей. Кроме того, в целях обеспечения круглогодичной навигации по СМП на создание цифровой экосистемы («ледового навигатора») СМП в 2023–2024 гг. будут выделены субсидии из федерального бюджета в общем объеме 4 млрд руб.; предполагается, что это позволит получать актуальные данные о погодных условиях, расположении судов и загруженности портов, а также логистические услуги, в числе которых — оформление разрешений на проход судов, мониторинг, диспетчеризацию и т.п.

Особая государственная значимость СМП обусловила принятие государственных решений о централизованном управлении всей совокупностью вопросов его функционирования и развития и об их детальной юридической регламентации. Так, президент Российской Федерации подписал Федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 184-ФЗ «О внесении изменений в статью 5-1 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации и Федеральный закон «О Государственной корпорации по атомной энергии “Росатом”», передав этой корпорации практически все полномочия по управлению судоходством в акватории СМП. В настоящее время и до 1 марта 2028 г. действуют оперативно пересмотренные после этого «Правила плавания в акватории СМП» (в редакции от 19 сентября 2022 г.). Они определяют:

а) порядок организации плавания судов в акватории СМП, предусматривающий выдачу разрешений на плавание судов в акватории, приостановление, возобновление и прекращение их действия и внесение в них изменений Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом» или подведомственной ей организацией ФГБУ «Главное управление Северного морского пути»;

б) порядок выдачи федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере морского транспорта, или подведомственной ему организацией лицам, удовлетворяющим требованиям положения о ледовых лоцманах, утвержденного федеральным органом исполнительной власти в области транспорта по согласованию с «Росатомом», удостоверений о праве ледовой лоцманской проводки судов в акватории СМП;

¹² Правительство профинансирует строительство нового терминала в порту Певек.
URL: <https://www.morport.com/rus/news/pravitelstvo-profinansiruet-stroitelstvo-novogo-terminala-v-portu-pevek>

в) положение о навигационно-гидрографическом обеспечении плавания судов в акватории СМП;

г) иные положения, касающиеся организации плавания судов в акватории СМП.

Организация плавания судов в акватории СМП в соответствии с вышеназванными «Правилами плавания» и нормативными правовыми актами (в т.ч. ч. 3 ст. 51 «Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации») включает:

1) организацию разработки маршрутов плавания судов и использования судов ледокольного флота в акватории СМП с учетом гидрометеорологической, ледовой и навигационной обстановки в акватории;

2) организацию предоставления информационных услуг в области организации плавания судов, требований к обеспечению безопасности плавания судов, обеспечения осуществления ледокольной проводки судов;

3) содействие в организации проведения поисковых и спасательных операций в акватории СМП;

4) организацию мониторинга движения судов в акватории СМП;

5) предоставление информации о гидрометеорологической, ледовой и навигационной обстановке в акватории СМП;

6) содействие в организации проведения операций по ликвидации последствий загрязнения с судов опасными и вредными веществами в акватории СМП, а также в проведении работ по предупреждению и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов в акватории СМП¹³. Выдача разрешений на плавание судов в акватории СМП теперь осуществляется только при условии выполнения судном особых (применительно к акватории СМП) требований безопасности мореплавания и защиты морской среды от загрязнения с судов [15].

Минтрансом России по согласованию с «Росатомом» уже утверждены:

1) правила ледокольной проводки судов в акватории СМП (приказ от 24 января 2022 г. № 17);

2) правила ледовой лоцманской проводки судов в акватории СМП (приказ от 1 февраля 2022 г. № 25);

3) правила проводки судов по маршрутам в акватории СМП (приказ от 24 января 2022 г. № 18);

4) положение о гидрометеорологическом обеспечении плавания судов в акватории СМП (приказ от 24 января 2022 г. № 19). С 1 марта 2023 г. до 1 сентября 2028 г. действует уточненная редакция этих положений (Приказ Минтранса России от 28 сентября 2022 г. № 395 «О внесении изменений в Правила проводки судов по маршрутам в акватории Северного морского пути»).

Размер платы за ледокольную и ледовую лоцманскую проводку судна в акватории СМП определяется в соответствии с законодатель-

¹³ Андрей Нагибин: Севморпуть поможет очистить Арктику от накопленных отходов: о реализации проекта «Чистая Арктика». URL: <https://ria.ru/20230213/nagibin-1851633845.html>

ством Российской Федерации о естественных монополиях с учетом вместимости судна, ледового класса судна, расстояния, на которое осуществляется проводка этого судна, и периода навигации. Причем правила применения тарифов также распространяются на военные корабли, военно-вспомогательные суда и другие суда, находящиеся в собственности Российской Федерации, собственности субъектов Федерации или эксплуатируемые ими и используемые только для правительственной некоммерческой службы. Естественно, что остались неизменными положения п. 3 ст. ч. 4 «Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации» о том, что услуга по проводке судна и иные услуги оказываются только судами ледокольного флота, имеющими право плавания под Государственным флагом Российской Федерации. Исключительно с использованием судов, плавающих под этим флагом, осуществляются ледокольная проводка и ледовая лоцманская проводка в акватории СМП; морские перевозки нефти, природного газа (в т.ч. в сжиженном состоянии), газового конденсата и угля, добытых на территории России и (или) на находящейся под ее юрисдикцией территории, в т.ч. на континентальном шельфе Российской Федерации, и погруженных на суда в акватории СМП, до первого пункта выгрузки или перегрузки; хранение нефти и нефтепродуктов, природного газа (в т.ч. в сжиженном состоянии), газового конденсата и угля, если такое хранение осуществляется на судне в акватории СМП.

Новое в организации северного завоза

Из российской Арктики на внутренний и внешний рынок поставляется почти все там добываемое и производимое, и до сих пор его вывоз к потребителям (находящимся на арктической территории и, главное, за ее пределами) организован намного лучше, чем так называемый северный завоз. Это понятие, широко распространенное в разговорной речи (в т.ч. в ходе официальных обсуждений вопроса), в научных публикациях и в СМИ, не имеет нормативно-правового определения и таковым чаще становится словосочетание «досрочный завоз продукции в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности». В любом случае *северный завоз понимается как необходимое условие обеспечения нормальной жизнедеятельности в населенных пунктах АЗРФ с ограниченными сроками транспортной доступности и создания там запасов товаров на межнавигационный период, на время отсутствия зимников и т.п.* Официальная статистика северного завоза отсутствует, но 27 октября 2022 г. Минвостокразвития Российской Федерации разместило в своем официальном телеграм-канале краткую справку «Северный завоз в цифрах» — информацию о масштабах этого явления, составной частью которого является жизнеобеспечение населенных пунктов АЗРФ. В справке отмечены следующие позиции: северный завоз осуществляется в 25 субъектах Российской Федерации, где от него зависят 3 млн чел.; ежегодно завозится 3,2 млн т грузов при стоимости завоза в 87 млрд руб.;

цены на продукты питания в рамках северного завоза в 2–3 раза выше среднероссийских, причем стоимость товара из-за неоптимальной логистики может увеличиваться в 11 раз.

Ресурсный, хозяйственный и социально-инфраструктурный потенциал АЗРФ, как отмечалось в начале статьи, огромен, но его функционирование в интересах страны немыслимо без государственной организации северного завоза на большинство территорий этой зоны. Причины этого объективно обусловлены: в АЗРФ не выпускается большинство потребляемых там промышленных и особенно сельскохозяйственных товаров, многие населенные пункты не имеют связи с объектами производства электроэнергии, нефтегазового и угольного топлива. Отдаленность основных мест производства и потребления продукции северного завоза делает их доставку частными юридическими и физическими лицами исключительно дорогостоящей и ненадежной. Эта ситуация проанализирована в публикациях известных отечественных специалистов, рассматривавших конкретные примеры проблем северного завоза в исторической перспективе, на северных территориях Канады и Аляски и обосновывающих экономическую и социальную оправданность государственного подхода к решению этих проблем в СССР и современной России [16; 17].

Государственный масштаб проблемы северного завоза учитывался в таком документе стратегического характера, как «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике» (утверждены Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164). В нем, в частности, предусмотрено создание системы государственной поддержки завоза в населенные пункты в целях обеспечения доступных цен на топливо, продовольствие и другие жизненно необходимые товары как одна из основных задач социального развития АЗРФ. Такая же задача поставлена в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645). Начата реализация проекта цифровой модели «Северный завоз», направленной на решение наиболее острых проблем северного завоза: неэффективной логистики и отсутствия актуальной статистики в режиме реального времени (пилотным регионом для тестирования цифровой модели стала Республика Саха (Якутия). Предполагается, что осуществление такой цифровой модели позволит обеспечить прозрачность перевозки грузов, повысить ее эффективность, снизить риски, сократить стоимость доставки товаров, расширить их ассортимент, а также оперативно управлять логистическими цепочками поставок социально значимых товаров в районы АЗРФ, Крайнего Севера и приравненные к ним территории.

В ноябре 2021 г. состояние северного завоза и необходимость его улучшения были предметом рассмотрения на круглом столе «Северный завоз: совершенствование механизмов государственной поддержки», организованном Комитетом Совета Федерации по федеративному

устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера. В рекомендациях этого обсуждения, утвержденных указанным Комитетом (протокол № 262 от 17 ноября 2021 г.), подчеркивалось, что сложившаяся практика северного завоза характеризуется слабой координацией органов публичной власти и недостаточным межведомственным взаимодействием. С ликвидацией централизованных поставок продукции на территорию АЗРФ снижение объемов и сокращение ассортимента поставляемых товаров привело к существенному снижению качества продовольственного обеспечения, закрытию многих производств и другим негативным экономическим, социальным, демографическим последствиям. Фактическое перераспределение ответственности, а вместе с ней и источников финансирования северного завоза с федерального на региональный и даже на муниципальный уровни создало существенные затруднения в организации северного завоза за счет собственных средств.

Так, в конце 2021 г. завоз продовольствия на арктические территории Республики Саха (Якутия) осуществлялся за счет субсидирования транспортных затрат из государственного бюджета Республики Саха только по продуктам, включенным в перечень социально значимых продовольственных товаров, которые составляли 10% от общих объемов потребности, а другие виды товаров реализовывались по рыночным ценам (до 5–6 раз дороже), недоступным для большинства населения. Для повышения уровня жизни в арктических районах до среднероссийского требовалось бы кратно увеличить объем поставок при значительном расширении перечня завозимых товаров. Напомню, что одним из направлений реализации Стратегии развития Арктической зоны в отдельных муниципальных образованиях Республики Саха (Якутия) на период до 2030 г. предусматривается создание сети торгово-логистических центров для обеспечения завоза в населенные пункты, расположенные в отдаленных местностях, топлива, продовольствия и других жизненно необходимых товаров.

Эксперты утверждают, что *важнейшим условием повышения результативности и эффективности северного завоза может стать развитие речного судоходства*, для чего необходимо решение ряда сложных взаимосвязанных задач [18; 19; 20]. Минвостокразвития России уже разрабатывает план мероприятий по расширению возможностей судоходства по Беломорско-Балтийскому каналу, бассейнам Онеги, Северной Двины, Мезени, Печоры, Оби, Енисея, Лены, Колымы и других рек АЗРФ, где расположены речные порты Архангельск, Зеленый Мыс, Игарка, Лабытнанги, Надым, Нижнеянгск, Салехард, Уренгой. Однако в этой зоне имеются участки рек (Амга, Оленек, Марха, Мая, Анабар, а также участки рек Индигирки, Яны и Вилюй), где осуществляется экспедиционный завоз грузов, но до сих пор нет установленных гарантированных габаритов судовых ходов. Председатель правления Отраслевой судостроительной ассоциации С.М. Коновалов сообщает, что, например, из-за отсутствия гарантированных глубин на бере реки Индигирки реч-

ники зачастую были вынуждены перекачивать нефтепродукты из танкеров в несколько мелкосидящих судов, которые затем доставляли налив по реке в пункт назначения. Нужны и ледоколы с меняющейся осадкой, и суда технического флота, и суда с малой осадкой, вплоть до судов на воздушной подушке [21].

В последнее время организация российского северного завоза обретает новое содержание, и одним из его важнейших компонентов становится *стремление ввода этой деятельности в строгое нормативно-правовое русло* [22]. Так, еще в Постановлении Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 20 октября 2021 г. № 449-СФ «О реализации стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации» ставилась задача создания специального правового регулирования и механизмов господдержки северного завоза, в т.ч. на территории АЗРФ. В течение 2022 г. такая работа велась с участием органов законодательной и исполнительной власти соответствующих субъектов Федерации, и 22 февраля 2023 г. правительством Российской Федерации был внесен в Государственную Думу законопроект № 301981-8 «О северном завозе», целью которого является создание правовых и организационных основ северного завоза, совершенствование обеспечения жизнедеятельности населения и стабильного функционирования организаций социальной сферы, жилищно-коммунального хозяйства и энергетики на территориях северного завоза, устранение пробелов действующего законодательства в регулировании указанной деятельности. По сути дела, перенастраивается вся система северного завоза.

Во-первых, перечень территорий северного завоза и перечень грузов первой категории теперь будет определять правительство Российской Федерации с учетом предложений высших должностных лиц субъектов Федерации. Вводятся органы управления северным завозом: федеральный координатор (федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и по нормативно-правовому регулированию в этой сфере) и единый морской оператор, — определенное правительством Российской Федерации юридическое лицо, обеспечивающее осуществление регулярных каботажных перевозок грузов северного завоза между морскими портами. Конкретные полномочия по организации, координации и планированию северного завоза на территориях субъектов Российской Федерации будут возложены на их исполнительные органы государственной власти.

Во-вторых, предполагается определить перечень объектов опорной сети транспортно-логистической инфраструктуры северного завоза на территории каждого субъекта Федерации. Это должно сделать правительство с учетом предложений высших исполнительных органов субъектов, согласованных с собственниками таких объектов. Законопроект регламентирует вопросы финансового обеспечения расходных обязательств Российской Федерации, субъектов Федерации и муниципальных образований по содержанию опорной сети таких объектов, находящихся в федеральной собственности Российской Федерации,

субъектов Федерации и муниципалитетов. Система мер финансовой поддержки участников северного завоза будет включать бюджетные кредиты, субсидии, а также иные формы, предусмотренные бюджетным законодательством и законодательством о налогах и сборах.

В-третьих, восстанавливаются государственный учет и отчетность в сфере осуществления северного завоза, для чего создается федеральная государственная информационная система его мониторинга и официального статистического учета. Информационная система рассчитана на обработку и анализ информации о северном завозе, а мониторинг — на отслеживание движения грузов и своевременное выявление рисков возникновения сбоев в поставках. Предусматривается, что обладателем информации, содержащейся в этой системе, является Российская Федерация, законодательство которой должно обеспечить защиту данных (особенно, составляющих государственную тайну).

Следует подчеркнуть, что предлагаемые новации основываются на четком распределении полномочий между тремя уровнями публичной власти, что дополнительно усиливается положениями законопроекта № 301929-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В законопроекте предусмотрена новая трактовка ст. 44 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», где к полномочиям органов государственной власти субъекта Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации отнесено и решение вопросов организации и осуществления северного завоза.

Все перечисленные меры организационного и нормативно-правового характера следует считать полезными, но далеко не исчерпывающими огромный массив практических вопросов северного завоза, требующих скорейшего решения.

Так, до сих пор законодательно не закреплён статус арктических дорог жизни — зимних автомобильных дорог (зимников) и механизмов финансирования создания таких дорог за счет субсидий из федерального бюджета. Важнейшей задачей является развитие транспортной инфраструктуры рек Крайнего Севера в соответствии с государственной программой «Развитие транспортной системы России», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2017 г. № 1596; необходимо обеспечить ныне ограниченную пропускную способность арктических участков внутренних водных путей рек Енисей, Обь, верховья реки Лены, обновление обслуживающего (технического) флота, модернизацию береговых производственных объектов и сооружений.

До сих пор не реализуются давние предложения о внесении изменений в ч. 7 ст. 9 Федерального закона от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» по увеличению сроков оплаты за поставленную продукцию для хозяйствующих субъектов, осуществляющих се-

верный завоз и о внесении изменений в Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» для возможности осуществления государственными унитарными предприятиями закупок товаров, работ, услуг в условиях ограниченных сроков завоза грузов.

Следует считать обоснованным строительство в г. Якутске и п. Тикси комбинатов Росрезерва для обеспечения населения продовольственными товарами, нефтепродуктами и товарами в случае чрезвычайных ситуаций. Организации, использующие гражданские суда для нужд северного завоза, настаивают на праве участия в отборе заявок на право получения субсидий из федерального бюджета на возмещение части затрат на приобретение (строительство) новых гражданских судов взамен судов, сданных на утилизацию, предусмотренных Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 502. Значительные возможности решения многих проблем реализации северного завоза открываются при *распространении так называемых лучших практик пока что регионального масштаба*.

Так, в Республике Саха (Якутия) расширен список завозимых по схеме северного завоза товаров, включая продукцию производственно-технического назначения: стальные трубы, бойлеры, радиаторы, насосы, арматуру, генераторы, провода, электроды, кровельные материалы и цемент, а также перечень услуг, оказываемых в рамках северного завоза, включая перевозку грузовым автомобильным транспортом, внутренним речным, морским и воздушного транспортом, обработку грузов и их хранение. В этой же Республике на базе строительства современных теплиц успешно реализуется программа замещения овощной продукции северного завоза товарами местного производства — картофелем, помидорами, огурцами и зеленью, что уже сейчас покрывает потребности на эти овощи почти на 60%.

В Республике Коми накоплен позитивный опыт поддержки объектов речной инфраструктуры. Министерство промышленности, транспорта и энергетики Республики и федеральное бюджетное учреждение «Администрация Печорского бассейна внутренних водных путей» ежегодно заключают контракт на проведение работ по обеспечению судоходной обстановки на участке р. Печора (от п. Усть-Илыч до г. Вуктыл), р. Цильма (с. Трусово — устье) и р. Уса (г. Усинск — устье), на пассажирские перевозки в Усинском районе и доставку топлива по р. Печора в труднодоступные населенные пункты. В ряде регионов АЗРФ организован контроль за качеством поставляемых энергоресурсов в ходе их централизованной закупки, что ориентирует поставщиков на поставку топлива хорошего качества и позволяет снизить затраты на такой контроль на уровне муниципалитетов.

В Ненецком автономном округе передача одной компании (АО «Ненецкая нефтяная компания») права на закупку товаров и топлива в рамках северного завоза одним лотом обеспечила снижение цены как за счет масштаба закупки, так и за счет оптимизации поставок

в рамках работы одной логистической компании. Снизились и трансакционные издержки, связанные с контролем. В пяти населенных пунктах Мурманской области, которые ранее снабжались по программе северного завоза, за счет установки ветрогенераторов и солнечных батарей объем поставок энергоресурсов снижен в три раза: топливо завозят только для дизель-генераторов, используемых в качестве резервных источников питания и для подзарядки солнечных батарей, когда им не хватает энергии солнца. И это — лишь малая часть позитивных решений множества практических задач северного завоза, разработанных и реализованных на местах.

* * *

Приведенные в статье факты активного развития АЗРФ менее всего свидетельствуют о кардинальном решении накопленных и новых проблем функционирования этого уникального макрорегиона. Таковы и санкционные ограничения, и связанная с этим вынужденная практически полная ориентация на российский научно-технический потенциал, и функционирование производственной и социальной инфраструктуры в условиях мощных климатических изменений, и необходимость воссоздания устаревшего и часто недееспособного портового и иного советского наследия, и несбалансированность численности населения и мест приложения труда, и все большее расхождение современных требований к уровню жизни с реалиями традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, и многое другое. Но ни одна из этих долгосрочных задач не остается вне поля зрения руководства страны, регионов и муниципалитетов, крупных корпораций и научных центров, такие задачи все более системно осмысляются, различные варианты их решения подвергаются серьезной экспертной оценке с выбором наиболее приемлемых в конкретных и быстро меняющихся обстоятельствах. Сейчас главное — сохранить государственную приоритетность и не снизить динамизм развития нашей Арктики.

Список литературы

1. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Государственная арктическая политика России // *Федерализм*. 2021. № 1. С. 15–43.
2. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Другая Арктика // *Вопросы прогнозирования*. 2022. № 1. С. 34–44.
3. Дядик Н.В., Чапаргина А.Н. Финансовая состоятельность регионов российской Арктики. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2021. 150 с.
4. Экономика современной Арктики. В основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками / под науч. ред. В.А. Крюкова, Т.П. Скуфьиной, Е.А. Корчак. Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2022. 245 с.

5. Тетерин А.В. Эффективность государственного управления в сфере социально-экономического развития Арктической зоны // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 12. С. 55–60.
6. Головина Т.А., Хорольская Т.Е. Регионально-отраслевое развитие Арктической зоны Российской Федерации // Вестник Академии знаний. 2023. № 1. С. 82–88.
7. Казанина М.А. О сравнительном анализе трудового потенциала населения в российской Арктике // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 9. С. 853–859.
8. Донцова О.И., Абдикеев Н.М., Абримова О.М. Промышленное развитие арктической зоны Российской Федерации: проблемы и решения // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 5. С. 206–215.
9. Мигачев И.Ф., Гирфанов М.М., Шишаков В.Б. Медно-порфировое месторождение Песчанка // Руды и металлы. 1995. № 3. С. 48–58.
10. Читалин А.Ф., Усенко В.В., Фомичев Е.В. Баимская рудная зона — кластер крупных месторождений цветных и драгоценных металлов на западе Чукотского АО // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2013. № 6. С. 68–73.
11. Баимский ГОК. Проект медного месторождения «Песчанка». Экологическая и социальная оценка. Нетехническое резюме. М.: НП «Центр по экологической оценке «Эколайн», 2020. 65 с.
12. Степанов Н.С. Траектория развития Северного морского пути: проблемы и перспективы // Россия и современный мир. 2022. № 3. С. 94–116.
13. Гудев П.А. Развитие Севморпути — это правовая и экономическая дилемма // Эксперт. 2022. № 35. С. 48–54.
14. Василькова С.В. Правовые вопросы укрепления потенциала российского судостроения для целей хозяйственного освоения и развития Арктики // Закон. 2023. № 1. С. 116–120.
15. Муру Р.Н., Поваляев А.А. Актуальные правовые аспекты обеспечения экологической безопасности российской Арктики // Международное публичное и частное право. 2022. № 6. С. 13–16.
16. Васильев В.В., Грицевич А.В., Селин В.С. Исторические тенденции и современные организационно-экономические проблемы «северного завоза». Апатиты: Кольский научный центр РАН, 2009. 152 с.
17. Галактионов О.Н. «Северный завоз» как фактор экономического обеспечения жизнедеятельности населения северных регионов // Новаум. 2019. № 18. С. 131–134.
18. Пиль Э.А. Анализ северного завоза и варианты его реализации // Цифровая наука. 2021. № 3. С. 42–58.
19. Никишова М.И., Двигубский А.В., Григорьев М.Н., Иваницкая Е.В. Повышение эффективности управления северным завозом как инструмент обеспечения устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации // Безопасность труда в промышленности. 2022. № 11. С. 41–49.
20. Соколов Ю.И. Риски северного завоза // Проблемы анализа риска. Т. 16. 2019. № 4. С. 32–47.
21. Коновалов С. Реинкарнация или новый импульс // Морские вести России. 2022. № 13. С. 3–8.
22. Егорова А. Северный завоз требует господдержки и особого правового регулирования // Российская Федерация сегодня. 2022. № 10. С. 71.

References

1. Leksin V.N., Porfir'ev B.N. Gosudarstvennaia arkticheskaia politika Rossii [State Arctic Policy of Russia], *Federalizm* [Federalism], 2021, No. 1, pp. 15–43. (In Russ.).
2. Leksin V.N., Porfir'ev B.N. Drugaia Arktika [Another Arctic], *Voprosy prognozirovaniia* [Forecasting Issues], 2022, No. 1, pp. 34–44. (In Russ.).
3. Diadik N.V., Chapargina A.N. Finansovaia sostoiatel'nost' regionov rossiiskoi Arktiki [Financial Solvency of the Regions of the Russian Arctic]. Apatity, Izdatel'stvo Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN, 2021, 150 p. (In Russ.).
4. Ekonomika sovremennoi Arktiki. V osnove uspeshnosti effektivnoe vzaimodeistvie i upravlenie integral'nymi riskami [Economy of the Modern Arctic. at the Heart of Success is Effective Interaction and Management of Integral Risks], edited by V.A. Kriukova, T.P. Skuf'inoi, E.A. Korchak. FITs KNTs RAN, 2022, 245 p. (In Russ.).
5. Teterin A.V. Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniia v sfere sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Arkticheskoi zony [Efficiency of Public Administration in the Sphere of Socio-Economic Development of the Arctic Zone], *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-Government], 2022, No. 12, pp. 55–60. (In Russ.).
6. Golovina T.A., Khorol'skaia T.E. Regional'no-otraslevoe razvitie Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii [Regional and Sectoral Development of the Arctic Zone of the Russian Federation], *Vestnik Akademii znaniia* [Bulletin of the Academy of Knowledge], 2023, No. 1, pp. 82–88. (In Russ.).
7. Kazanina M.A. O sravnitel'nom analize trudovogo potentsiala naseleniia v rossiiskoi Arktike [On the Comparative Analysis of the Labor Potential of the Population in the Russian Arctic], *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2022, Vol. 28, No. 9, pp. 853–859. (In Russ.).
8. Dontsova O.I., Abdikeyev N.M., Abrosimova O.M. Promyshlennoe razvitie arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii: problemy i resheniia [Industrial Development of the Arctic Zone of the Russian Federation: Problems and Solutions], *Problemy ekonomiki i iuridicheskoi praktiki* [Problems of Economics and Legal Practice], 2022, Vol. 18, No. 5, pp. 206–215. (In Russ.).
9. Migachev I.F., Girfanov M.M., Shishakov V.B. Medno-porfirovoe mestorozhdenie Peschanka [Porphyry Copper Deposit Peschanka], *Rudy i metally* [Ores and Metals], 1995, No. 3, pp. 48–58. (In Russ.).
10. Chitalin A.F., Usenko V.V., Fomichev E.V. Baimskaia rudnaia zona – klaster krupnykh mestorozhdenii tsvetnykh i dragotsennykh metallov na zapade Chukotskogo AO [The Baimskaya Ore Zone is a Cluster of Large Deposits of Non-Ferrous and Precious Metals in the West of the Chukotka AO], *Mineral'nye resursy Rossii. Ekonomika i upravlenie* [Mineral Resources of Russia. Economics and Management], 2013, No. 6, pp. 68–73. (In Russ.).
11. Baimskii GOK. Proekt mednogo mestorozhdeniia "Peschanka". Ekologicheskaiia i sotsial'naia otsenka. Netekhnicheskoe reziume [Peschanka Copper Deposit Project. Environmental and Social Assessment. Non-Technical Summary]. Moscow, NP "Tsentr po ekologicheskoi otsenke "Ekolain", 2020, 65 p. (In Russ.).
12. Stepanov N.C. Traektoriia razvitiia Severnogo morskogo puti: problemy i perspektivy [Development Trajectory of the Northern Sea Route: Problems and Prospects], *Rossia i sovremennyi mir* [Russia and the Modern World], 2022, No. 3, pp. 94–116. (In Russ.).
13. Gudev P.A. Razvitie Sevmorputi – eto pravovaia i ekonomicheskaiia dilemma [The Development of the Northern Sea Route is a Legal and Economic Dilemma], *Ekspert* [Expert], 2022, No. 35, pp. 48–54. (In Russ.).

14. Vasil'kova S.V. Pravovye voprosy ukrepleniia potentsiala rossiiskogo sudostroeniia dlia tselei khoziaistvennogo osvoeniia i razvitiia Arktiki [Legal Issues of Strengthening the Potential of Russian Shipbuilding for the Purposes of Economic Development and Development of the Arctic], *Zakon* [Law], 2023, No. 1, pp. 116–120. (In Russ.).

15. Muru R.N., Povaliaev A.A. Aktual'nye pravovye aspekty obespecheniia ekologicheskoi bezopasnosti rossiiskoi Arktiki [Actual Legal Aspects of Ensuring the Environmental Safety of the Russian Arctic], *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe parvo* [International Public and Private Law], 2022, No. 6, pp. 13–16. (In Russ.).

16. Vasil'ev V.V., Gritsevich A.V., Selin V.S. Istoricheskie tendentsii i sovremennye organizatsionno-ekonomicheskie problemy "severnogo zavoza" [Historical Trends and Modern Organizational and Economic Problems of the "Northern Delivery"]. Apatity, Kol'skii nauchnyi tsentr RAN, 2009, 152 p. (In Russ.).

17. Galaktionov O.N. "Severnii zavoz" kak faktor ekonomicheskogo obespecheniia zhiznedeiatel'nosti naseleniia severnykh regionov ["Northern Delivery" as a Factor of Economic Support for the Life of the Population of the Northern Regions], *Novaum* [Novaum], 2019, No. 18, pp. 131–134. (In Russ.).

18. Pil' E.A. Analiz severnogo zavoza i varianty ego realizatsii [Analysis of the Northern Delivery and Options for Its Implementation], *Tsifrovaia nauka* [Digital Science], 2021, No. 3, pp. 42–58. (In Russ.).

19. Nikishova M.I., Dvigubskii A.V., Grigor'ev M.N., Ivanitskaia E.V. Povyshenie effektivnosti upravleniia severnym zavozom kak instrument obespecheniia ustoichivogo razvitiia Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii [Improving the Efficiency of Northern Delivery Management as a Tool to Ensure Sustainable Development of the Arctic Zone of the Russian Federation], *Bezopasnost' truda v promyshlennosti* [Safety of Labor in Industry], 2022, No. 11, pp. 41–49. (In Russ.).

20. Sokolov Iu.I. Riski severnogo zavoza [Risks of Northern Delivery], *Problemy analiza riska* [Problems of Risk Analysis], 2019, Vol. 16, No. 4, pp. 32–47. (In Russ.).

21. Konovalov S. Reinkarnatsiia ili novyi impuls [Reincarnation or a New Impulse], *Morskie vesti Rossii* [Maritime News of Russia], 2022, No. 13, pp. 3–8. (In Russ.).

22. Egorova A. Severnyi zavoz trebuet gospodderzhki i osobogo pravovogo regulirovaniia [Northern Delivery Requires State Support and Special Legal Regulation], *Rossiiskaia Federatsiia segodnia* [Russian Federation Today], 2022, No. 10, p. 71. (In Russ.).

THE RUSSIAN ARCTIC IN 2022–2023. NEW SOLUTIONS

The article presents the results of a study of the latest changes in the territory of the most unique macro-region of Russia — the Arctic zone of the Russian Federation. In 2022–2023, socio-political, economic, social and even mental transformations affected all spatial components of our federal state and, especially, the subjects of the Federation and municipalities on the territory of the Russian Arctic. During this period, the country's leadership, under unprecedented sanctions pressure, managed to urgently adjust the decades-old diplomatic and foreign economic ties and make extraordinary state decisions that stimulate economic activity in all types of economic activities. An example of the effectiveness of this is the innovations in the Russian Arctic, which have become an indicative model of the new course of the development of our state, combining the freedom of market relations and powerful state regulation of the economy, the desire for economic sovereignty and active interstate cooperation, constructive social policy and the imperative nature of spiritual and moral values. Today, what is happening in the Russian Arctic is extremely multidimensional,

and therefore, in the limited text space of this article, only a summary assessment of the situation is given and the latest issues of the work of the Northern Sea Route and the Northern Delivery are considered. The Reinformation basis of the study was official documents and publications of 2022–2023.

Keywords: Arctic, Northern Sea Route, northern delivery, regulatory legal acts, new projects and solutions.

JEL: R13

Дата поступления – 30.07.2023 г.

ЛЕКСИН Владимир Николаевич

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник;
Федеральный исследовательский центр «Информация и управление»
Российской академии наук // проспект 60-летия Октября, д. 9, г. Москва,
117312.

e-mail: leksinvn@yandex.ru

LEKSIN Vladimir N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher;
Federal Research Center “Informatics and Management” of the Russian
Academy of Sciences // 9, 60-let Oktyabrya Av., Moscow, 117312.

e-mail: leksinvn@yandex.ru

Для цитирования:

Лексин В.Н. Российская Арктика в 2022-2023 гг. Новые решения
// Федерализм. 2023. Т. 28. № 3 (111). С. 5–28. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-3-5-28>

Г.Ю. ГАГАРИНА, Д.А. АНТОНОВА

ВОЗМОЖНОСТИ ЗАИМСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ МИРОВОГО ОПЫТА ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ

Наличие слаборазвитых территорий, большого количества отсталых и депрессивных регионов оказывает непосредственное влияние на экономическую безопасность как самих регионов, так и государства в целом. Одним из инструментов развития пространства, доказавшим свою эффективность в практике применения в мире, являются особые (свободные) экономические зоны. Режимы, складывающиеся на их территориях, принято называть преференциальными. Причем нет единых правил развития подобных образований. Каждое государство при установлении преференциальных режимов руководствуется собственным национальным законодательством, определенными целями развития, а также использованием мирового опыта при формировании особых экономических зон. В статье проводится сравнительный анализ действующих преференциальных режимов в КНР, Индии, Бразилии и Российской Федерации. Выбор стран обусловлен схожестью условий осуществления экономической деятельности: большие территории, недостаточная инфраструктурная освоенность, необходимость поддержки предпринимательства, а также расширения межрегиональных и международных, в т.ч. внешних, торговых связей. Основной целью статьи является изучение вопросов развития территорий с преференциальными режимами, их влияния на экономику стран базирования и возможности использования мирового опыта в субъектах Российской Федерации для привлечения инвестиций, создания новых рабочих мест при поддержке пропульсивных отраслей и распространения возникающих в этих зонах инноваций на ближайшие районы.

Ключевые слова: регион, региональная экономика, преференциальные режимы, пространственное развитие, привлечение инвестиций, налоговые льготы, особые экономические зоны.

JEL: R11, R12, O18

Экономическая политика многих современных государств по обеспечению ускоренного развития определенных территорий, поддержке бизнеса, а также освоению и внедрению передовых технологий часто связана с функционированием преференциальных режимов, отличающихся спецификой и экономическими эффектами. Данная тема

не является чем-то новым для современной экономики. Однако на основе сравнительных показателей экономического роста, а также определенных задач, которые ставит государство, происходит перманентное совершенствование действующих режимов, их административного и нормативного регулирования, подходов, а также создание новых особых экономических зон.

В современных реалиях, которые характеризуются для Российской Федерации беспрецедентным санкционным давлением, а также политической и экономической изоляцией со стороны недружественных стран, преференциальные режимы приобретают второе дыхание. Действующие в настоящее время территории опережающего развития (ТОР)¹, свободный порт Владивосток (СПВ)², Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ)³, особый налоговый режим на Курильских островах (КОРФ)⁴, специальные административные районы (САР)⁵ в Калининградской области и Приморском крае и инновационный научно-технологический центр на о. Русский (ИНТЦ «Русский»)⁶ были созданы до 2022 г. и при видимой эффективности тем не менее *нуждаются в модернизации и донастройке* применительно к современной экономической политике. Чтобы понять, каким образом должны быть модернизированы или какими должны быть новые режимы, необходимо провести их комплексную оценку. Также с учетом существующего в зарубежных странах большого разнообразия особых зон с льготным налогообложением и преференциями для иностранных инвесторов и субъектов малого и среднего предпринимательства представляется целесообразным провести сравнительное исследование опыта иностранных государств, рассмотрев как успешные, так и негативные примеры, чтобы выявить наиболее оптимальный и действенный вариант.

Представленное в статье исследование посвящено сравнительному анализу опыта Китая, Бразилии и Индии по созданию преференциальных режимов и выявлению лучших практик для возможной апробации в России. Цель авторов состоит в определении предпосылок и спектра экономических и социальных задач, которые решают преференциальные режимы в разных странах; анализе влияния преференциальных режимов на инвестици-

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ (ред. от 28 декабря 2022 г.) «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11 января 2023 г.).

² Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) «О свободном порте Владивосток».

³ Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации».

⁴ Федеральный закон от 9 марта 2022 г. № 50-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации».

⁵ Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 291-ФЗ (ред. от 28 декабря 2022 г.) «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11 января 2023 г.).

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2020 г. № 1868 (ред. от 23 декабря 2021 г.) «О создании инновационного научно-технологического центра «Русский» (вместе с «Правилами проекта по созданию и обеспечению функционирования инновационного научно-технологического центра «Русский»».

онную привлекательность стран; исследовании видов преференциальных режимов и выделении наиболее эффективных и релевантных для России.

Выбор стран обусловлен схожестью условий осуществления экономической деятельности: масштаб территорий, местами слабо развитая инфраструктура, необходимость поддержки малого и среднего предпринимательства, а также расширения внешних торговых связей.

Постановка проблемы

В разных странах существует множество различных видов преференциальных режимов, которые в той или иной степени доминируют в зависимости от целей, преследуемых правительством, и проблем, которые они призваны если не решить, то уменьшить. Подходы к функционированию и размерам территории, на которую распространяется преференциальный режим, также разнятся. В Китае, например, территории с особым регулированием занимают большую площадь (Шеньчжень — 32 тыс. га), в то время как в Индии такие территории занимают меньше 100 га⁷.

Преференциальные режимы направлены не только на создание более благоприятных условий ведения экономической деятельности, но и на снижение административной нагрузки на бизнес и инвесторов. Исследовательский центр *Heritage Foundation*⁸ ежегодно публикует рейтинги экономической свободы стран, ранжируя их от «самых свободных» до «наиболее контролируемых». В основе расчета лежат 12 количественных и качественных показателей, распределенных на четыре категории: верховенство закона, влияние правительства (государственные расходы, налоговая нагрузка, состояние бюджета), эффективность регулирования (в частности свобода предпринимательской деятельности), открытые рынки (свобода торговли и инвестиционной деятельности). Каждая составляющая категории оценивается по 100-балльной шкале, а затем высчитывается средний показатель.

В рамках данного исследования предлагается рассмотреть показатели России, Китая, Индии и Бразилии, а также сравнить их со средними показателями в мире по следующим параметрам: налоговая нагрузка, инвестиционный климат и свобода бизнеса.

На рисунке 1 показана динамика показателей стран по степени налогового бремени (чем выше показатель, тем выше уровень экономической свободы). Наиболее лояльное налоговое регулирование отмечено в России: средний показатель страны стремиться к 9. Однако к 2023 г. этот уровень снижается, что может быть объяснено ужесточением регулирования из-за введенных внешних санкций. Индия по этому показателю идет на втором месте. Из диаграммы видно, что у нее и у Бразилии в конце 90-х гг. XX в. произошел резкий скачок в сторону послабления, что можно объяснить сменой направления экономической политики, в т.ч. в части регулирования преференциальных режимов.

⁷ Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2022. № 2. Преференциальные режимы. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/7d8/hlxwaeqw81lk92aca5pqsg36es4cmu.pdf>

⁸ Исследовательский центр *Heritage Foundation*. URL: <https://www.heritage.org/>

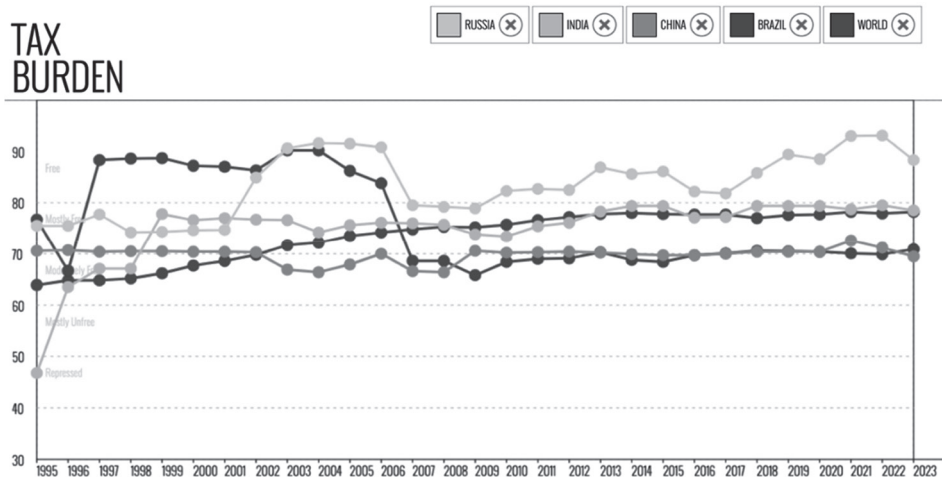

Рис. 1. Налоговая нагрузка в мире, России, Индии, Китае и Бразилии

Источник: [1].

Рисунки 2 и 3 демонстрируют степень свободы ведения предпринимательской деятельности, а также обеспечения благоприятного инвестиционного климата. Несмотря на большое количество зон с особым регулированием, в т.ч. наличие условий для привлечения инвестиций, Китай по показателю благоприятного инвестиционного климата занимает последнее место. Интересно отметить, что среди четырех исследуемых стран только у Бразилии рейтинг инвестиционной свободы выше среднемирового, что говорит о ее инвестиционной привлекательности.

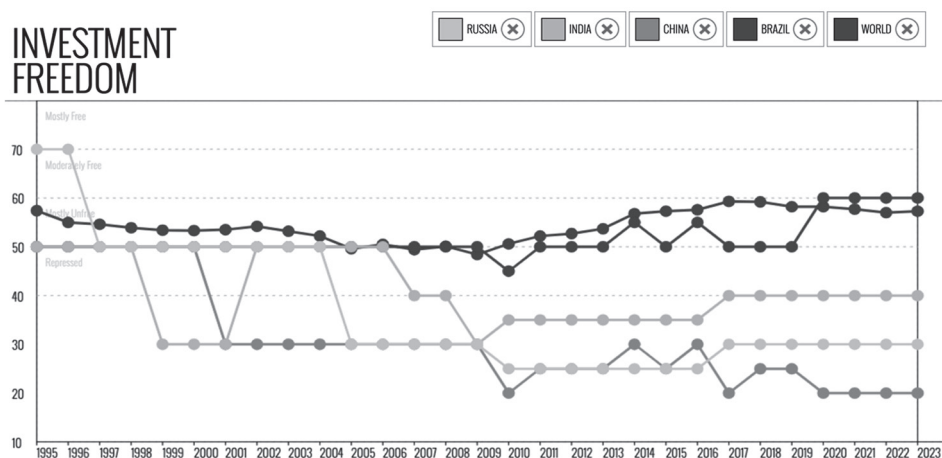

Рис. 2. Инвестиционная свобода

Источник: [1].

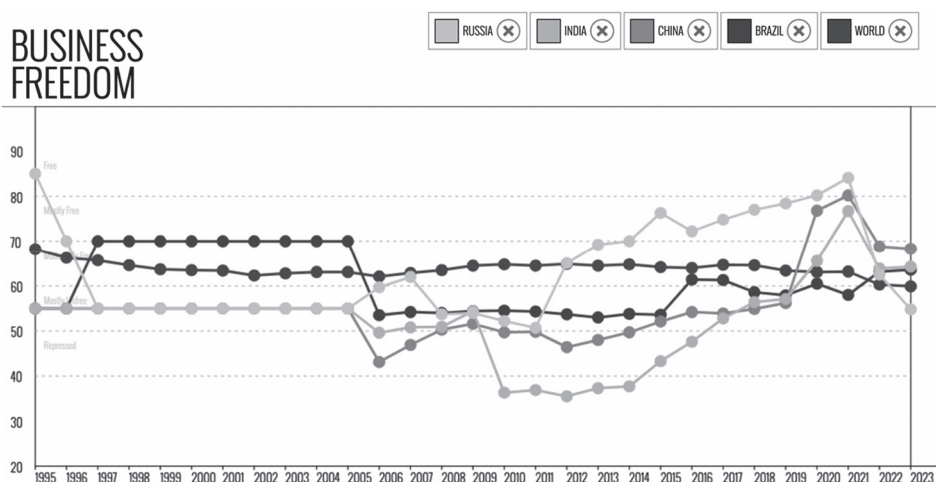

Рис. 3. Свобода предпринимательской деятельности

Источник: [1].

Предоставление наибольшей свободы для бизнеса Россия демонстрировала в 2021 г., когда были предприняты экстренные меры в период пандемии *COVID-19*. Затем произошло резкое снижение показателей, что можно связать с внешнеполитической обстановкой. Оптимальные показатели, на наш взгляд, у Китая, показавшего в 2019 г. резкий рост.

Российская Федерация

Для изучения мировой практики установления преференциальных режимов с перспективой заимствования определенных подходов необходимо проанализировать российский потенциал, выявить особенности управления такими территориями. Реализуем эту задачу на примере дальневосточных преференциальных режимов.

Как было выяснено ранее, по показателям свободы предпринимательской деятельности и лояльности налогового регулирования *Россия занимает позицию выше, чем в среднем другие страны мира*. При этом показатель «свобода предпринимательской деятельности» растет после 2014 г. и сохраняет стабильно высокую позицию до 2022 г. Именно в 2014 г. в Российской Федерации вступил в силу Федеральный закон № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»⁹, в соответствии с которым появляются новые территории с преференциальным режимом — ТОР. Режим СПВ возник чуть позже, в 2015 г.¹⁰ Главное его отличие в том,

⁹ Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ (ред. от 28 декабря 2022 г.) «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11 января 2023 г.).

¹⁰ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) «О свободном порте Владивосток».

что в ТОР инфраструктура предоставляется управляющей компанией и ориентирована на крупные проекты, а резиденты СПВ подключают ее самостоятельно, получая земельные участки без обременительных бюрократических процедур.

Преференциальные режимы предоставляют налоговые, административные и таможенные льготы. Налоговые льготы в первые годы с начала получения статуса резидента являются наиболее благоприятными. Затем процент налоговых исчислений в региональный бюджет увеличивается. Например, для ТОР и СПВ первые пять лет налог на прибыль составляет не более 5% в региональный бюджет с момента получения прибыли, следующие пять лет – уже не менее 10% в региональный бюджет. Для резидентов режимов предоставляются также льготы по уплате НДС, налогу на имущество организации (ТОР), страховых взносов [2, с. 33].

Для резидентов АЗРФ предоставляется схожий перечень преференций, однако для каждого региона, на который распространяется данный режим, устанавливаются свои льготы, различающиеся по размерам и продолжительности¹¹.

ИНТЦ «Русский» призван поддержать проекты в сфере инновационных технологий, бизнес-идеи, направленные на коммерциализацию научных разработок, а также установление связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, создавая благоприятные условия для привлечения инвестиций в регион¹².

В ответ на серьезные угрозы и ограничения, с которыми столкнулся не только малый и средний бизнес, но и крупные российские компании после введения санкций, *был создан беспрецедентный режим на Курильских островах*, на 20 лет освобождающий резидентов от уплаты налога на прибыль и имущество, обнулены транспортный и земельный налоги, а страховые взносы установлены на уровне 7,6%¹³. Стоит упомянуть также о САР: резидентами территории с этим режимом могут стать международные холдинговые компании, которые при условии осуществления инвестиций получают налоговые льготы¹⁴.

Все перечисленные преференциальные режимы действуют на территории Дальневосточного федерального округа и призваны обеспечить опережающее развитие этого геостратегического региона. Действие преференциальных режимов *здесь носит в целом позитивный характер*.

¹¹ Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации».

¹² Постановление Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2020 г. № 1868 (ред. от 23 декабря 2021 г.) «О создании инновационного научно-технологического центра «Русский» (вместе с «Правилами проекта по созданию и обеспечению функционирования инновационного научно-технологического центра «Русский»).

¹³ Федеральный закон от 9 марта 2022 г. № 50-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации».

¹⁴ Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 291-ФЗ (ред. от 28 декабря 2022 г.) «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11 января 2023 г.).

Так, по данным АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики», за 2015–2022 гг. в рамках преференциальных режимов реализовано 746 инвестиционных проектов, объем привлеченных инвестиций составил 2 710 млрд руб., создано более 110 тыс. рабочих мест¹⁵. Однако отдельные показатели не дают комплексную оценку влияния зон на экономику Дальневосточного федерального округа (ДФО), а методика комплексной оценки их деятельности по отдельным критериям пока не разработана. Сейчас эффективность рассматривается только с точки зрения количества привлеченных инвестиций, созданных рабочих мест, сбалансированности использования бюджетных средств, но не анализируется комплексно, определяя ключевые критерии и целевые показатели. Существенным недостатком является то, что целевые показатели эффективности преференциальных режимов не встроены в полной мере в документы стратегического планирования¹⁶, а, значит, не обеспечена взаимосвязь целей функционирования преференциальных режимов со стратегическими целями и показателями социально-экономического развития регионов, определенных Стратегией пространственного развития¹⁷.

Администрирование механизма преференциальных режимов в России отражает функциональный подход в организации управления, который ориентирован на создание условий для выпуска готовой продукции в пределах занимаемых им территорий, при этом недооценивается потенциал стран АТР, для которых характерна организационная структура управления производством, выражающаяся в распределении ответственности за выпуск конечного продукта между несколькими регионами, что способствует увеличению внутреннего товарооборота [3, с. 40]. Исследование Счетной палаты Российской Федерации показало, что *система управления преференциальными режимами малоэффективна*. И это выражается в убыточности управляющих компаний, невостребованности услуг резидентами, а также существовании административных барьеров для бизнеса. Так, льготы применяются только по отношению к резиденту, а не к отдельному инвестиционному проекту, значит, если резидент захочет реализовать другой проект в рамках преференциального режима, *ему придется регистрировать новую организационно-правовую форму*¹⁸.

В рамках реализации политики преференциальных режимов в России не четко определены пропульсивные отрасли, которые необходимо поддерживать для опережающего развития зон, а специ-

¹⁵ Годовой отчет о деятельности АО «КРДВ» // Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://erdc.ru/about/reports/>.

¹⁶ Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2022. № 2. Преференциальные режимы. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/7d8/hlxwaeqw81llk92aca5pqsg36es4cmu.pdf>

¹⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р (ред. от 30 сентября 2022 г.) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

¹⁸ Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2022. № 2. Преференциальные режимы. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/7d8/hlxwaeqw81llk92aca5pqsg36es4cmu.pdf>

ализация большинства малых и средних предприятий направлена на удовлетворение внутреннего спроса и импортозамещение, что может выступить тормозом в развитии региональной экономики и экспортного потенциала. В то же время начальная идея формирования промышленного кластера, который мог бы интегрироваться в рынок Азиатско-Тихоокеанского региона, не была пока реализована [3, с. 29].

Следующим существенным недостатком является *нестабильность регуляторной системы преференциальных режимов*, выражающаяся в изменениях в законодательных актах разных уровней, что, в свою очередь, сказывается на их привлекательности для иностранных инвесторов, заинтересованных в стабильности. Стоит отметить, что несмотря на пересмотр льгот, некоторые из них фактически не используются, например, механизм создания свободной таможенной зоны внутри ТЕР и СПВ требует значительных затрат, что заставляет многих резидентов отказываться от этого.

Ввиду вышесказанного возникает необходимость совершенствования системы преференциальных режимов для их успешного функционирования и вклада в экономическое развитие не только регионов Дальнего Востока, но и всей страны в целом. Чтобы понять, какой опыт может быть релевантен и заимствован для России, обратимся к мировому опыту, попытавшись дать ответы на несколько вопросов:

1. Как строится система управления преференциальными режимами в других странах?
2. По какому принципу отбирается территория для создания особой зоны?
3. Какие типы преференциальных режимов наиболее востребованы?
4. Какие финансово-бюджетные, налоговые и таможенные инструменты являются наиболее эффективным?

Китайская Народная Республика

КНР уже более четырех десятилетий ведет активную экономическую политику, направленную на поддержку бизнеса, развитие экспорта и привлечение инвестиций. Одним из инструментов являются преференциальные режимы. Эта страна отличается большим количеством разнообразных преференциальных режимов. Первые три специальных экономических зоны (СЭЗ) были созданы в конце 70-х гг. XX в. и регулировались специальными комитетами региональных органов власти, наделенных соответствующими правами и полномочиями. Помимо налоговых льгот, эффективными в этих режимах являются неналоговые, направленные на развитие и помощь высокотехнологичному бизнесу в части льготных тарифов на землепользование и коммунальные платежи [2, с. 34].

Зоны технико-экономического развития (ЗТЭР) направлены в большинстве своем на поддержку малого и среднего бизнеса, который специализируется на экспорте товаров и услуг в соседние страны.

В целом льготы аналогичны представленным в СЭЗ, однако в ЗТЭР для технологического развития создается специальная инфраструктура за счет мер государственной поддержки [4, с. 69]. В данном случае можно провести аналогию с российскими ТОР, однако в отличие от китайских ЗТЭР, резидентами ТОР становятся по большей части крупные компании, ориентированные на внутренний рынок (хотя и не всегда). ЗТЭР в Китае пользуются большим успехом: только в ЗТЭР Тяньцзинь за период существования с 1984 г. было зарегистрировано почти 6 тыс. совместных компаний, сумма инвестиций в которые превысила 25 млрд долл. [2, с. 33]. Схожие льготы предоставляются в зонах новых и высоких технологий (ЗНВТ), но они ориентированы на конкретные специализации, связанные с высокотехнологичным развитием и цифровизацией.

Наиболее перспективны, с нашей точки зрения, зоны приграничного экономического сотрудничества, ориентированные на развитие торговых отношений. Преференции здесь аналогичны преференциям в СЭЗ. Необходимо отметить, что сформулированная КНР инициатива «Один пояс, один путь» подразумевает комплексное развитие межстрановых отношений, в т.ч. путем создания приграничных зон особого регулирования. Наиболее перспективной стратегической территорией можно назвать провинцию Хэйлунцзян на границе с Россией, где формируется зона трансграничного сотрудничества между двумя государствами [5, с. 138].

В свободных портах и зонах свободной торговли резиденты освобождены от уплаты таможенных платежей при импорте иностранных товаров и при экспорте своей продукции. Данные режимы благоприятны для инвесторов, т.к. либерализуют их деятельность. Например, зарубежным инвесторам предоставляется доступ к страхованию и здравоохранению, банковской системе, а также действуют упрощенные административные процедуры [2, с. 34]. Для России *такой опыт мог бы быть интересен* в рамках действующих преференциальных режимов или планируемого к созданию нового режима Международной территории опережающего развития (МТОР), ориентированной в первую очередь на инвесторов из дружественных стран.

Китай является одной из стран, где расположено наибольшее количество зон развития (более 250)¹⁹, которые благодаря привлечению инвестиций и образованию новых предприятий создают эффект агломерации. В рамках СЭЗ Шэньчжэнь было образовано большое количество субзон, которые в совокупности формируют благоприятную среду для развития самых разнообразных отраслей [6, с. 239]: район промышленного развития Шэкоу, зона сотрудничества в развитии сервисных отраслей Цяньхай, инновационная зона развития биотехнологий Пиншань, а также прилегающие зоны беспошлинной торговли, экспортно-производственные зоны и зоны высоких технологий [7, с. 115].

¹⁹ Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2022. № 2. Преференциальные режимы. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/7d8/hlxwaeqw81lk92aca5pqsg36es4cmu.pdf>

Все эти режимы регулируются по-разному: либо на региональном, либо на национальном уровне. Но задача одна — обеспечить спектр конкурентных преимуществ для привлечения инвестиций. Такой опыт наложения режимов вокруг города-центра, который таким образом становится своеобразным хабом по привлечению инвестиций, может быть применен и в российских дальневосточных крупных и портовых городах, таких как Владивосток и Хабаровск.

В период пандемии *COVID-19* с целью поддержки бизнеса и экономики в целом правительство Китая в 2020 г. внесло ряд изменений в закон об иностранных инвестициях, регулирующий доступ иностранных инвесторов в ЗСТ. Изменения получили название «Негативные списки» и ослабили ограничения в доступе прямых иностранных инвестиций в наиболее стратегически значимые сектора экономики (автомобильное и авиастроение, финансы, коммунальное хозяйство и др.). В соответствии с этими изменениями иностранные инвесторы создают предприятия, уставной капитал которых может состоять из 100% иностранных вложений в сфере предоставления финансовых услуг, инвестиций в управление фондами [8, с. 83]. На *рисунке 4* представлены темпы роста ВВП КНР с 2000 г. Здесь необходимо отметить *спад в 2020 г. и подъем к 2021 г., что может быть объяснено эффективностью принятых мер.*

Рис. 4. Темпы роста ВВП Китая с 2000 по 2023 г.

Источник: составлено по [9].

При всех достоинствах китайских преференциальных режимов *имеются и определенные недостатки*, которые сказываются на их эффективном регулировании, — отсутствие единых общенациональных законодательных актов. Функционирование особых экономических зон (ОЭЗ) в КНР осуществляется нормативно-правовыми актами отдельных отраслевых ведомств или ведомствами на региональном уровне, что создает дублирование полномочий. Таким образом, отсутствует единая система взаимодействия государства и бизнеса, действующая по принципу одного окна.

Республика Индия

В отличие от Китая, в Индии нет столь разнообразных территорий с преференциальными режимами, хотя их количество насчитывает 378, при 265 реально функционирующих. Предоставление особых налоговых льгот предприятиям и отделениям национальных банков (установлены льготные нормативы деятельности) осуществляется в основном в самих ОЭЗ. Бизнес, осуществляющий свою деятельность в ОЭЗ, выведен из таможенной территории Индии, которая четко регламентирована и предоставляет свободу операциям по импорту, более того товарные потоки внутри ОЭЗ также являются свободными [2, с. 34].

Помимо налоговых преференций у резидентов индийских ОЭЗ есть особые неналоговые льготы. Они заключаются в отмене лицензирования деятельности малого и среднего бизнеса в отношении импорта товаров, гибкие таможенные процедуры, неограниченное прямое иностранное инвестирование, не требующее разрешения со стороны органов власти, полная свобода субподряда для резидентов, гарантия бизнесу получения чистой валютной выручки, рассчитанной совокупностью за пять лет с момента начала производства, а также льготные нормативы деятельности для отделений банков, открытых в ОЭЗ. Полагаем, что для России в условиях санкционной изоляции со стороны недружественных стран, которая не только повлияла на существующий бизнес, но и затормозила реализацию новых проектов, пример неналоговых преференций Индии мог бы быть применен в рамках российских ТОР или МТОР.

На рисунке 5 показано соотношение предприятий, зарегистрированных в ОЭЗ, по отраслевому признаку. Как видно из диаграммы, более 50% предприятий работают в информационной сфере, около 20% относятся к производству товаров общего потребления, 18% приходится на инженерию.

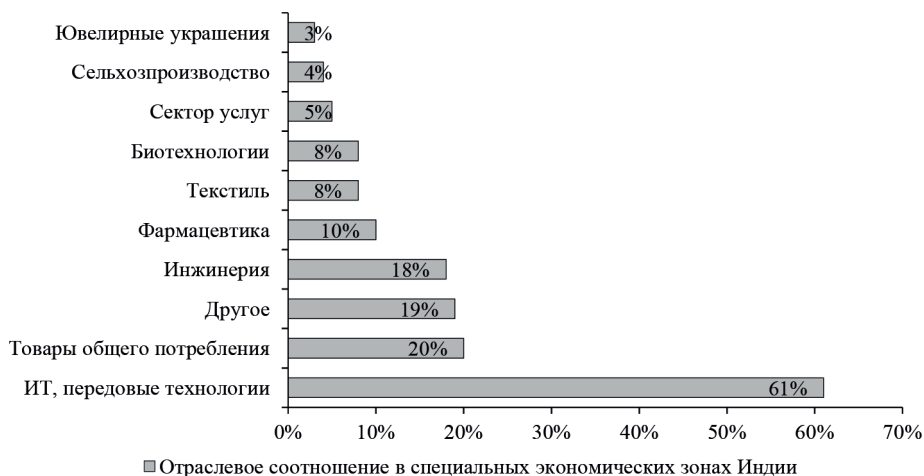

Рис. 5. «Отраслевая специализация ОЭЗ Индии, %»

Источник: [1].

Данная статистика показывает эффективность проводимой экономической политики для развития наукоемких и технологичных отраслей в Индии. По показателю экономической свободы в Индии после 2005 г. наблюдался незначительный спад. Это можно отчасти объяснить изменениями в политике преференциальных режимов, а именно принятием закона «Об особой экономической зоне» (2005 г.), который ввел понятие «особые экономические зоны», и законом «О правилах особой экономической зоны» (2006 г.)²⁰. Вследствие этого многие СЭЗ были преобразованы в ОЭЗ – беспошлинный анклав. Цель новой политики состояла в том, чтобы сделать экспорт инструментом экономического роста, а также обеспечить занятость населения. ОЭЗ предполагает предоставление следующих льгот: беспошлинный импорт и внутреннее закупки товаров для технического обслуживания и эксплуатации, налоговые льготы, принцип одного окна с целью взаимодействия с региональными и федеральными органами власти, освобождение от уплаты пошлин на электроэнергию, функционирование таможи на территории ОЭЗ и иные преимущества [10, с. 221].

Упомянутые выше законы стали основополагающими документами, регулирующими деятельность ОЭЗ, и придали стабильность системе их функционирования. Управление преференциальными режимами в Индии *строится на трехуровневой системе*, где высшим органом на правительственном уровне является Совет по одобрению, на уровне зон функционирует Комитет по одобрению, а каждую зону возглавляет Уполномоченный по развитию, который по совместительству является членом Комитета по одобрению.

В России схожая структура управления, где на федеральном уровне регулирование осуществляет правительство Российской Федерации и министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, работу с резидентами проводит АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики», которая имеет свои дочерние представительства в субъектах ДФО, однако руководящего представителя в каждой отдельной особой экономической зоне нет.

Успех индийских ОЭЗ подтверждают данные, отображенные на *рисунке 6*, показывающие динамику экспорта в течение 25 лет. Диаграмма иллюстрирует рост объема экспорта, начиная с 2005 г., в большинстве своем за счет увеличения объема произведенных в стране товаров.

Однако для того, чтобы выявить лучшие практики, необходимо рассматривать не только положительные, но и отрицательные стороны. Одной из таких проблем является география ОЭЗ в Индии: нередко это территории с неразвитой инфраструктурой, куда бизнес не хочет идти, даже несмотря на предоставляемые льготы. Вторая проблема – срок предоставления льгот. Для некоторых зон они начинают действовать со дня регистрации зоны и имеют свой срок окончания [10, с. 223].

²⁰ The Special Economic Zones Act, 2005. URL: <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2042/3/a2005-28.pdf>

Рис. 6. Объем экспорта Индии, 1998–2023 гг., млрд долл.

Источник: составлено по [11].

Оценивая политику преференциальных режимов в Индии, принимая во внимание все плюсы и минусы, на основе анализируемых данных можно сделать вывод о ее эффективности. ОЭЗ особенно повлияли на рост экспорта, что и было одной из целей создания зон с особым регулированием.

Федеративная Республика Бразилия

Бразилия выделяется тем, что в ней представлено ограниченное количество типов экономических зон, а *фактически функционируют только зоны свободной торговли и экспортные зоны*. Их резиденты пользуются следующими налоговыми льготами: снижение налога на прибыль на 75–100%, на 10 лет освобождение от сборов за лицензию на ведение бизнеса, освобождение от пошлин на импортируемые товары. Однако в них не предусмотрено освобождение импортно-экспортных операций от таможенных процедур, что является серьезным минусом для ведения бизнеса, т.к. увеличивается административная нагрузка [12, с. 1].

Самой первой и успешной практикой создания экономической зоны с особым регулированием и преференциями в стране является зона свободной торговли Манаус, созданная в 1967 г. и направленная на комплексное развитие Западной Амазонии²¹. Целью этой ЗСТ было сделать данные территории центром промышленного, торгового и сельскохозяйственного развития. Именно это является спецификой зоны, что позволяет ей фокусироваться на нескольких секторах экономики, в т.ч. технологичном. Резиденты зон — такие компании, как *Nokia*,

²¹ BRASIL, Decree-law № 288 of February 28, 1967. Amends the provisions of Law № 3173 of June 6, 1957 and regulates the Manaus Free Trade Zone. Article 1s. URL: <https://archive.is/20060915153528/http://www.receita.fazenda.gov.br/legislacao/decretos-leis/DecLei28867.htm/>

Siemens, Honda, Yamaha и др. Регулирование зоны схоже с российским: на федеральном уровне оно осуществляется министерством развития, промышленности и торговли, а также подведомственной организацией *SUFRAMA* (*Superintendencia da Zona Franca de Manaus*), решающей административные вопросы и ведущей работу с резидентами и инвесторами [12, с. 2].

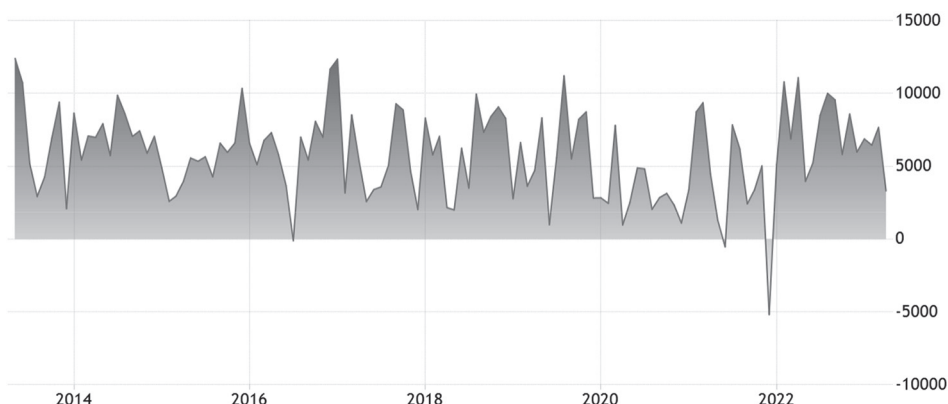
Территория Бразилии имеет большую протяженность и при этом слаборазвитую дорожную инфраструктуру. ЗСТ Манаус, площадью 10 000 км, была создана на большом расстоянии от основных центров потребления (крупных городов) и предоставляет специальные налоговые льготы сроком на 30 лет [13, с. 51]. Манаус ориентирована не только на экспорт, но и на внутренний рынок. Импортные товары и сырье, используемые для производства других товаров и употребляемые внутри СЭЗ, освобождаются от налога на импорт, налога с оборота товаров или облагаются налогом по сниженной ставке. А для реализации особо важных проектов предприятия получают финансовые ресурсы из инвестиционного фонда Амазонии²².

Для российских ОЭЗ, например ТОР (которые предполагают создание инфраструктуры), из опыта функционирования ЗСТ Манаус может быть применено, во-первых, фокусирование не только на промышленном развитии, но и на сельскохозяйственном, технологическом, а также на торговле товарами и услугами; во-вторых, отход от принципа создания территорий только на участках, расположенных рядом с центрами потребления и дорожно-транспортной инфраструктурой, т.к. такие территории могут иметь потенциал для развития сельского хозяйства.

Рассматривая Манаус с точки зрения эффективности функционирования, стоит отметить, что *SUFRAMA* ведет учет показателей развития территории в соответствии с общей стратегией развития Западной Амазонии и оценивает ее вклад как одной из составляющих [12, с. 2]. Данный опыт также может быть использован в России в плане установления фиксированных показателей по функционированию преференциальных режимов в стратегических документах.

На *рисунке 7* показана динамика притока иностранных инвестиций в экономику Бразилии в течение 10 лет. Исходя из этого, можно сделать вывод об успехе экономической политики Бразилии и ее зоны свободной торговли Манаус в привлечении иностранных инвестиций. Только к 2022 г. показатель резко снижается, что можно объяснить внутриполитической нестабильной обстановкой в стране в связи с проведением всеобщих выборов.

²² Invest Export Brasil // База данных международного аналитического источника для экономистов Trading Economics. URL: <http://www.investexportbrasil.gov.br/czpe-2?l=en>

**Рис. 7. Прямые иностранные инвестиции в экономику Бразилии
за 10 лет, млн долл.**

Источник: составлено по [14].

На территории Бразилии на сегодняшний момент функционирует несколько зон свободной торговли и экспортных зон, Манаус самая крупная из них. Можно также выделить зоны свободной торговли Макапа, Табатинга и Гнаджара-Мирим. Перечень льгот и преференций, которые предоставляют эти зоны, а также система оценки результативности в рамках общей стратегии развития региона, могут быть применены на практике в России.

Заключение

Таким образом, различные виды территорий с преференциальными режимами по своей сути — это *своеобразные лаборатории экономических реформ*, где апробируются пути решения экономических проблем в результате предоставления ряда послаблений и преимуществ.

В разных странах преференциальные режимы в зависимости от их типа и назначения оказывают в большинстве своем положительное влияние на экономику, однако в ряде моментов их эффект можно оценить, как неоднозначный. Эта неоднозначность выражается в следующем:

- временный эффект от преференций, которые предоставляются резидентам на начальном этапе, а значит есть риск того, что после их отмены, предприятие уйдет или будет функционировать менее успешно;
- вклад в экономику страны можно оценить только по прошествии некоторого времени;
- не дают достаточной стабильности; в зависимости от внутренних и внешних условий могут вноситься изменения в нормативные акты. Пересмотры базовых условий происходят из-за отсутствия долгосрочной стратегии развития экономической зоны;

- предоставление налоговых льгот может вести к недополучению доходов бюджета страны.

Анализируя практику зарубежных стран, можно выделить ключевую роль государства в реализации политики преференциальных режимов. Оно выступает как:

- инициатор экономической политики, направленной на привлечение инвестиций и усиление роли бизнеса в различных отраслях экономики;
- гарант выполнения стратегических задач, направленных на улучшение качества жизни, инновационные решения и комплексное развитие.

В результате проведенного исследования можно выделить следующие практики, которые могут быть применимы по отношению к дальневосточным преференциальным режимам.

Первая. Необходимость определения целевых показателей функционирования преференциальных режимов в документах стратегического планирования для обеспечения взаимосвязи функционирования преференциальных режимов со стратегическими целями и показателями социально-экономического развития регионов.

Вторая. Необходимость разработки методики комплексной оценки эффективности деятельности преференциальных режимов по критериям с целью выявления наиболее успешных, а также досрочного прекращения существования неэффективных экономических зон.

Третья. Совершенствование механизма администрирования с акцентом на организационную структуру управления производством, выражающуюся в распределении ответственности между регионами за выпуск конечного продукта, а также точном определении пропульсивных отраслей, которым должна оказываться поддержка.

Четвертая. Повышение информированности о возможностях для потенциальных резидентов. Не только российские, но и иностранные инвесторы не имеют полного представления о возможностях преференциальных режимов ДФО, что может выражаться в недоверии к этому институту.

Пятая. Поддержка и дополнительные стимулы для резидентов и инвесторов, деятельность которых связана с применением/производством товаров высокотехнологичных отраслей.

Шестая. Подготовка высококвалифицированных кадров.

В настоящее время в ДФО, несмотря на предоставление значительных льгот, происходит не конкуренция резидентов, а борьба преференциальных режимов за резидентов, которая и выражается в перманентном изменении в нормативно-правовых актах, совершенствовании условий и административного регулирования. Но это может измениться. Преференциальные режимы — это долгосрочный задел, т.к. режимы ДФО существуют меньше 10 лет и комплексно оценить их и создать абсолютно верный механизм можно будет только по прошествии времени.

Главной стратегической задачей для России сейчас является обеспечение ускоренного социально-экономического развития Дальнего Востока и налаживание связей с дружественными странами, в т.ч. с Китаем и Индией. В связи с этим *необходимы особые подходы*, обеспечивающие не только инвестиционную привлекательность страны для наших зарубежных партнеров, но и создание надежных условий для реализации крупных инвестиционных проектов на дальневосточной территории. Некоторые такие инициативы уже начали претворяться в жизнь, например, планируемая международная территория опережающего развития, создание которой поручено президентом В. Путиным на Восточном экономическом форуме в 2022 г. Реализация проектов на базе нового преференциального режима МТОР, а также инициативы китайской стороны по созданию российско-китайских логистических центров были обсуждены в мае 2023 г. в ходе визита в КНР заместителя Председателя Правительства — полномочного Представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе Ю. Трутнева²³.

Список литературы

1. Share of Special Economic Zones (SEZs) across India // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/652004/share-of-special-economic-zones-in-india-by-sector/> (дата обращения: 21.05.2023).
2. Левин Ю.А., Павлов А.О. Азиатско-Тихоокеанский регион: анализ создания и функционирования зон преференциальных экономических режимов // Право и управление. XXI век. 2020. № 4. С. 32–39.
3. Леонов С.Н. Преференциальные режимы созданных локальных точек роста и их влияние на экономику Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 28–45.
4. Молева М.М., Баранов В.В., Чжао Кай Зоны развития новых технологий в стратегии формирования инновационной инфраструктуры китайской экономики // Индустриальная экономика. 2022. № 5. С. 66–72.
5. Цзоу Сютин Российско-китайские зоны приграничного сотрудничества: перспективы взаимодействия РФ и КНР // Россия и АТР. 2020. № 3. С. 134–150.
6. Силенко М.В. Специальная экономическая зона КНР - Шэньчжэнь: становление и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2020. № 5. С. 238–257.
7. Мозиас П.М. Свободные экономические зоны в Китае: достижения и перспективы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2020. № 1. С. 106–123.
8. Пономарева К.А. Инвестиционные налоговые льготы в Китае: особенности правового регулирования и сравнительный анализ с российскими практиками // Law Enforcement Review. 2022. № 3. С. 80–93.
9. Международный аналитический источник для экономистов Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/>

²³ Калинин А. Россия обсуждает с Китаем планы на Дальний Восток. URL: <https://deita.ru/article/536259>

10. Сысоев А.П., Ласточкина В.В. Об опыте становления особых экономических зон (ОЭЗ) в Индии // Научные труды Вольного экономического общества России. 2009. Т. 127. С. 218–229.
11. India Exports // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/india/exports>
12. Guilherme V. Castilhos A. Special Economic Zone in Brazil: The Manaus Free Trade Zone. 2016.
13. Баландина А.С., Баннова К.А., Брайченко А.А. Создание и функционирование особых экономических зон в развивающихся странах // Проблемы учета и финансов. 2016. № 3. С. 49–51.
14. Invest Export Brasil // Trading Economics. URL: <http://www.investexportbrasil.gov.br/czpe-2?l=en>

References

1. Share of Special Economic Zones (SEZs) across India, *Statista*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/652004/share-of-special-economic-zones-in-india-by-sector/> (accessed 21 May 2023).
2. Levin Iu.A., Pavlov A.O. Aziatsko-Tikhookeanskii region: analiz sozdaniia i funktsionirovaniia zon preferentsial'nykh ekonomicheskikh rezhimov [Asia-Pacific Region: Analysis of the Creation and Functioning of Zones of Preferential Economic Regimes], *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Law and Management. XXI Century], 2020, No. 4, pp. 32–39. (In Russ.).
3. Leonov S.N. Preferentsial'nye rezhimy sozdannykh lokal'nykh toчек rosta i ikh vliianie na ekonomiku Dal'nego Vostoka [Preferential Regimes of Created Local Points of Growth and Their Impact on the Economy of the Far East], *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2020, Vol. 13, No. 3, pp. 28–45. (In Russ.).
4. Moleva M.M., Baranov V.V., Chzhao Kai Zony razvitiia novykh tekhnologii v strategii formirovaniia innovatsionnoi infrastruktury kitaiskoi ekonomiki [Zones of Development of New Technologies in the Strategy of Forming the Innovative Infrastructure of the Chinese Economy], *Industrial'naia ekonomika* [Industrial Economics], 2022, No. 5, pp. 66–72. (In Russ.).
5. Tszou Siutin Rossiisko-kitaiskie zony prigranichnogo sotrudnichestva: perspektivy vzaimodeistviia RF i KNR [Russian-Chinese Zones of Border Cooperation: Prospects for Interaction Between the Russian Federation and China], *Rossiiia i ATR* [Russia and the Asia-Pacific Region], 2020, No. 3, pp. 134–150. (In Russ.).
6. Silenko M.V. Spetsial'naia ekonomicheskaiia zona KNR – Shen'chzhen': stanovlenie i perspektivy [Special Economic Zone of the People's Republic of China - Shenzhen: Formation and Prospects], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 6: Ekonomika* [Bulletin of the Moscow University. Series 6: Economy], 2020, No. 5, pp. 238–257. (In Russ.).
7. Mozias P.M. Svobodnye ekonomicheskie zony v Kitae: dostizheniia i perspektivy [Free Economic Zones in China: Achievements and Prospects], *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Serii 9: Vostokovedenie i afrikanistika* [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 9: Oriental and African Studies], 2020, No. 1, pp. 106–123. (In Russ.).
8. Ponomareva K.A. Investitsionnye nalogovye l'goty v Kitae: osobennosti pravovogo regulirovaniia i sravnitel'nyi analiz s rossiiskimi praktikami [Investment Tax Incentives in China: Features of Legal Regulation and Comparative Analysis with Russian Practices], *Law Enforcement Review*, 2022, No. 3, pp. 80–93. (In Russ.).

9. Mezhdunarodnyi analiticheskii istochnik dlia ekonomistov Trading Economics [International Analytical Source for Economists Trading Economics]. Available at: <https://tradingeconomics.com/>

10. Sysoev A.P., Lastochkina V.V. Ob opyte stanovleniia osobykh ekonomicheskikh zon (OEZ) v Indii [On the Experience of Establishing Special Economic Zones (SEZ) in India], *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 2009, Vol. 127, pp. 218–229. (In Russ.).

11. India Exports, *Trading Economics*. Available at: <https://tradingeconomics.com/india/exports>

12. Guilherme V. Castilhos A. Special Economic Zone in Brazil: The Manaus Free Trade Zone, 2016.

13. Balandina A.S., Bannova K.A., Braichenko A.A. Sozdanie i funktsionirovanie osobykh ekonomicheskikh zon v razvivaiushchikhsia stranakh [Creation and Functioning of Special Economic Zones in Developing Countries], *Problemy ucheta i finansov* [Problems of Accounting and Finance], 2016, No. 3, pp. 49–51. (In Russ.).

14. Invest Export Brasil, *Trading Economics*. Available at: <http://www.investexportbrasil.gov.br/czpe-2?l=en>

OPPORTUNITIES FOR THE RUSSIAN FEDERATION TO BORROW FROM THE WORLD EXPERIENCE OF PREFERENTIAL REGIMES

The presence of underdeveloped territories, a large number of backward and depressed regions has a direct impact on the economic security of both the regions themselves and the state as a whole. One of the tools for the development of space, which has proven its effectiveness in the practice of application in the world, are special (free) economic zones. The regimes emerging in their territories are commonly called preferential. Moreover, there are no uniform rules for the development of such formations. Each state, when establishing preferential regimes, is guided by its own national legislation, certain development goals, as well as the use of international experience in the formation of special economic zones. The main purpose of the article is to study the issues of the development of territories with preferential regimes, their impact on the economy of the home countries and the possibility of using world experience in the subjects of the Russian Federation to attract investment, create new jobs with the support of propulsive industries and the spread of innovations arising in these zones to the nearest areas.

Keywords: region, regional economy, preferential regimes, spatial development, investment attraction, tax benefits, special economic zones.

JEL: R11, R12, O18

Дата поступления — 10.07.2023 г.

ГАГАРИНА Галина Юрьевна

доктор экономических наук, заведующая кафедрой национальной и региональной экономики;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 115054.

e-mail: Gagarina.GYu@rea.ru

АНТОНОВА Диана Андреевна

заместитель начальника правового отдела;
Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока
и Арктики / ул. Бурденко, д. 14, г. Москва, 119121.
e-mail: d.antonova@minvr.gov.ru

GAGARINA Galina Yu.

Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of National and
Regional Economics;
Federal State Budgetary Institute of Higher Education "Plekhanov Russian
University of Economics" / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 115054.
e-mail: Gagarina.GYu@rea.ru

ANTONOVA Diana A.

Deputy Head of Legal Department;
Ministry for the Development of the Russian Far East and Arctic / 14, Burdenko
Str., Moscow, 1119121.
e-mail: d.antonova@minvr.gov.ru

Для цитирования

Гагарина Г.Ю., Антонова Д.А. Возможности заимствования Российской
Федерацией мирового опыта преференциальных режимов // Федерализм.
2023. Т. 28. № 3 (111). С. 29–48. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-3-29-48>

А.В. ПЕТРИКОВ

ХОЗЯЙСТВА НАСЕЛЕНИЯ В СТРУКТУРЕ АГРАРНОЙ ЭКОНОМИКИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

Экономический рост в сельском хозяйстве в последние 20 лет сопровождается снижением удельного веса хозяйств населения в валовом производстве основных видов продукции. Однако по-прежнему эти хозяйства имеют важное значение для продовольственного самообеспечения российских семей и сохранения в обжитом состоянии сельских территорий. В статье на основе данных текущей статистики и сельскохозяйственных переписей 2016 и 2021 гг. анализируется роль хозяйств населения в производстве основных видов растениеводческой и животноводческой продукции как в целом по стране, так и в разрезе субъектов Российской Федерации. Делается вывод, что, несмотря на общее снижение потенциала хозяйств населения, в целом ряде регионов именно эти хозяйства определяют тренд аграрного развития. Особое внимание уделяется оценке государственной поддержки личных подсобных хозяйств и некоммерческих (садоводческих, огороднических) объединений граждан, предлагаются основные направления ее совершенствования. В частности, указывается на необходимость стимулирования перехода высоко-товарных личных подсобных хозяйств в фермерские хозяйства.

Ключевые слова: личные подсобные хозяйства, некоммерческие объединения граждан, производство сельскохозяйственной продукции, основные виды растениеводческой продукции, основные виды животноводческой продукции, сбыт и товарность сельскохозяйственной продукции, государственная поддержка хозяйств населения, аграрная политика, субъекты Российской Федерации, всероссийская сельскохозяйственная перепись.

JEL: Q12, Q13, Q14, Q18

Хозяйства населения (личные подсобные хозяйства и другие индивидуальные хозяйства граждан, некоммерческие (садовые, огороднические, дачные) объединения) — неотъемлемая часть многоукладной аграрной экономики. От сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств и хозяйств индивидуальных предпринимателей они отличаются несравненно меньшими размерами производства, го-

раздо более низкой товарностью и специализацией, преимущественным использованием семейного труда. Хозяйства населения применяют, как правило, низкоинтенсивные технологии, выбрасывают на рынок лишь излишки продукции, поэтому они менее зависимы как от ресурсов, так и от продуктовых рынков и, соответственно, более устойчивы.

Вместе с семейными крестьянскими хозяйствами они образуют *семейный сектор аграрной экономики*, выполняющий важные народно-хозяйственные (экономические, социальные и экологические) функции в системе общественного разделения труда:

- обеспечение продовольственной безопасности, особенно по трудоемким, органическим продуктам, а также в период сильной волатильности глобальных рынков и экономических кризисов;
- продовольственное снабжение отдаленных и труднодоступных районов;
- содействие занятости и повышению доходов населения;
- экономия издержек по контролю и управлению производством в силу его семейного характера;
- вовлечение в оборот неиспользуемых в крупном производстве ресурсов;
- сохранение и развитие традиционных технологий производства и переработки продукции;
- сохранение традиционных агроландшафтов и биоразнообразия ценозов;
- трудовое воспитание и начальная профессиональная подготовка подрастающего поколения;
- удовлетворение рекреационных потребностей населения;
- содействие сохранению в обжитом состоянии обширных сельских территорий.

В ходе экономического развития с ростом на агропродовольственном рынке доли крупных хозяйств производственно-экономическое значение семейных хозяйств и их роль в обеспечении продовольственной независимости постепенно снижаются, но по-прежнему остаются значимыми их социально-территориальные, рекреационные и экологические функции.

Роль хозяйств населения в производстве сельскохозяйственной продукции

Основную часть хозяйств населения составляют личные подсобные и другие индивидуальные хозяйства граждан (см. табл. 1), в пользовании которых в 2016 г. находилось почти 12,2 млн га сельскохозяйственных угодий. Из них 526,5 тыс. га в городах и 11,7 млн га — в сельских населенных пунктах¹, в то время как в пользовании граждан — членов объ-

¹ Общую площадь сельскохозяйственных угодий личных подсобных и других индивидуальных хозяйств граждан за 2021 г. привести не представляется возможным, т.к. Сельскохозяйственная микроперепись 2021 г. в городах из-за бюджетных ограничений не проводилась.

единений в 2016 г. было 935,0 тыс. га, в 2021 г. — 890,8 тыс. га (см. табл. 2). Сопоставление показателей личных подсобных и других индивидуальных хозяйств граждан, проживающих в сельских населенных пунктах (см. столбцы 4 и 5 табл. 1), свидетельствует об их отрицательной динамике. В частности, количество хозяйств уменьшилось на 362,5 тыс. ед., доля осуществлявших хозяйственную деятельность — на 8,1 п.п. В наибольшей степени сократилась площадь посевов картофеля как наиболее трудоемкой культуры и поголовье свиней из-за рисков распространения африканской чумы свиней на личных подворьях.

Т а б л и ц а 1

Основные показатели личных подсобных и других индивидуальных хозяйств граждан по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. и Сельскохозяйственной микропереписи 2021 г.

Показатели	2016			2021	В сельских населенных пунктах	
	всего	в городах	в сельских населенных пунктах	в сельских населенных пунктах	2021-2016	2021/2016, %
1	2	3	4	5	6	7
Число хозяйств — всего, тыс. ед.	23 496,9	6 907,10	16 589,8	16 227,3	-362,50	97,8
Из них: осуществлявшие сельскохозяйственную деятельность в I полугодии	18 752,4	5 935,20	12 817,2	11 227,1	-1 590,10	87,6
В % от общего числа хозяйств	79,8	2,50	77,3	69,2	-8,10	89,5
Общая площадь сельскохозяйственных угодий, тыс. га	12 179,1	526,50	11 652,6	9 754,0	-1 898,60	83,7
Посевная площадь сельскохозяйственных культур под урожай — всего, тыс. га	2 401,5	210,40	2 191,1	1 772,7	-418,40	80,9
В т.ч.:						
Картофель	960,8	131,40	829,4	544,5	-284,90	65,6
Овощные и бахчевые культуры — всего	368,8	62,50	306,3	220,0	-86,30	71,8
Площади многолетних плодовых насаждений и ягодных культур — всего, тыс. га	195,7	48,70	147,0	127,0	-20,00	86,4

Источник: составлено автором по [1, с. 9, 14].

О к о н ч а н и е т а б л . 1

1	2	3	4	5	6	7
Поголовье скота и птицы, тыс. голов						
Крупный рогатый скот, всего	8 177,1	300,70	7 876,4	6 325,1	-1 551,30	80,3
Свины	3 858,0	304,20	3 553,8	2 079,4	-1 474,40	58,5
Овцы и козы	12 270,6	435,30	11 835,3	9 317,5	-2 517,80	78,7
Птица, всего	111 311,1	13 828,90	97 482,2	81 616,9	-15 865,30	83,7

Аналогичные тенденции наблюдаются в развитии некоммерческих объединений граждан (см. табл. 2). Их *общее число* за 2016–2021 гг. *уменьшилось почти на 5%*, количество объединений, осуществлявших сельскохозяйственную деятельность — на 6%, численность земельных участков в объединениях — на 7%, освоенных участков — на 3%.

Т а б л и ц а 2

**Основные показатели некоммерческих объединений граждан по данным
Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г.
и Сельскохозяйственной микропереписи 2021 г.**

Показатели	2016	2021	2021-2016	2021/2016, %
Число объединений — всего, тыс. ед.	75 945	72 076	-3 869	94,9
Численность объединений, осуществлявших сельскохозяйственную деятельность, ед.	67 571	63 432	-4 139	93,9
Доля объединений, осуществлявших сельскохозяйственную деятельность, %	89,0	88,0	-1	98,9
Количество земельных участков в объединениях — всего, тыс.	12 792,9	11 877,1	-915,8	92,8
Из них освоено	9 313,2	9 051,4	-261,8	97,2
Доля освоенных земельных участков, в % от их общего количества	72,8	76,2	3,4	104,7
Общая земельная площадь объединений, тыс. га	1 150,6	1 091,6	-59	94,9
Из общей площади земель объединений — земли в пользовании граждан — членов объединений, тыс. га	935,0	890,8	-44,2	95,3

Источник: составлено автором по [1, с. 28,29; 2, с. 12, 13, 118; 3, с. 78, 82–83, 86].

В хозяйствах населения сложился устойчивый тренд сокращения производства большинства видов сельскохозяйственной продукции (см. табл. 3). Это обуславливает снижение удельного веса хозяйств в продукции отрасли (за 2012–2022 гг. на 18,6 п.п.), в т. ч. в продукции растениеводства – на 19,2 п.п., животноводства – на 15,8 п.п. Вместе с тем хозяйства населения продолжают играть заметную роль в аграрной экономике и прежде всего в производстве картофеля, плодов и фруктов, овощей, баранины и козлятины, говядины, шерсти, молока. Производство меда почти полностью сосредоточено в личных подворьях.

Т а б л и ц а 3

**Производство основных видов продукции в хозяйствах населения
и их удельный вес в общем объеме производства**

Показатели	2012		2017		2022	
	тыс. т	%	тыс. т	%	тыс. т	%
Валовая продукция	—	42,0	—	32,4	—	23,4
<i>Продукция растениеводства</i>	—	38,6	—	29,4	—	19,4
Зерновые и зернобобовые культуры	736	1,0	1071	0,8	1 539	1,0
Сахарная свекла	135	0,3	103	0,2	43	0,1
Семена подсолнечника	43	0,6	45	0,4	56	0,4
Картофель	18 312	74,6	14 963	68,9	11 569	61,5
Овощи	8 291	64,8	7 546	55,4	6 302	46,6
Плоды и ягоды	1 878,0	74,7	1 836,9	68,5	25 55,2	59,8
<i>Продукция животноводства</i>	—	45,1	—	35,5	—	29,3
Скот и птица на убой (в убойном весе)	2 430,3	30,1	1 973,3	19,1	1 678,3	14,3
крупный рогатый скот	994,4	61,4	877,9	55,9	800,5	49,4
свины	907,1	35,4	558,7	15,9	376,7	8,3
овцы и козы	137,2	72,2	153,2	69,8	131,4	62,5
птица	343,0	9,4	336,8	6,8	324,5	6,1
Молоко	14 737,4	47,2	1 2135,4	40,2	10 989,2	33,4
Яйца, млн штук	9 025,4	21,4	8 438,7	18,8	7 799,0	16,9
Шерсть (в физическом весе), т	28 669	52,1	26 779	47,2	20 351	44,2
Мед натуральный, т	59 830	93,2	61 238	94,0	62 947	93,9

Источник: Росстат ЕМИСС.

Дифференциация развития личных подсобных и других хозяйств населения по субъектам Российской Федерации

Развитие хозяйств населения заметно дифференцировано по субъектам Российской Федерации. Их удельный вес в продукции сельского хозяйства варьирует от 4,1% в Чукотском автономном округе до 76,6% в Республике Тыва (см. табл. 4). В 47 регионах страны этот показатель выше, чем в среднем по Российской Федерации (23,4%); в 10 субъектах Российской Федерации (Республика Бурятия, Республика Хакасия, Чеченская Республика, Еврейская автономная область, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Алтай, Хабаровский край, Забайкальский край, Республика Дагестан, Республика Тыва) хозяйства населения производят более половины выпуска отрасли, в трех регионах страны – более 70%. Таким образом, несмотря на относительно невысокую общую долю личных подворий и хозяйств членов некоммерческих объединений в аграрной экономике России, в целом ряде регионов именно хозяйства населения определяют тренд аграрного развития.

Т а б л и ц а 4

Удельный вес хозяйств населения в продукции сельского хозяйства по субъектам Российской Федерации в 2022 г.

Удельный вес хозяйств населения в продукции сельского хозяйства, %	Число субъектов Российской Федерации	Субъекты Российской Федерации, %
1	2	3
10,0 и менее	3	Чукотский АО (4,1), Белгородская область (8,2), Орловская область (8,5)
10,1–15,0	9	Тамбовская область (10,4), Курская область (10,8), Рязанская область (11,4), Тульская область (11,8), Республика Мордовия (12,2), Псковская область (12,7), Пензенская область (13,3), Липецкая область (13,4), Ленинградская область (14,6)
15,1–20,0	12	Краснодарский край (15,1), Алтайский край (15,4), Брянская область (15,5), Ставропольский край (16,1), Вологодская область (16,5), Воронежская область (17,7), Владимирская область (18,4), Кировская область (18,4), Калужская область (18,5), г. Москва (18,6), Калининградская область (19,4), Ростовская область (19,6)
20,1–25,0	14	Кемеровская область – Кузбасс (20,1), Новгородская область (20,5), Новосибирская область (20,7), Амурская область (20,7), Пермский край (20,7), Ярославская область (21,6), Нижегородская область (22,4), Томская область (22,9), Челябинская область (22,9), Республика Марий Эл (23,2), Российская Федерация (23,4), Курганская область (24,0),

Источник: Росстат, ЕМИСС.

О к о н ч а н и е т а б л . 4

1	2	3
		Удмуртская Республика (24,1), Республика Крым (24,5), Волгоградская область (24,6)
25,1–30,0	12	Красноярский край (25,1), Сахалинская область (25,2), Смоленская область (25,5), Тверская область (26,4), Саратовская область (26,5), Тюменская область (26,6), Свердловская область (27,1), Омская область (27,2), Ульяновская область (27,4), Оренбургская область (28,4), Приморский край (28,8), Республика Коми (28,9)
30,1–40,0	15	Республика Татарстан (Татарстан) (32,1), Костромская область (32,2), Республика Адыгея (Адыгея) (32,4), Магаданская область (32,5), Самарская область (33,2), Иркутская область (33,4), Московская область (33,8), Мурманская область (34,8), Ивановская область (35,3), Республика Башкортостан (36,3), г. Севастополь (36,8), Республика Ингушетия (37,2), Архангельская область (37,3), Чувашская Республика – Чувашия (37,7), Республика Калмыкия (38,5)
40,1–50,0	6	Астраханская область (41,0), Карачаево-Черкесская Республика (43,7), Республика Карелия (44,0), Республика Саха (Якутия) (45,7), Камчатский край (46,7), Кабардино-Балкарская Республика (49,1)
50,1–60,0	4	Республика Бурятия (53,9), Республика Хакасия (55,2), Чеченская Республика (55,4), Еврейская АО (55,9)
60,1–70,0	3	Республика Северная Осетия – Алания (63,4), Республика Алтай (67,5), Хабаровский край (68,6)
70,1 и более	3	Забайкальский край (71,8), Республика Дагестан (73,4), Республика Тыва (76,6)

В трех субъектах Российской Федерации (Мурманская область, Кабардино-Балкарская Республика, Чукотский автономный округ) за десятилетие 2012–2022 гг. доля хозяйств населения возросла (см. табл. 5). В 47 регионах ее снижение было меньшим, чем в среднем по стране; в 32 субъектах Российской Федерации, наоборот, – большим. На 25 п.п. и более сократился удельный вес хозяйств населения в 14 регионах.

Также существенны территориальные различия в доле хозяйств населения в общем производстве отдельных видов продукции.

Удельный вес хозяйств граждан в общем производстве картофеля (см. табл. 6) изменяется от 3,8% в Астраханской области до 96,2% в Воронежской области, до 99,1% в Мурманской области и до 100% в г. Севастополе. В 28 регионах он ниже, чем в среднем по стране, в 53 субъектах Российской Федерации, наоборот, выше. В 65 регионах России более половины картофеля производится на личных подворьях и в некоммерческих объединениях граждан. В 24 регионах этот показатель превышает отметку в 80%, в 11 регионах – 90 %.

Т а б л и ц а 5

Изменение удельного веса хозяйств населения в продукции сельского хозяйства по субъектам Российской Федерации за 2012–2022 г.

Изменение удельного веса хозяйств населения (+,-)	Число субъектов Российской Федерации	Субъекты Российской Федерации, п.п.
+ 0,1 и более	3	Мурманская область (12,2), Кабардино-Балкарская Республика (4,0), Чукотский АО (2,0)
от 0,0 до -5,0	8	Республика Карелия (-1,3), Республика Северная Осетия – Алания (-1,4), Республика Алтай (-1,6), Хабаровский край (-2,6), Республика Хакасия (-2,9), Республика Дагестан (-3,0), Республика Тыва (-3,5), Белгородская область (-4,0)
от -5,1 до -10,0	13	Магаданская область (-5,8), Республика Саха (Якутия) (-5,9), Карачаево-Черкесская Республика (-6,2), Республика Адыгея (Адыгея) (-6,3), Астраханская область (-6,7), Вологодская область (-6,7), Забайкальский край (-6,8), Архангельская область (-7,2), Ивановская область (-7,4), Ленинградская область (-7,8), Свердловская область (-8,6), Республика Коми (-8,9), Ярославская область (-9,5)
от -10,1 до -15,0	12	Еврейская АО (-10,8), Ставропольский край (-11,1), Тверская область (-11,4), Камчатский край (-11,6), Липецкая область (-12,1), Краснодарский край (-12,3), Новгородская область (-12,7), Московская область (-12,8), Кировская область (-14,3), г. Москва (-14,4), Владимирская область (-14,9), Нижегородская область (-14,9)
от -15,1 до -20,0	13	Удмуртская Республика (-15,5), Республика Татарстан (Татарстан) (-15,7), Ростовская область (-15,7), Костромская область (-16,0), Иркутская область (-16,3), Новосибирская область (-16,9), Ульяновская область (-17,2), Орловская область (-17,3), Республика Калмыкия (-17,5), Республика Бурятия (-17,8), Чувашская Республика – Чувашия (-18,0), <i>Российская Федерация</i> (-18,6), Томская область (-19,8), Брянская область (-20,0)
от -20,1 до -25,0	16	Тульская область (-20,4), Красноярский край (-20,8), Омская область (-21,1), Тамбовская область (-21,5), Курская область (-21,8), Сахалинская область (-21,9), Амурская область (-21,9), Самарская область (-22,8), Тюменская область (-23,2), Республика Башкортостан (-23,5), Воронежская область (-23,5), Пермский край (-23,6), Саратовская область (-23,7), Смоленская область (-23,8), Рязанская область (-23,8), Республика Марий Эл (-24,8)
от -25,1 до -30,0	10	Челябинская область (-25,9), Приморский край (-26,7), Волгоградская область (-27,3), Алтайский край (-27,9), Калининградская область (-28,0), Республика Мордовия (-28,1), Кемеровская область – Кузбасс (-28,6), Калужская область (-28,9), Оренбургская область (-29,6), Псковская область (-29,6)
от -30,1 и менее	4	Пензенская область (-30,2), Чеченская Республика (-33,0), Курганская область (-39,1), Республика Ингушетия (-41,0)

Источник: Росстат, ЕМИСС.

Т а б л и ц а 6

Удельный вес хозяйств населения в производстве картофеля всеми категориями хозяйств по субъектам Российской Федерации в 2022 г.

Удельный вес хозяйств населения, %	Число субъектов Российской Федерации	Субъекты Российской Федерации, %
10,0 и менее	1	Астраханская область (3,8)
10,1–20,0	1	Тульская область (16,3)
20,1–30,0	2	Брянская область (24,8), Сахалинская область (25,5)
30,1–40,0	6	Московская область (31,5), Магаданская область (33,9), Ярославская область (34,4), Республика Калмыкия (34,6), Тверская область (36,3), Нижегородская область (36,6)
40,1–50,0	6	Новгородская область (40,5), Волгоградская область (42,6), Ставропольский край (43,3), Ростовская область (43,4), Калининградская область (43,9), Тюменская область (44,8)
50,1–60,0	10	Псковская область (50,9), Костромская область (52,5), Кемеровская область – Кузбасс (52,6), Курганская область (53,0), Республика Ингушетия (53,9), Владимирская область (54,5), Омская область (55,9), Самарская область (56,6), Ленинградская область (58,7), Вологодская область (60,0)
60,1–70,0	16	Республика Крым (60,5), Камчатский край (60,5), <i>Российская Федерация</i> (61,5), Рязанская область (61,6), Липецкая область (62,0), Свердловская область (63,0), Чувашская Республика – Чувашия (63,4), Пермский край (64,0), Республика Северная Осетия – Алания (64,3), Тамбовская область (65,0), Смоленская область (65,2), Республика Тыва (65,9), Приморский край (66,4), Орловская область (67,3), Удмуртская Республика (68,1), Республика Саха (Якутия) (69,4), Ивановская область (70,0)
70,1–80,0	15	Краснодарский край (70,3), Челябинская область (71,3), Архангельская область (72,7), Томская область (72,9), Республика Бурятия (73,5), Новосибирская область (74,1), Республика Марий Эл (74,9), Иркутская область (75,5), Калужская область (76,6), Красноярский край (77,8), Алтайский край (78,3), Республика Карелия (78,3), Карачаево-Черкесская Республика (78,6), Оренбургская область (79,5), Кировская область (79,8)
80,1–90,0	13	Чеченская Республика (81,4), Ульяновская область (81,5), Пензенская область (83,1), Курская область (83,3), Амурская область (83,7), Еврейская АО (84,2), Кабардино-Балкарская Республика (86,0), Республика Татарстан (Татарстан) (86,4), Чукотский АО (86,6), Республика Коми (86,8), Саратовская область (87,4), Хабаровский край (88,0), Забайкальский край (88,3)
90,1–100,0	11	Белгородская область (91,4), Республика Башкортостан (93,6), г. Москва (94,0), Республика Хакасия (94,0), Республика Адыгея (Адыгея) (94,9), Республика Алтай (95,0), Республика Дагестан (95,7), Республика Мордовия (95,9), Воронежская область (96,2), Мурманская область (99,1), г. Севастополь (100,0)

Источник: Росстат, ЕМИСС.

Похожая картина региональной дифференциации доли хозяйств населения в общем производстве наблюдается в овощеводстве (см. табл. 7). Наименьший показатель, как и в картофелеводстве, — в Астраханской области, наибольшие — в Мурманской области и г. Севастополе. В 28 субъектах Российской Федерации удельный вес хозяйств населения в производстве картофеля всеми категориями сельхозтоваропроизводителей уступает среднероссийскому значению (46,6%), в 53 регионах превышает его. В 11 регионах этот показатель больше 80%, в 7 регионах — 90%.

Т а б л и ц а 7

Удельный вес хозяйств населения в производстве овощей всеми категориями хозяйств по субъектам Российской Федерации в 2022 г.

Удельный вес хозяйств населения, %	Число субъектов Российской Федерации	Субъекты Российской Федерации, %
1	2	3
10,0 и менее	1	Астраханская область (9,2)
10,1–20,0	3	Волгоградская область (13,3), Республика Калмыкия (13,7), Сахалинская область (15,7)
20,1–30,0	5	Новгородская область (20,9), Чукотский АО (21,2), Республика Ингушетия (22,6), Ставропольский край (25,4), Московская область (27,4)
30,1–40,0	13	Тульская область (32,2), Калужская область (32,4), г. Москва (32,7), Кабардино-Балкарская Республика (33,3), Республика Тыва (34,3), Чеченская Республика (35,0), Краснодарский край (36,1), Липецкая область (36,2), Магаданская область (37,2), Республика Крым (37,3), Саратовская область (38,2), Карачаево-Черкесская Республика (39,3), Ленинградская область (39,8)
40,1–50,0	12	Калининградская область (40,5), Камчатский край (40,6), Ярославская область (41,1), Смоленская область (44,8), Тюменская область (45,6), Приморский край (45,6), Российская Федерация (46,6), Республика Саха (Якутия) (46,7), Челябинская область (47,9), Республика Марий Эл (48,2), Курганская область (48,5), Костромская область (49,0), Самарская область (49,0)
50,1–60,0	13	Республика Коми (52,1), Кемеровская область — Кузбасс (52,4), Новосибирская область (52,7), Владимирская область (54,4), Чувашская Республика — Чувашия (55,4), Тамбовская область (55,6), Псковская область (55,6), Республика Мордовия (55,7), Омская область (56,2), Белгородская область (56,9), Ульяновская область (57,6), Свердловская область (58,1), Томская область (59,1)

Источник: Росстат, ЕМИСС.

О к о н ч а н и е т а б л . 7

1	2	3
60,1–70,0	11	Республика Бурятия (61,1), Оренбургская область (61,5), Республика Северная Осетия – Алания (62,1), Ростовская область (62,5), Вологодская область (63,5), Республика Татарстан (Татарстан) (64,2), Пермский край (66,0), Ивановская область (66,1), Иркутская область (66,5), Алтайский край (66,9), Рязанская область (67,7)
70,1–80,0	12	Забайкальский край (70,3), Республика Башкортостан (70,9), Нижегородская область (71,4), Брянская область (72,5), Тверская область (72,7), Амурская область (72,8), Воронежская область (75,4), Курская область (76,2), Красноярский край (76,7), Хабаровский край (77,0), Республика Хакасия (77,2), Пензенская область (78,5)
80,1–90,0	4	Орловская область (81,5), Республика Адыгея (Адыгея) (86,6), Удмуртская Республика (87,3), Республика Алтай (88,4)
90,1–100,0	7	Архангельская область (91,2), Республика Карелия (91,4), Еврейская АО (92,6), Республика Дагестан (95,0), Кировская область (97,0), Мурманская область (99,9), г. Севастополь (100,0)

Существенная территориальная дифференциальная наблюдается в садоводстве (см. табл. 8). Удельный вес хозяйств населения в общем объеме производства плодов и ягод варьирует от 1,7 % в Республике Ингушетия до 100% в 14 субъектах Российской Федерации. В 15 регионах данный показатель ниже, чем средний по стране, в 65 регионах – выше. В 69 субъектах Российской Федерации более половины производства плодов и ягод приходится на хозяйства населения.

Т а б л и ц а 8

Удельный вес хозяйств населения в производстве плодов и ягод всеми категориями хозяйств по субъектам Российской Федерации в 2022 г.

Удельный вес хозяйств населения, %	Число субъектов Российской Федерации	Субъекты Российской Федерации, %
1	2	3
10,0 и менее	1	Республика Ингушетия (1,7)
10,1–20,0	2	Республика Адыгея (Адыгея) (16,1), Краснодарский край (18,3)
20,1–30,0	3	Республика Крым (21,4), Республика Северная Осетия – Алания (23,7), Карачаево-Черкесская Республика (24,5)

Источник: Росстат, ЕМИСС.

О к о н ч а н и е т а б л . 8

1	2	3
30,1–40,0	3	Чеченская Республика (31,9), Ставропольский край (33,8), Липецкая область (38,6)
40,1–50,0	2	Кабардино-Балкарская Республика (40,7), Курская область (45,1)
50,1–60,0	4	Воронежская область (51,8), Белгородская область (53,6), Волгоградская область (56,5), Тамбовская область (59,5), <i>Российская Федерация</i> (59,8)
60,1–70,0	1	Тульская область (61,4)
70,1–80,0	2	Республика Калмыкия (76,9), Саратовская область (79,2)
80,1–90,0	6	Ростовская область (80,6), Пензенская область (81,5), Самарская область (84,3), Республика Дагестан (85,2), Орловская область (87,1), Калужская область (89,9)
90,1–95,0	8	Калининградская область (90,6), Астраханская область (91,0), Рязанская область (91,5), Республика Карелия (92,5), Смоленская область (92,6), Брянская область (93,4), г. Севастополь (94,4), Алтайский край (95,0)
95,1–99,9	34	Псковская область (96,1), Сахалинская область (96,1), Томская область (96,9), Чувашская Республика – Чувашия (97,5), Республика Алтай (97,5), Республика Мордовия (97,8), Костромская область (97,9), Новосибирская область (97,9), Республика Башкортостан (98,0), Ульяновская область (98,2), Республика Татарстан (Татарстан) (98,6), Нижегородская область (98,6), Московская область (98,7), Челябинская область (98,8), Вологодская область (99,0), Республика Бурятия (99,3), Владимирская область (99,3), Удмуртская Республика (99,4), Ленинградская область (99,5), Ивановская область (99,5), Новгородская область (99,5), Красноярский край (99,5), Хабаровский край (99,6), Амурская область (99,7), Кемеровская область – Кузбасс (99,8), Приморский край (99,8), Курганская область (99,8), Пермский край (99,8), Тверская область (99,8), Архангельская область (99,9), Оренбургская область (99,9), Ярославская область (99,9), Омская область (99,9), Кировская область (99,9)
100,0	14	Свердловская область, Республика Марий Эл, г. Москва, Республика Коми, Мурманская область, Тюменская область, Республика Тыва, Республика Хакасия, Иркутская область, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Камчатский край, Магаданская область, Еврейская АО

Диапазон изменения удельного веса хозяйств населения в общем производстве скота и птицы по субъектам Российской Федерации охватывает значения от 0% в г. Москве, Республике Адыгея, г. Севастополе, Магаданской области Чукотском автономном округе до 88,8% в Забайкальском крае. В 42 регионах данный показатель уступает

среднероссийскому уровню (14,3%), в 39 регионах – превосходит его. В 15 субъектах Российской Федерации более половины мяса скота и птицы производится в хозяйствах населения, в 5 регионах свыше 70%.

Т а б л и ц а 9

Удельный вес хозяйств населения в производстве скота и птицы всеми категориями хозяйств по субъектам Российской Федерации в 2022 г.

Удельный вес хозяйств населения, %	Число субъектов Российской Федерации	Субъекты Российской Федерации, %
1	2	3
до 0,1	5	г. Москва (0,0), Республика Адыгея (Адыгея) (0,0), г. Севастополь (0,0), Магаданская область (0,0), Чукотский АО (0,0)
0,1–5,0	16	Псковская область (0,7), Белгородская область (1,0), Новгородская область (1,1), Курская область (1,2), Республика Мордовия (1,6), Ленинградская область (1,9), Республика Марий Эл (2,1), Тверская область (2,1), Брянская область (3,2), Тамбовская область (3,3), Орловская область (3,7), Калининградская область (3,8), Республика Коми (4,2), Московская область (4,5), Сахалинская область (4,5), Пензенская область (4,9)
5,1–10,0	13	Липецкая область (5,1), Калужская область (5,9), Владимирская область (6,0), Тульская область (6,4), Приморский край (7,6), Челябинская область (8,0), Нижегородская область (8,1), Ивановская область (8,2), Вологодская область (8,4), Смоленская область (8,9), Томская область (9,5), Ярославская область (9,8), Рязанская область (9,9)
10,1–15,0	8	Воронежская область (10,3), Кировская область (10,5), Свердловская область (11,7), Камчатский край (11,9), Пермский край (13,0), Кемеровская область - Кузбасс (13,7), Ставропольский край (14,2), Мурманская область (14,3), <i>Российская Федерация (14,3)</i>
15,1–20,0	5	Новосибирская область (17,9), Тюменская область (18,0), Чувашская Республика – Чувашия (19,4), Архангельская область (19,6), Республика Татарстан (Татарстан) (20,0)
20,1–30,0	7	Костромская область (20,2), Удмуртская Республика (20,8), Омская область (24,0), Краснодарский край (25,3), Амурская область (25,9), Красноярский край (26,9), Республика Башкортостан (28,5)
30,1–40,0	8	Иркутская область (30,8), Ульяновская область (33,0), Республика Крым (33,8), Ростовская область (34,5), Самарская область (37,2), Алтайский край (37,4), Кабардино-Балкарская Республика (37,8), Карачаево-Черкесская Республика (37,8)
40,1–50,0	5	Республика Бурятия (41,5), Оренбургская область (44,1), Республика Саха (Якутия) (46,6), Волгоградская область (47,5), Республика Карелия (50,0).

Источник: Росстат, ЕМИСС.

О к о н ч а н и е т а б л . 9

1	2	3
50,1–60,0	4	Астраханская область (51,4), Курганская область (53,0), Республика Тыва (56,2), Саратовская область (56,5)
60,1–70,0	5	Республика Дагестан (60,9), Республика Алтай (61,2), Республика Калмыкия (64,7), Республика Ингушетия (67,3), Республика Хакасия (69,1)
70,1–80,0	4	Республика Северная Осетия – Алания (71,5), Хабаровский край (75,4), Чеченская Республика (78,9), Еврейская АО (80,0)
80,1 и более	1	Забайкальский край (88,8)

Доля хозяйств населения в общем производстве молока варьирует от 0% в Чукотском автономном округе до 92,7% в Забайкальском крае (см. табл. 10). В 44 регионах страны значения рассматриваемого показателя ниже, чем в среднем по России (33,3%), в 37 регионах – выше. В 28 субъектах Российской Федерации на личных подворьях производится более половины молока, в 13 регионах – более 70%.

Т а б л и ц а 10

Удельный вес хозяйств населения в производстве молока всеми категориями хозяйств по субъектам Российской Федерации в 2022 г.

Удельный вес хозяйств населения, %	Число субъектов Российской Федерации	Субъекты Российской Федерации, %
1	2	3
до 0,1	1	Чукотский АО (0,0)
0,1–5,0	6	Мурманская область (1,3), Вологодская область (1,6), Калужская область (2,8), Ленинградская область (3,0), Владимирская область (3,1), Кировская область (3,6)
5,1–10,0	9	Рязанская область (5,7), Удмуртская Республика (6,0), Ярославская область (6,0), Московская область (6,1), Архангельская область (6,5), Магаданская область (6,6), Республика Карелия (6,9), Республика Мордовия (8,0), Нижегородская область (9,4)
10,1–15,0	10	Тульская область (10,1), Пермский край (10,5), Псковская область (11,5), Сахалинская область (11,7), Ивановская область (11,8), Костромская область (12,2), Свердловская область (13,1), Республика Коми (13,2), Белгородская область (13,7), Воронежская область (14,1)
15,1–20,0	5	Липецкая область (15,3), Новосибирская область (15,6), г. Москва (15,9), Брянская область (17,0), Смоленская область (18,7)

Источник: Росстат, ЕМИСС.

О к о н ч а н и е т а б л . 10

1	2	3
20,1–30,0	13	Пензенская область (20,7), Курская область (21,7), Орловская область (22,1), Краснодарский край (23,0), Камчатский край (23,3), Новгородская область (24,1), Республика Марий Эл (24,8), Тверская область (25,3), Республика Татарстан (Татарстан) (25,5), Томская область (25,6), Красноярский край (26,0), Тюменская область (28,0), Калининградская область 28,1
30,1–40,0	3	Российская Федерация (33,4), Омская область (36,4), Кемеровская область – Кузбасс (36,7), Ульяновская область (38,4)
40,1–50,0	6	Приморский край (41,5), Тамбовская область (41,9), Хабаровский край (42,2), Республика Ингушетия (43,1), Алтайский край (43,5), Самарская область (46,2)
50,1–60,0	9	Республика Саха (Якутия) (50,3), Республика Башкортостан (52,2), Чувашская Республика - Чувашия (52,3), Челябинская область (52,8), Иркутская область (54,3), Республика Крым (57,0), Амурская область (57,2), Республика Калмыкия (58,5), Карачаево-Черкесская Республика (60,0)
60,1–70,0	6	Ставропольский край (60,3), Оренбургская область (62,8), Республика Дагестан (66,5), Кабардино-Балкарская Республика (66,7), Курганская область (67,7), Республика Хакасия (68,5)
70,1–80,0	5	Астраханская область (75,4), Саратовская область (75,7), Ростовская область (75,8), Республика Адыгея (Адыгея) (78,0), Еврейская АО (78,1)
80,1 и более	8	Республика Тыва (80,5), Республика Алтай (80,6), Чеченская Республика (81,0), Волгоградская область (81,7), Республика Северная Осетия – Алания (83,2), Республика Бурятия (85,1), г. Севастополь (87,5), Забайкальский край (92,7)

Уровень товарности хозяйств населения

Основная цель хозяйств населения – *самообеспечение семей продовольствием и сельскохозяйственным сырьем* (см. табл. 11). В ходе Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2026 гг. и Сельскохозяйственной микропереписи 2021 г. в сельской местности на эту цель указали почти 99% владельцев хозяйств. Гораздо меньше граждан рассматривают хозяйства как источник денежных доходов, особенно как их основной источник. При этом количество личных подсобных и других индивидуальных хозяйств, служащих источником денежных поступлений, за 2006–2021 гг. существенно (на 57%) сократилось. Это свидетельствует о снижении товарности личных подворий.

Т а б л и ц а 11

Целеполагание личных подсобных и других индивидуальных хозяйств граждан, проживающих на селе, по данным Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2026 гг. и Сельскохозяйственной микропереписи 2021 г.

Цель производства	Число единиц, тыс.			Доля от всех хозяйств, %			2021/2006, %	
	2006*)	2016*)	2021**)	2006*)	2016*)	2021**)	Число единиц	Доля от всех хозяйств
Самообеспечение продовольствием	12 494,4	11 544,3	11 081,6	98,9	98,8	98,5	88,7	99,6
Источник денежных средств	2 260,3	2 043,4	969,1	17,9	17,4	8,6	42,9	48,0
Из них:								
Дополнительный источник денежных средств	2 148,3	1 991,9	882,7	17,0	17,0	7,8	41,1	45,9
Основной источник денежных средств	112,0	51,5	86,4	0,9	0,4	0,8	77,1	88,9

Источник: составлено автором по [4, с. 70, 71; 5, с. 109–110]; база микроданных Сельскохозяйственной микропереписи 2021 г.

*) В сельских поселениях.

**) В сельских населенных пунктах.

Примечание: Сумма процентов больше 100, т.к. у хозяйств может быть несколько целей.

Аналогичный вывод напрашивается при анализе данных текущих статистических наблюдений Росстата (см. табл. 12). Объемы реализации всех включенных в таблицу 12 продуктов (за исключением яиц) за период 2016–2020 гг. уменьшились. По всем позициям (кроме молока и яиц) сократился также уровень товарности хозяйств.

Т а б л и ц а 12

Реализация и уровень товарности продукции хозяйств населения

Вид продукции	2016	2017	2018	2019	2020	2020/2016, %
1	2	3	4	5	6	7
Картофель:						
реализовано, млн т	2,5	2,4	2,5	2,3	2,0	83,3
товарность, %	16,2	16,2	16,5	15,5	15,9	98,1
Овоцы:						
реализовано, млн т	1,2	1,2	1,2	1,1	1,0	83,3

Источник: составлено автором по [6, с. 74, 76].

О к о н ч а н и е т а б л . 1 2

1	2	3	4	5	6	7
товарность, %	15,7	15,8	15,5	14,4	14,9	94,9
<i>Скот и птица (в живом весе):</i>						
реализовано, млн т	1,5	1,5	1,4	1,4	1,3	86,7
товарность, %	46,4	46,9	46,4	46,0	45,8	98,7
<i>Молоко:</i>						
реализовано, млн т	4,5	4,5	4,3	4,4	4,3	95,6
товарность, %	35,8	36,9	36,4	36,5	37,5	104,7
<i>Яйца:</i>						
реализовано, млрд шт.	1,9	1,9	1,9	2,1	2,0	105,3
товарность, %	22,0	23,1	23,3	25,0	25,2	114,5

Сужение рыночной ориентации семейных хозяйств *происходит, несмотря на низкий уровень денежных доходов сельских жителей* (денежный доход в среднем на домохозяйство в месяц составил на селе в 2021 г. 62 716,4 руб., в городе — 93 338,8 руб.)² и ограниченные возможности трудоустройства в сельских районах. Причины снижения товарности многообразны, но наиболее существенная состоит в слабом уровне развития инфраструктуры сбыта продукции мелких сельхозпроизводителей, в т.ч. и личных подсобных хозяйств. Низкая рыночная интеграция личных подсобных хозяйств не позволяет им накопить потенциал для перехода в фермерские хозяйства.

***Государственная поддержка личных подсобных хозяйств
и некоммерческих объединений граждан***

В настоящее время правовая база государственной поддержки различных групп хозяйств населения существенно различается. Личные подсобные хозяйства (ЛПХ), в соответствии с Федеральным законом «О развитии сельского хозяйства», признаны сельскохозяйственными товаропроизводителями и им может оказываться государственная поддержка, как и сельскохозяйственным организациям, крестьянским (фермерским) хозяйствам, индивидуальным предпринимателям, сельскохозяйственным потребительским кооперативам в рамках государственных и муниципальных программ развития сельского хозяйства. Некоммерческие (садовые, огороднические, дачные и др.) объединения граждан в правовом смысле

² Уровень и структура денежных доходов домашних хозяйств в 2021 году по типу населенных пунктов. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fgks.ru%2Ffree_doc%2Fnew_site%2Fvndn-2022%2FFiles%2F%25D0%25A2%25D0%25B0%25D0%25B1%25D0%25BB%25D0%25B8%25D1%2586%25D0%25B0%25201.l.xlsx&wdOrigin=BROWSE_LINK (дата обращения: 03.07.2023).

сельскохозяйственными товаропроизводителями не являются и поддерживаются за счет несельскохозяйственных, главным образом социальных, программ субъектов Российской Федерации.

Вместе с тем *владельцы личных подсобных хозяйств*, как правило, не получают федеральную поддержку и *финансируются в основном из региональных и муниципальных источников*. Исключением было получение субсидируемых краткосрочных и инвестиционных кредитов в рамках Приоритетного национального проекта «Развитие АПК» 2005–2006 гг. и Госпрограммы развития сельского хозяйства в период 2008–2016 гг., а также поддержка сельскохозяйственных потребительских кооперативов, членами которых являются в основном владельцы ЛПХ. С 2017 г. субсидируемые кредиты ЛПХ не предоставлялись.

С 2022 г. *поддержка ЛПХ из федерального бюджета восстановлена*. Их владельцы, зарегистрированные как плательщики налога на профессиональный доход, получают компенсацию части расходов, понесенных для прироста производства овощей открытого грунта, картофеля, молока, при развитии специализированного мясного скотоводства, овцеводства и козоводства. Для самозанятых, которые ведут личное подсобное хозяйство, стали доступны льготные кредиты по ставке 1–5% годовых. Это касается как краткосрочных займов, так и инвестиционных кредитов сроком до 12 лет. Сельскохозяйственные организации и другие сельхозпроизводители, авансирующие производство и закупку продукции ЛПХ по т.н. агроконтрактам, могут получать субсидируемые краткосрочные кредиты.

Однако размеры указанной поддержки очень малы. Субсидию на возмещение части затрат граждан, ведущих ЛПХ и применяющих налог на профессиональный доход при реализации продукции, получили всего 113 ЛПХ в общем объеме 3,26 млн руб., в т.ч. 2,7 млн руб. средств федерального бюджета. Мероприятие осуществлялось только в Белгородской области, Республике Коми и Чувашской Республике³. Только 7 сельскохозяйственных организаций контрактировали продукцию ЛПХ⁴.

В рамках государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан», осуществляемой Минтрудом России, малоимущие граждане могут заключать социальный контракт на 12 месяцев на ведение ЛПХ и получить 200 тыс. руб. (с 1 июля 2022 г.) на покупку товаров, необходимых для хозяйства. Однако размеры этой поддержки также невелики: по оценке правительства, в 2022 г. заключено всего около 40 тыс. контрактов⁵.

Основная поддержка ЛПХ *сосредоточена в регионах*. В Республике Татарстан граждане, ведущие ЛПХ, имеют право на возмещение части затрат на строительство мини-ферм молочного направления (в 2022 г.

³ Итоговый доклад о результатах деятельности Минсельхоза России за 2022 год. Минсельхоз России, 2023. 42 с.

⁴ Там же.

⁵ Правительство увеличило размер выплат по социальному контракту // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/docs/45873/> (дата обращения: 28.06.2023).

на ферму не менее 8 коров до 600 тыс. руб. и не менее 5 коров до 300 тыс. руб.), приобретение товарного и племенного поголовья нетелей и первотелок (от 60 до 70 тыс. руб. за одну голову). Компенсируются также расходы на содержание скота (2 тыс. руб. получает подворье, содержащее одну корову, 3 тыс. руб. — две коровы и 4 тыс. руб. — три коровы и более: выплаты производятся при условии подписания договора на проведение ветеринарных мероприятий на 500 руб. с дополнительной выплатой субсидий на каждую корову 300 руб.). В Татарстане на поддержку личных подсобных хозяйств в 2022 г. направлено 418 млн руб. За 2015–2022 гг. построено с господдержкой 2 518 мини-ферм на 588,5 млн руб., в т.ч. в 2022 г. — 169 мини-ферм на 80 млн руб.⁶

В Ставропольском крае при поддержке из регионального бюджета владельцы ЛПХ получают гранты на закладку садов интенсивного типа на площади 10 соток каждый. На проект с 2018 г. выделяется 80 млн руб. ежегодно. В 2021 г. в личных подсобных хозяйствах Ставрополья заложили 20 га суперинтенсивных садов⁷.

В Томской области выделяются субсидии ЛПХ, имеющим не менее 3 коров, на возмещение части затрат на их содержание (от 3 до 5 тыс. руб. в год на одну голову), а также расходов на приобретение оборудования для доения коров и пастеризации молока, охлаждения, переработки молока и мяса, убойных пунктов (40% расходов), приобретение сельскохозяйственной техники и оборудования (30%), устройство водозаборных скважин и обеспечение электрической энергией животноводческих помещений (50%)⁸.

Как уже подчеркивалось, поддержка некоммерческих объединений из федерального бюджета не оказывается, хотя в соответствии со ст. 26 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: «Федеральные органы государственной власти вправе осуществлять поддержку садоводства и огородничества за счет средств федерального бюджета»⁹.

⁶ В Татарстане на поддержку малых форм хозяйствования и граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, в 2022 году направлено 2,8 млрд рублей // Правительство Республики Татарстан. URL: <https://prav.tatarstan.ru/index.htm/news/2164360.htm?ysclid=ljgpt7qk49572551950> (дата обращения: 28.06.2023).

⁷ В 2021 году в личных подсобных хозяйствах Ставрополья заложат 20 га суперинтенсивных садов // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/regions/v-2021-godu-v-lichnykh-podsobnykh-khozyaystvakh-stavropolya-zalozhat-20-ga-superintensivnykh-sadov/> (дата обращения: 28.06.2023).

⁸ Порядок расходования местными бюджетами субвенций по поддержке малых форм хозяйствования посредством предоставления субсидий на развитие личных подсобных хозяйств // Аграрный центр Томской области. URL: http://agroconsul.tomsk.ru/pomozh_stp/lpx/podderzhka-malykh-form-khozyaystvo2019/?ysclid=ljgpzpw4ju555305815 (дата обращения: 03.07.2023).

⁹ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221173/?ysclid=ljju820c4l918207148 (дата обращения: 01.07.2023).

Вместе с тем в целом ряде регионов России накоплен солидный опыт поддержки некоммерческих товариществ. В рамках Государственной программы «Социальная поддержка граждан в Санкт-Петербурге» осуществляется подпрограмма «Развитие садоводческих и дачных некоммерческих объединений жителей Санкт-Петербурга», бюджет которой составил в 2022 г. 448 млн руб. (в 2021 г. – 451 млн руб.). Цель программы – развитие инженерной и социальной инфраструктуры территорий объединений¹⁰.

В Красноярском крае за счет краевого бюджета предоставляются субсидии бюджетам муниципальных образований края (до 3,5 млн руб.) для обеспечения подключения садоводческих огороднических некоммерческих товариществ к источникам электроснабжения, водоснабжения; гранты некоммерческим товариществам: до 200 тыс. руб. – для ремонта дорог, объектов водоснабжения, электросетевого хозяйства, проведения противопожарных мероприятий и до 3 млн руб. – на реализацию программ развития инфраструктуры товариществ; а также гранты ассоциациям (союзам) садоводов и огородников (до 5 млн руб.) на ведение и развитие на территории Красноярского края садоводства и огородничества¹¹.

В Ивановской области тариф на электроэнергию для садовых некоммерческих хозяйств рассчитывается с учетом понижающего коэффициента 0,7, за счет гранта на сумму 2 млн руб. открыта общественная приемная для садоводов, обучается актив садовых товариществ¹².

Гранты на развитие инфраструктуры некоммерческих объединений предоставляются властями Республики Татарстан (за 2016–2022 гг. на сумму 4 млрд руб.)¹³, Иркутской области (ежегодно около 15 млн руб.)¹⁴, Республики Башкортостан (250 млн в 2023 г.)¹⁵ и других регионов.

* * *

Проведенный анализ свидетельствует, что хозяйства населения продолжают играть заметную роль в многоукладной аграрной экономике несмотря на то, что их удельный вес в производстве продукции снижа-

¹⁰ Вместо моря в деревню. Как власти Петербурга помогают дачникам // Аргументы и факты. URL: https://spb.aif.ru/dacha/vmesto_morya_v_derevnyu_kak_vlasti_peterburga_pomogayut_dachnikam (дата обращения: 01.07.2023).

¹¹ Садоводство // Официальный интернет-портал Министерство сельского хозяйства и торговли Красноярского края. URL: <https://www.krasagro.ru/pages/Gardening/> (дата обращения: 01.07.2023).

¹² Новые меры поддержки садоводческих хозяйств // Приволжская Новь. URL: <https://privolzhskaya-nov.ru/news/novye-meryi-podderzhki-sadovodcheskix-hozyajstv.html> (дата обращения: 03.07.2023).

¹³ «По примеру Питера»: в Татарстане предложили создать Управление по работе с садоводами // Татар-информ. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/po-primeru-pitera-v-tatarstane-predlozili-sozdat-upravlenie-po-rabote-s-sadovodami-5897301> (дата обращения: 03.07.2023).

¹⁴ Правительство Иркутской области: меры поддержки в виде субсидий для СНТ сохраняются // АНО «Байкальский центр информационного развития». URL: <https://xn--90aoyw.xn--plai/news/pravitelstvo-irkutskoj-oblasti-meryi-podderzhki-v-/?ysclid=ljkvkl4ed4465350123> (дата обращения: 03.07.2023).

¹⁵ В 2023 году на поддержку садоводов Башкортостана направят 250 млн рублей // Глава Республики Башкортостан. URL: https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/162137.html (дата обращения: 03.07.2023).

ется. В сельской местности сформировалась группа рыночно ориентированных личных подсобных хозяйств (около 970 тыс. ед. по данным Сельскохозяйственной микропереписи 2021 г.), владельцы которых при благоприятных предпосылках могут стать фермерами.

Вместе с тем спектр государственной поддержки хозяйств населения весьма узок. Из федерального бюджета поддерживаются только личные подсобные хозяйства, зарегистрированные в качестве самозанятых (плательщиков налога на профессиональный доход); некоммерческие (садоводческие, огороднические) объединения граждан могут рассчитывать лишь на субсидии из региональных источников. Слабое внимание уделяется развитию инфраструктуры сбыта продукции семейных хозяйств.

В целях стимулирования производства в семейном секторе государству целесообразно предоставлять субсидии всем владельцам личных подсобных хозяйств, а не только самозанятым, а также софинансировать из федерального бюджета региональные программы развития некоммерческих товариществ.

Основным источником поддержки некоммерческих объединений должны быть бюджеты крупных городов, жители которых составляют большинство членов садоводческих и огороднических товариществ. О возможности такой поддержки свидетельствует опыт Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и других городов. Основную часть ассигнований целесообразно направлять на развитие социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры территорий некоммерческих объединений, а также соседних сельских территорий.

Важным направлением государственной поддержки хозяйств населения является содействие сбыту их продукции посредством развития сельскохозяйственных перерабатывающих и сбытовых кооперативов, организаций потребительской кооперации Центросоюза России, розничных рынков и ярмарок, взаимодействия с торговыми сетями и др. При этом хозяйствам населения целесообразно предоставлять гранты для компенсации части издержек по сертификации, маркировке, предпродажной подготовке и рекламе продукции, транспортных расходов и т.п.

Назрела необходимость определить в федеральном законодательстве статус семейного крестьянского (фермерского) хозяйства как хозяйства, основанного на труде членов семьи (с привлечением наемного труда только на сезонные работы) и разработать для таких хозяйств специальную государственную программу поддержки.

Список литературы

1. Основные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 года. Статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2022. 420 с.
2. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: В 8 т. Т. 2: Число объектов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года.

Трудовые ресурсы и их характеристика / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. 383 с.

3. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: В 8 т. Т. 3: Земельные ресурсы и их использование / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. 307 с.

4. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: В 9 т., Т. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: кн. 1.: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. 430 с.

5. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: В 8 т. Т. 1 кн. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. 458 с.

6. Сельское хозяйство в России. 2021: статистический сборник / Росстат. М., 2021. 100 с.

References

1. Osnovnye itogi sel'skokhoziaistvennoi mikroperepisi 2021 goda. Statisticheskii sbornik [Main Results of the 2021 Agricultural Micro-Census. Statistical Collection], Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. Moscow, IITs «Statistika Rossii», 2022, 420 p. (In Russ.).

2. Itogi Vserossiiskoi sel'skokhoziaistvennoi perepisi 2016 goda: V 8 t. T. 2: Chislo ob"ektov Vserossiiskoi sel'skokhoziaistvennoi perepisi 2016 goda. Trudovye resursy i ikh kharakteristika [Results of the 2016 All-Russian Agricultural Census: in 8 Vol. Vol. 2: The Number of Objects in the 2016 All-Russian Agricultural Census. Labor Resources and Their Characteristics], Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. Moscow, IITs «Statistika Rossii», 2018, 383 p. (In Russ.).

3. Itogi Vserossiiskoi sel'skokhoziaistvennoi perepisi 2016 goda: V 8 t. T. 3: Zemel'nye resursy i ikh ispol'zovanie [Results of the All-Russian Agricultural Census of 2016: in 8 Vol. Vol. 3: Land Resources and Their Use], Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. Moscow, IITs «Statistika Rossii», 2018, 307 p. (In Russ.).

4. Itogi Vserossiiskoi sel'skokhoziaistvennoi perepisi 2006 goda: V 9 t., T. 1: Osnovnye itogi Vserossiiskoi sel'skokhoziaistvennoi perepisi 2006 goda: kn. 1.: Osnovnye itogi Vserossiiskoi sel'skokhoziaistvennoi perepisi 2006 goda po Rossiiskoi Federatsii [Results of the All-Russian Agricultural Census of 2006: in 9 Vol., Vol. 1: Main Results of the All-Russian Agricultural Census of 2006: Book. 1.: Main Results of the 2006 All-Russian Agricultural Census for the Russian Federation], Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. Moscow, IITs «Statistika Rossii», 2008, 430 p. (In Russ.).

5. Itogi Vserossiiskoi sel'skokhoziaistvennoi perepisi 2016 goda: V 8 t. T. 1 kn. 1: Osnovnye itogi Vserossiiskoi sel'skokhoziaistvennoi perepisi 2016 goda po Rossiiskoi Federatsii [Results of the All-Russian Agricultural Census of 2016: in 8 Vol. Vol. 1 Book. 1: Main Results of the 2016 All-Russian Agricultural Census for the Russian Federation], Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. Moscow, IITs «Statistika Rossii», 2018, 458 p. (In Russ.).

6. Sel'skoe khoziaistvo v Rossii, 2021, statisticheskij sbornik [Agriculture in Russia, Statistical Collection], Rosstat. Moscow, 2021, 100 p. (In Russ.).

HOUSEHOLDS OF THE POPULATION IN THE STRUCTURE OF THE AGRARIAN ECONOMY AND THE IMPROVEMENT OF THEIR STATE SUPPORT

Economic growth in agriculture in the last 20 years has been accompanied by a decrease in the share of households in the gross production of basic products. However, these farms are still important for the food self-sufficiency of Russian families and the preservation of rural areas in a habitable state. Based on the data of current statistics and agricultural censuses of 2016 and 2021, the article analyzes the role of households in the production of the main types of crop and livestock products both in the country as a whole and in the context of the subjects of the Russian Federation. It is concluded that despite the general decline in the potential of households of the population, in a number of regions it is these farms that determine the trend of agricultural development. Special attention is paid to the assessment of state support for personal subsidiary farms and non-profit (horticultural, horticultural) associations of citizens, the main directions of its improvement are proposed. In particular, it is pointed out the need to stimulate the transition of high-commodity households to farms.

Keywords: households, non-profit associations of citizens, agricultural production, main types of crop production, main types of livestock products, marketing and marketability of agricultural products, state support of households, agrarian policy, subjects of the Russian Federation, All-Russian agricultural census.

JEL: Q12, Q13, Q14, Q18

Дата поступления – 07.07.2023 г.

ПЕТРИКОВ Александр Васильевич

академик РАН, доктор экономических наук, профессор, руководитель;
«Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова» – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
аграрной экономики и социального развития сельских территорий –
Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сель-
ского хозяйства» / Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1, г. Москва,
107078.

e-mail: av_petrikov@mail.ru

PETRIKOV Alexander V.

Academician RAS, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head;
All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics. A. A. Nikonov –
branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution “Federal Scientific
Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural
Territories – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics” /
Bolshoy Kharitonevsky Lane, 21, Building 1, Moscow, 107078.

e-mail: av_petrikov@mail.ru

Для цитирования:

Петриков А.В. Хозяйства населения в структуре аграрной экономики
и совершенствование их государственной поддержки // Федерализм.
2023. Т. 28. № 3 (111). С. 49–71. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-3-49-71>

С.Г. ВАЖЕНИН, И.С. ВАЖЕНИНА

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕС-ДЕМОГРАФИИ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Демография предприятий (или бизнес-демография) — достаточно новое научное направление и для зарубежной, и особенно для российской экономической науки. Цель исследования состоит в оценке демографических бизнес-тенденций по федеральным округам Российской Федерации в 2017–2022 гг. в условиях экономических санкций, пандемии COVID-19, СВО. Выявлены основные тенденции входа и выхода предприятий с рынка, выполнены расчеты коэффициентов их «рождаемости» и коэффициентов официальной ликвидации в среднем за шестилетний период по всем федеральным округам Российской Федерации. Авторы доказывают, что демография предприятий становится одним из важнейших маркеров развития стран и регионов. В результате исследования сделан вывод: региональные особенности входа и выхода предприятий с рынка сохраняются и во многом предопределены сложившимся экономическим потенциалом и структурой экономики отдельных субъектов Российской Федерации. Приведенные информационные и аналитические материалы полезны при разработке мер по повышению результативности принимаемых управленческих решений в целях повышения мобильности экономики страны и отдельных регионов с учетом их территориальной индивидуальности. Учет выделенных особенностей трансформации бизнес-демографии предприятий на территории страны будет актуален при разработке стратегий социально-экономического развития регионов в условиях преодоления санкционных последствий.

Ключевые слова: демография организаций, бизнес-демография, вход и выход предприятий с рынка, оборачиваемость предприятий, предпринимательская активность, регион, федеральный округ.

JEL: R11, R12, R58

Турбулентность экономики, пандемия, масштабное санкционное давление оказали серьезное влияние на общую социально-экономическую ситуацию в России, в субъектах Российской Федерации, а также в федеральных округах (ФО) [1–5]. При этом одна из значимых особенностей функционирования региональных экономик — трансформация количественно и качественно меняющейся бизнес-демографии пред-

приятий¹. В мировой экономике, в т.ч. и в российской, нарастает уход с рынка предприятий-долгожителей [6–9]².

В настоящей статье исследуются такие проблемы бизнес-демографии предприятий, как особенности входа и выхода предприятий с рынка, динамика показателей оборачиваемости предприятий, основные тенденции предпринимательской активности предприятий по федеральным округам России³.

Вход и выход предприятий с рынка

С 2017 г. по всей территории России отмечается *интенсивное снижение количества действующих предприятий*. Количество предприятий всех видов экономической деятельности на 1 января 2023 г. составило 3 285,1 тыс. – 68,9% от числа предприятий на 1 января 2017 г. По федеральным округам данный показатель был следующим: Центральный ФО – 64,6%, Северо-Западный ФО – 64,9%, Южный ФО – 74,9%, Северо-Кавказский ФО – 76,4%, Приволжский ФО – 72,6%, Уральский ФО – 70,5%, Сибирский ФО – 67,5, Дальневосточный ФО – 90,6%.

Территориальное распределение компаний с 2017 по 2022 г. *практически не изменилось*. Отметим лишь незначительный рост удельного веса предприятий Южного, Приволжского и Северо-Кавказского федеральных округов. Лидирующие позиции на 1 января 2023 г. сохраняют предприятия Центрального (34,4%) и Приволжского (17,7%) федеральных округов, а наименьшие значения доли на российском рынке у компаний Дальневосточного (5,4%) и Северо-Кавказского (3,1%) федеральных округов.

За 2017–2022 гг. количество вновь зарегистрированных («родившихся») организаций превысило 1,8 млн ед. Из общего количества вышедших на рынок новых компаний *наибольшая доля* пришлась на Центральный (около 43%), Приволжский (около 17%) и Северо-Западный (около 13%)

¹ Бизнес-демография (или демография организаций) – направление, связанное с изучением жизненных циклов эволюции коммерческих предприятий, таких как «рождаемость», «смертность» и выживаемость.

² Так, по расчетам Г.В. Широковой [10] в России в 2006 г. средний возраст компаний составлял 19,2 года, через 10 лет в 2016 г. – только 7,8 года. Г. Хамел и К. Прахалад выделяют две группы причин, вследствие которых крупные компании терпят крах: неспособность компаний избавиться («оторваться») от прошлого, самоуспокоенность; неспособность «придумать» будущее и болезненная реакция на нововведения [11, с. 105].

³ В соответствии с Официальной статистической методологией формирования показателей бизнес-демографии (в части юридических лиц), утвержденной Приказом Росстата от 29 августа 2014 г. № 541, нами рассчитаны: коэффициент рождаемости (отношение количества зарегистрированных организаций за отчетный период к среднему количеству организаций, учтенных в Статрегистре за отчетный период, рассчитанное на 1 000 организаций); коэффициент официальной ликвидации (отношение количества официально ликвидированных организаций за отчетный период к среднему количеству организаций, учтенных в Статрегистре за отчетный период, рассчитанное на 1 000 организаций). Проанализирован такой официальный показатель, как общая оборачиваемость организаций, т.е. вход и выход организаций с рынка в сумме в процентах к общему числу организаций.

федеральные округа. Необходимо отметить, что во всех федеральных округах ежегодно с 2017 по 2020 г. снижалось количество вновь зарегистрированных организаций. Причем оно продолжилось и в 2021–2022 гг. в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Количество вновь зарегистрированных организаций на 1 000 организаций, учтенных в Статистическом регистре Росстата, ед.

Федеральные округа	2017	2018	2019	2020	2021	2022	В среднем 2017–2022
Российская Федерация	91,2	78,8	76,4	64,0	71,7	83,6	77,6
Центральный ФО	108,4	91,4	89,9	72,7	92,1	119,5	95,7
Северо-Западный ФО	95,3	88,4	77,1	61,5	74,7	68,1	77,5
Южный ФО	75,3	64,7	63,3	55,5	60,3	59,5	63,1
Северо-Кавказский ФО	71,8	62,2	63,0	59,3	64,3	68,7	64,9
Приволжский ФО	84,5	79,5	80,7	70,2	67,2	67,9	75,0
Уральский ФО	77,8	61,9	64,4	56,7	62,5	70,0	65,5
Сибирский ФО	89,3	77,1	75,2	62,3	62,8	58,2	70,8
Дальневосточный ФО	72,5	67,3	68,8	64,4	63,4	60,1	66,1

Источник: расчеты авторов по [12].

Всего за анализируемый шестилетний период в Российской Федерации количество официально ликвидированных организаций составило 3,2 млн ед., что превысило количество вновь зарегистрированных в 1,75 раза. Среди федеральных округов наиболее высокие значения этого соотношения в Северо-Западном и Уральском, в которых превышение было в 1,9 раза, а наименьшее – в 1,6 раза – в Дальневосточном федеральном округе. Отметим также и то, что с 2020 г. во всех федеральных округах наблюдается устойчивая тенденция снижения количества «умерших» организаций⁴. Что касается территориальной структуры ликвидированных предприятий по федеральным округам, заметим, что она повторяет аналогичный показатель вновь пришедших на рынок предприятий.

Одной из *знаковых особенностей демографии организаций* в 2017–2022 гг. является то, что если в первые три года анализируемого периода

⁴ Согласно Официальной статистической методологии, «умершим» (ушедшим с рынка) считается предприятие, официально ликвидированное в отчетном году (за исключением ликвидации в результате слияния, разделения, присоединения к существующему предприятию или реструктуризации группы предприятий), а также предприятие, не являющееся экономически активным в течение последних двух лет при условии его активности в более ранний период [13].

коэффициент официальной ликвидации рос во всех федеральных округах, то в следующие три года (пандемия *COVID-19*, ужесточение санкций, СВО) наблюдалась обратная тенденция (см. табл. 2). Территориальная дифференциация коэффициента оставалась достаточно заметной, однако необходимо отметить, что за 2022 г. различия коэффициента ликвидации организаций по федеральным округам сократились.

Т а б л и ц а 2

**Количество официально ликвидированных организаций
на 1 000 организаций, учтенных в Статрегистре Росстата, ед.**

Федеральные округа	2017	2018	2019	2020	2021	2022	В среднем 2017-2022
Российская Федерация ФО	153,2	154,8	172,0	150,6	123,6	97,6	142,0
Центральный ФО	128,5	205,4	206,7	183,8	152,1	112,6	164,8
Северо-Западный ФО	135,0	162,2	175,7	178,6	126,	101,3	146,5
Южный ФО	101,8	95,2	154,8	120,8	95,7	91,1	109,9
Северо-Кавказский ФО	116,4	114,6	91,4	106,5	104,3	87,6	103,5
Приволжский ФО	153,8	111,9	149,8	126,1	113,7	102,8	126,4
Уральский ФО	167,0	132,2	153,9	119,2	97,6	73,1	123,8
Сибирский ФО	139,4	123,9	153,6	127,6	102,6	76,3	120,6
Дальневосточный ФО	126,0	114,7	131,7	109,6	105,1	71,6	109,8

Источник: расчеты авторов по [14].

Сравнивая коэффициенты «рождаемости» и официальной ликвидации организаций (см. табл. 1, 2), необходимо отметить, что коэффициент ликвидации стабильно, ежегодно и во всех федеральных округах (за исключением Центрального ФО за 2022 г.) опережает коэффициент «рождаемости» организаций. Но при этом выделим две особенности: во-первых, разница значений коэффициентов сокращается; во-вторых, региональные различия соотношений коэффициентов по федеральным округам, хотя и не значительные, но сохраняются.

Так, в среднем за 2017–2022 гг. ликвидация организаций превысила «рождаемость», что нашло отражение в разнице соответствующих коэффициентов: в Северо-Западном и Уральском федеральных округах коэффициент ликвидации превысил коэффициент «рождаемости» в 1,9 раза, Южном ФО – в 1,74, Центральном ФО – в 1,72, Сибирском ФО – в 1,7 раза, Приволжском ФО – в 1,68, Дальневосточном ФО – в 1,66, Северо-Кавказском ФО – в 1,59 раза.

Оборачиваемость предприятий в экономическом пространстве России

Важной составляющей исследования трансформации бизнес-демографии предприятий в экономическом пространстве является оценка их *общей оборачиваемости*, которая определяется как вход и выход предприятий с рынка в сумме в процентах к общему числу организаций.

Уход с рынка одних компаний и приход на их место новых происходит одновременно с повышением инновационной активности последних, стимулирует их осваивать новые технологии, новые методы и формы экономической деятельности, а в конечном итоге ведет к росту общей производительности труда [15–19]. Обратим внимание на результаты исследования, проведенного в Великобритании, Германии, Дании, Италии, Канады, Нидерландах, Португалии, США, Финляндии и Франции, которое показало, что в период с 1987 по 1997 г. фактор входа и выхода фирм с рынка обеспечил в среднем около 25% общего прироста производительности труда [20].

Среди российских особенностей демографических бизнес-тенденций (см. табл. 3) отметим, что общая оборачиваемость организаций как по России в целом, так и по федеральным округам, в частности, в начале исследуемого периода росла, а в 2020 г. и особенно в 2021–2022 гг. стала заметно снижаться.

Т а б л и ц а 3

**Общая оборачиваемость организаций (суммарный вход и выход с рынка),
% к общему числу организаций**

Федеральные округа	2017	2018	2019	2020	2021	2022	В среднем 2017–2022
Российская Федерация	24,4	23,4	24,8	21,5	19,5	18,1	22,0
Центральный ФО	23,7	29,7	19,7	25,7	22,4	23,2	26,0
Северо-Западный ФО	23,1	25,1	25,3	24,0	20,1	16,9	22,4
Южный ФО	17,7	16,0	21,8	17,6	15,6	15,1	17,3
Северо-Кавказский ФО	18,8	17,7	15,4	16,5	16,9	15,6	16,8
Приволжский ФО	23,8	19,1	23,0	19,6	18,1	17,1	20,1
Уральский ФО	24,5	19,4	21,8	17,6	16,0	14,3	18,9
Сибирский ФО	22,9	20,1	22,9	19,0	16,5	13,4	19,1
Дальневосточный ФО	19,8	18,2	20,0	17,4	16,9	13,2	17,6

Источник: расчеты авторов по [12; 14].

Региональные различия показателя оборачиваемости организаций по федеральным округам Российской Федерации весь период с 2017 по 2022 г. сохранялись на достаточно высоком уровне. Причем оборо-

чиваемость организаций выше, как правило, в более экономически развитых регионах России. Необходимо также отметить и то, что в рассматриваемый период по сравнению с предыдущими годами XXI в. вход на рынок новых организаций в процентах к общему числу организаций в 1,7–2,0 раза уступал выходу с рынка старых организаций (за исключением 2022 г.).

Основные тенденции предпринимательской активности предприятий по федеральным округам Российской Федерации

Особым аспектом исследования бизнес-демографии в целом по стране, в т.ч. по федеральным округам, является предпринимательская активность [21–22]. Анализ предпринимательской активности предприятий с 2017 по 2022 г. включительно показал *устойчивую тенденцию снижения количества активных предприятий*⁵ во всех федеральных округах. При этом, если в Центральном и Северо-Западном федеральных округах количество активных предприятий в 2022 г. по сравнению с 2017 г. составило 63%, то в Приволжском и Северо-Кавказском федеральных округах – 75%, а в Дальневосточном ФО – 90%. Среди причин, объясняющих эти различия, выделим исторически сложившуюся в Российской Федерации дифференциацию в региональном развитии, включая разнообразие структуры видов экономической деятельности как по субъектам Федерации, так и федеральным округам [23].

Так, за 2017–2022 гг. общая оборачиваемость организаций в среднем по России составила 21,7%. А, например, по таким видам экономической деятельности, как строительство – 29,5%, торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов – 28,3%, обрабатывающие производства – 19,1%, обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха – 14,4%, сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство – 13,5%.

Одним из важных демографических процессов в хозяйствующих субъектах выступает «угасание» предприятий⁶.

В России в среднем за 2017–2022 гг. ежегодное количество «угасающих» предприятий составило 133,7 тыс., или 4,4% в среднегодовом количестве активных предприятий. Заметим, что во всех федеральных округах в 2019 г. произошло значительное снижение количества «угасающих» предприятий, а в 2022 г. резкий рост числа этих предприятий по сравнению с 2021 г. В среднем по России наблюдался рост в 2,7 раза (с 78,6 тыс. до 210,7 тыс.), а в Северо-Кавказском федеральном округе, например, в 4 раза (с 3,1 тыс. до 12,2 тыс.). В среднем за шестилет-

⁵ В соответствии с Официальной статистической методологией формирования показателей бизнес-демографии, утвержденной Приказом Росстата от 29 августа 2014 г. № 541, предприятие считается активным, если средняя численность его работников и оборот превышают нулевые значения.

⁶ «Угасающее» предприятие – предприятие, сокращавшее число наемных работников в среднем более чем на 15% в год в течение двух последних лет.

ний период доля «угасающих» предприятий в общем числе активных предприятий различалась по федеральным округам: от 7,9% в Северо-Кавказском до 3,5% в Уральском федеральном округе.

Заметные изменения происходят в комплексе предприятий с позиции оценки их предпринимательской активности. Как в России в целом, так и в большинстве федеральных округов, в 2018–2020 гг. количество быстрорастущих предприятий, предприятий с высоким потенциалом роста и предприятий «газелей»⁷ снижалось по сравнению с 2017 г., а в 2021 г. и особенно в 2022 г. заметно выросло (при учете по показателю роста численности персонала). Соответственно выросла и доля этих предприятий в общем количестве активных предприятий. При этом региональные особенности в структуре предпринимательской активности сохраняются (см. табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Показатели предпринимательской активности предприятий по оценке роста численности персонала по федеральным округам Российской Федерации

Федеральные округа	Количество предприятий с высоким потенциалом роста, быстрорастущих и «газелей», ед.			Доля предприятий с высоким потенциалом роста, быстрорастущих и «газелей» в общем количестве активных предприятий, %		
	2017	2022	в среднем 2017–2022	2017	2022	в среднем 2017–2022
Российская Федерация	78 000	85 247	62 388	2,05	3,29	2,03
Центральный ФО	32 575	33 436	22 629	2,19	3,57	1,99
Северо-Западный ФО	10 327	9 902	8 523	1,98	3,00	2,09
Южный ФО	5 372	6 782	4 930	1,97	3,41	2,14
Северо-Кавказский ФО	1 582	2 851	1 332	1,81	4,33	1,79
Приволжский ФО	11 974	14 658	10 386	2,02	3,31	2,03
Уральский ФО	5 048	6 486	4 304	1,67	2,94	1,72
Сибирский ФО	8 177	7 790	5 926	2,07	2,89	1,85
Дальневосточный ФО	2 945	3 322	2 482	2,07	2,61	1,83

Источник: расчеты авторов по [24].

⁷ В соответствии с Официальной статистической методологией формирования показателей бизнес-демографии, утвержденной Приказом Росстата от 29 августа 2014 г. № 541, предприятия с высоким потенциалом роста — это предприятия, на которых прирост численности наемных работников или оборота в течение трех лет сохраняется не ниже 10% в год; быстрорастущие предприятия — предприятия со средним годовым приростом, превышающим 20% в год за трехлетний период; «газели» — быстрорастущие предприятия, возраст которых не превышает пяти лет, и со среднегодовым приростом, превышающим 20% в год за трехлетний период.

Приведенные в *таблице 4* показатели свидетельствуют о позитивной тенденции демографии предприятий за рассматриваемый период. Оценка быстрорастущих предприятий, предприятий с высоким потенциалом роста и предприятий «газели» в совокупности показывает рост как количества занятых на них работников, так и доли этих компаний в структуре активных предприятий. Однако региональные различия по доле рассматриваемых предприятий в структуре активных предприятий стали более заметными.

Важным аспектом исследования предпринимательской активности является также анализ тенденций изменений количества растущих предприятий трех рассматриваемых категорий по оценке роста по обороту⁸. Как при оценке роста по численности персонала, так и при оценке роста по обороту наблюдаются противоречивые процессы и региональные различия в соответствующих показателях бизнес-демографии (см. *табл. 5*).

Т а б л и ц а 5

**Показатели предпринимательской активности предприятий
по оценке роста по обороту по федеральным округам Российской Федерации**

Федеральные округа	Количество предприятий с высоким потенциалом роста, быстрорастущих и «газелей», ед.			Доля предприятий с высоким потенциалом роста, быстрорастущих и «газелей» в общем количестве активных предприятий, %		
	2017	2022	в среднем 2017–2022	2017	2022	в среднем 2017–2022
Российская Федерация	205 523	197 041	220 591	5,41	7,60	7,19
Центральный ФО	68 230	74 947	76 502	4,58	8,00	6,73
Северо-Западный ФО	29 951	27 942	30 906	5,75	8,47	7,57
Южный ФО	14 769	14 531	17 806	5,42	7,31	7,71
Северо-Кавказский ФО	6 087	5 375	6 302	6,96	8,17	8,46
Приволжский ФО	37 257	31 611	39 787	6,28	7,14	7,76
Уральский ФО	13 842	16 993	16 303	4,58	7,71	6,53
Сибирский ФО	25 993	16 916	22 903	6,59	6,27	7,15
Дальневосточный ФО	9 394	8 716	9 862	6,62	6,85	7,29

Источник: расчеты авторов по [24].

⁸ Оборот предприятий включает стоимость отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, а также выручку от продажи приобретенных на стороне товаров (без налога на добавленную стоимость, акцизов и аналогичных обязательных платежей).

По всем трем группам растущих предприятий (с высоким потенциалом роста, быстрорастущих, «газелей») по оценке роста по обороту с 2017 по 2019 г. отмечено увеличение их количества, затем в 2020 и 2021 гг. – резкое сокращение числа, а в 2022 г. – существенный рост анализируемых предприятий по росту оборота. Заметим, что аналогичные противоречивые процессы наблюдались в большинстве федеральных округов, хотя и с разной интенсивностью.

Анализ показателей, приведенных в *таблицах 4 и 5*, обнаруживает следующие *региональные особенности* предпринимательской активности растущих предприятий за шестилетний период.

В среднем за 2017–2022 гг. наименьшая доля предприятий рассматриваемых трех групп в общем количестве активных предприятий наблюдалась в Уральском и Центральном федеральных округах, а максимальная доля – в Приволжском и Южном федеральных округах (и при оценке роста по численности персонала, и при оценке роста по обороту). Среди причин сложившейся ситуации выделим сформировавшиеся по федеральным округам различия в структурах предприятий по видам экономической деятельности. Также важную роль играют особенности демографических процессов в хозяйствующих субъектах по федеральным округам («рождаемость» и «смертность» предприятий, возрастная структура предприятий).

Показатели предпринимательской активности предприятий по федеральным округам также фиксируют и то, что удельный вес анализируемых трех групп растущих предприятий при оценке роста по обороту *имеет более устойчивую тенденцию роста и при этом более заметную дифференциацию*.

Важным для исследователей показателем бизнес-демографии является доля активных предприятий и «умерших» предприятий⁹ в возрасте до 5 лет включительно (см. *табл. 6*).

Выделим наиболее значимые выводы, к которым мы пришли при исследовании данного аспекта бизнес-демографии.

Первый. В среднем за шестилетний анализируемый период во всех федеральных округах доля активных предприятий в возрасте до пяти лет включительно выше доли «умерших» предприятий в возрасте до пяти лет включительно среди всех предприятий.

Второй. Региональные различия более заметны при определении доли «умерших» предприятий в возрасте до пяти лет включительно среди всех предприятий. При этом по доле активных предприятий в возрасте до пяти лет включительно в среднем за шестилетний период лидирует Центральный федеральный округ, который также впереди и по доле «умерших» предприятий. Аутсайдером же по обоим показателям является Северо-Кавказский федеральный округ.

⁹ В соответствии с Официальной статистической методологией формирования показателей бизнес-демографии, утвержденной Приказом Росстата от 29 августа 2014 г. № 541 «умершим» считается предприятие, официально ликвидированное в отчетном году (за исключением ликвидации в результате слияния, разделения, присоединения к существующему предприятию или реструктуризации группы предприятий), а также предприятие, не являвшееся экономически активным в течение последних двух лет при условии его активности в более ранний период.

Т а б л и ц а 6

**Доля активных и «умерших» предприятий в возрасте до 5 лет включительно
в общем количестве предприятий, %**

Федеральные округа	Активные предприятия				«Умершие» предприятия			
	2017	2019	2022	в среднем 2017–2022	2017	2019	2022	в среднем 2017–2022
Российская Федерация	53,2	50,4	41,4	48,1	36,3	51,2	46,1	44,5
Центральный ФО	53,4	53,5	45,7	50,9	36,1	53,3	52,1	47,0
Северо-Западный ФО	53,2	50,1	39,1	47,4	39,4	54,2	45,1	45,8
Южный ФО	51,2	48,7	36,4	44,8	36,3	41,8	32,9	36,8
Северо-Кавказский ФО	39,0	39,8	39,2	39,4	24,8	25,5	31,3	27,8
Приволжский ФО	55,5	50,6	40,6	48,7	37,2	51,4	49,9	47,0
Уральский ФО	53,5	45,5	36,5	44,3	32,5	49,8	35,2	39,5
Сибирский ФО	54,6	48,0	38,9	46,9	37,5	54,0	38,9	44,1
Дальневосточный ФО	50,0	45,5	39,8	44,8	36,8	41,6	35,7	37,7

Источник: расчеты авторов по [24].

Третий. Доля активных предприятий в возрасте до пяти лет включительно ежегодно с 2017 по 2022 г. снижается во всех федеральных округах, за исключением Северо-Кавказского федерального округа. Наибольшее снижение доли (на 17 п.п.) произошло в старопромышленном Уральском федеральном округе, а внутри него – в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. Данная ситуация связана с тем, что в анализируемый период отмечено снижение прихода на рынок новых предприятий.

Четвертый. Доля умерших предприятий в возрасте до пяти лет включительно за рассматриваемый период во всех федеральных округах показала в целом тенденцию роста, однако преимущественно рост отмечен в 2017–2019 гг., а с 2020 г. наметилась некоторая тенденция снижения доли «умерших» предприятий среди всех предприятий. Отмеченная тенденция с 2020 г., по нашему мнению, обусловлена, с одной стороны, большей продуманностью и подготовленностью процесса организации новых предприятий. Однако, с другой стороны, произошло ухудшение предпринимательского климата в связи с пандемией *COVID-19*, ужесточением санкций, СВО. В этих условиях наиболее заметный рост доли «умерших» среди предприятий в возрасте до пяти лет в 2022 г. по сравнению с 2017 г. отмечен в Центральном (на 16 п.п.) и Приволжском (на 12,7 п.п.) федеральных округах.

Заключение

Проведенное исследование особенностей трансформации бизнес-демографии предприятий позволяет говорить, что, во-первых, несовершенство и нестабильность институциональной среды, бизнес-климата в 2020–2021 гг. и особенно в 2022 г. оказали значительное воздействие на состояние и тенденции демографических изменений предприятий по федеральным округам.

Во-вторых, региональные особенности бизнес-демографии по федеральным округам в значительной степени определяются тем, что организации отдельных видов экономической деятельности по-разному ведут себя на рынке¹⁰.

В-третьих, значимой особенностью трансформации комплекса компаний в экономике во всех федеральных округах выступает существенное сокращение присутствия на рынке традиционных предприятий реального сектора экономики при активном появлении на рынке организаций инфраструктурных видов экономической деятельности (деятельность в области информации и связи, организации транспорта и хранения, деятельность по операциям с недвижимым имуществом и т.д.).

В-четвертых, перспективы исследования бизнес-демографии достаточно широки, включая анализ и оценку взаимовлияния бизнес-среды на вход и выход предприятий с рынка. Видится перспективной и высоко востребованной разработка рекомендаций по регулированию демографических аспектов предпринимательской активности организаций, рекомендаций, адаптированных к изменениям экономической ситуации, и с учетом территориальной индивидуальности субъектов Российской Федерации.

Список литературы

1. Кузнецова О. Уязвимость структуры региональных экономик в кризисных условиях // *Федерализм*. 2020. № 2. С. 20–38.
2. Одинцова А.В. От стратегического планирования к территориальной резилентности // *Федерализм*. 2020. Т. 25. № 4 (100). С. 26–41.
3. Михеева Н.Н. Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // *Проблемы прогнозирования*. 2021. № 1. С. 106–118.
4. Кузнецова О.В. Трансформация пространственной структуры экономики в кризисные и посткризисные периоды // *Регион: экономика и социология*. 2022. № 2 (114). С. 33–57.

¹⁰ Так, более высокая мобильность организаций, занятых строительством, торговлей оптовой и розничной, транспортировкой и хранением, финансовой и страховой деятельностью, предопределила и более высокую общую оборачиваемость организаций в Центральном, Северо-Западном и Приволжском федеральных округах, где эти виды экономической деятельности занимают лидирующие позиции в структуре экономик округов [12; 14].

5. Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Борисова С.В., Кольчугина А.В., Лыкова Л.Н. Тренды развития субъектов Российской Федерации в условиях санкций // *Федерализм*. 2023. Т. 28. № 2 (110). С. 161–196.
6. Мейер К., Дэвис С. Живая организация. Компания как живой организм: грядущая конвергенция информатики, нанотехнологии и бизнеса. М.: Добрая книга, 2007. 368 с.
7. Фостер Р., Каплан С. Созидательное разрушение: Почему компании, «построенные навечно», показывают не лучшие результаты и что надо сделать, чтобы поднять их эффективность. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 378 с.
8. Black A., Wright Ph., Bachman J.E. Search of Shareholder Value. London: Pitman, 1998. 292 p.
9. Lippitt G.L., Schmidt W.A. Crisis in a Drveloping Organization. Yarvard Business Review, 1967. Vol. 45. N 5. P. 13–19.
10. Ивонен Л.А., Широкова Г.В. Стратегическое предпринимательство: сущность и основные направления исследований // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2016. Сер. 8. Менеджмент. № 4. С. 21–53.
11. Хамел Г., Прахалад К. Конкурируя за будущее. Создание рынков завтрашнего дня: пер. с англ. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2002. 288 с.
12. Демография организаций. Коэффициенты рождаемости организаций по видам экономической деятельности и субъектам Российской Федерации (с 2017 г.) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/instituteconomics> (дата обращения: 11.07.2023).
13. Официальная статистическая методология формирования показателей бизнес-демографии (в части юридических лиц). Утверждена приказом Росстата от 29 августа 2014. № 541 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metodika_bizn-dem.pdf (дата обращения: 11.07.2023).
14. Демография организаций. Коэффициенты официальной ликвидации организаций по видам экономической деятельности и субъектам Российской Федерации (с 2017 г.) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/instituteconomics> (дата обращения: 11.07.2023).
15. Вишневская Н. Мобильность рабочих мест и рабочей силы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 10. С. 62–76.
16. Симонова Л.М., Овсянкина М.В. Демография организаций как навигатор принятия управленческих решений // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2016. Т. 2. № 2. С. 209–218.
17. Bartelsman E., Haltiwanger J., Scarpetta S. Measuring and Analyzing Cross-Country Differences in Firm Dynamics. Producer Dynamics / edited by T. Dunne, J. Jensen, M. Roberts. University of Chicago Press for the NBER, Chicago, 2009. P. 15–82.
18. Disney R., Haskel J., Heden Y. Restructuring and Productivity Growth in UK Manufacturing // *Economic Journal*. 2003. Vol. 113. P. 666–694.
19. Griliches Z., Regev H. Firm Productivity in Israeli Industry: 1979-1988 // *Journal of Econometrics*. 1995. Vol. 65. P. 175–203.
20. Braha K. Understanding Economic Growth: Macro-Level, Industry-Level, Firm-Level. Paris: OECD Publishing, 2004. 168 p.
21. Сибирская Е.В., Овешникова Л.В., Махова О.А. Статистический анализ предпринимательской активности // *Вопросы статистики*. 2018. № 10. С. 47–60.
22. Сомов В.Л., Толмачева М.Н. Тенденции развития основных показателей бизнес-демографии // *Вопросы статистики*. 2020. Т. 27. № 5. С. 58–64.

23. Гагарина Г.Ю., Болотов Р.О. Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации, и его декомпозиция с применением индекса Тейла // *Федерализм*. 2021. Т. 26. № 4 (104). С. 20–34.

24. Бизнес-демография. Показатели предпринимательской активности предприятий по видам экономической деятельности и субъектам Российской Федерации (с 2017 г.) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/instituteconomics> (дата обращения: 11.07.2023).

References

1. Kuznetsova O. Uiazvimost' struktury regional'nykh ekonomik v krizisnykh usloviyakh [Vulnerability of the Structure of Regional Economies in Crisis Conditions], *Federalizm* [Federalism], 2020, No. 2, pp. 20–38. (In Russ.).

2. Odintsova A.V. Ot strategicheskogo planirovaniia k territorial'noi rezilientnosti [From Strategic Planning to Territorial Resilience], *Federalizm* [Federalism], 2020, Vol. 25, No. 4 (100), pp. 26–41. (In Russ.).

3. Mikheeva N.N. Ustoichivost' rossiiskikh regionov k ekonomicheskim shokam [Resilience of Russian Regions to Economic Shocks], *Problemy prognozirovaniia* [Problems of Forecasting], 2021, No. 1, pp. 106–118. (In Russ.).

4. Kuznetsova O.V. Transformatsiia prostranstvennoi struktury ekonomiki v krizisnye i postkrizisnye periody [Transformation of the Spatial Structure of the Economy in Crisis and Post-Crisis Periods], *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2022, No. 2 (114), pp. 33–57. (In Russ.).

5. Valentei S.D., Bakhtizin A.R., Borisova S.V., Kol'chugina A.V., Lykova L.N. Trendy razvitiia sub"ektov Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh sanktsii [Trends in the Development of the Constituent Entities of the Russian Federation Under Sanctions], *Federalizm* [Federalism], 2023, Vol. 28, No. 2 (110), pp. 161–196. (In Russ.).

6. Meier K., Devis S. Zhivaia organizatsiia. Kompaniia kak zhivoi organizm: griadushchaia konvergentsiia informatiki, nanotekhnologii i biznesa [Living Organization. The Company as a Living Organism: the Coming Convergence of Informatics, Nanotechnology and Business]. Moscow, Dobraia kniga, 2007, 368 p. (In Russ.).

7. Foster R., Kaplan S. Sozidatel'noe razrushenie: Pochemu kompanii, "postroennnye navechno", pokazyvaiut ne luchshie rezul'taty i chto nado sdelat', chtoby podniat' ikh effektivnost' [Creative Destruction: Why "Built to Last" Companies Don't Perform Better and What Should Be Done to Improve Their Efficiency]. Moscow, Al'pina Biznes Buks, 2005, 378 p. (In Russ.).

8. Black A., Wright Ph., Bachman J. E. Search of Shareholder Value. London, Pitman, 1998, 292 p.

9. Lippitt G.L., Schmidt W.A. Crisis in a Drveloping Organization. Yarvard Business Review, 1967, Vol. 45, No. 5, pp. 13–19.

10. Ivonen L.A., Shirokova G.V. Strategicheskoe predprinimatel'stvo: sushchnost' i osnovnye napravleniia issledovaniia [Strategic Entrepreneurship: Essence and Main Directions of Research], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], 2016, Ser. 8. Menedzhment, No. 4, pp. 21–53. (In Russ.).

11. Khamel G., Prakhlad K. Konkuriuia za budushchee. Sozдание rynkov zavtrashnego dnia [Competing for the Future. Creating the Markets of Tomorrow]. Translated from English, Moscow, ZAO "Olimp-Biznes", 2002, 288 p.

12. Demografiia organizatsii. Koeffitsienty rozhdaemosti organizatsii po vidam ekonomicheskoi deiatel'nosti i sub"ektam Rossiiskoi Federatsii (s 2017 g.) [Demographics

of Organizations. Birth Rates of Organizations by Type of Economic Activity and Constituent Entities of the Russian Federation (Since 2017)], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/instituteconomics> (accessed 11 July 2023).

13. Ofitsial'naia statisticheskaya metodologiya formirovaniia pokazatelei biznes-demografii (v chasti iuridicheskikh lits). Utverzhdena prikazom Rosstat'a ot 29 avgusta 2014. No. 541 [Official Statistical Methodology for the Formation of Indicators of Business Demography (Regarding Legal Entities). Approved by Order of Rosstat Dated August 29, 2014. No. 541], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metodika_bizn-dem.pdf (accessed 11 July 2023).

14. Demografiia organizatsii. Koeffitsienty ofitsial'noi likvidatsii organizatsii po vidam ekonomicheskoi deiatel'nosti i sub'ektam Rossiiskoi Federatsii (s 2017g.) [Demographics of Organizations. Coefficients of Official Liquidation of Organizations by Type of Economic Activity and Subjects of the Russian Federation (Since 2017)], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/instituteconomics> (accessed 11 July 2023).

15. Vishnevskaya N. Mobil'nost' rabochikh mest i rabochei sily [Vishnevskaya N. Mobility of Jobs and Labor Force], *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations], 2015, No. 10, pp. 62–76. (In Russ.).

16. Simonova L.M., Ovsiankina M.V. Demografiia organizatsii kak navigator priniatiia upravlencheskikh reshenii [Demography of Organizations as a Navigator of Managerial Decision-Making], *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniia* [Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and Legal Research], 2016, Vol. 2, No. 2, pp. 209–218. (In Russ.).

17. Bartelsman E., Haltiwanger J., Scarpetta S. Measuring and Analyzing Cross-Country Differences in Firm Dynamics. *Producer Dynamics*, edited by T. Dunne, J. Jensen, M. Roberts. University of Chicago Press for the NBER, Chicago, 2009. pp. 15–82.

18. Disney R., Haskel J., Heden Y. Restructuring and Productivity Growth in UK Manufacturing, *Economic Journal*, 2003, Vol. 113, pp. 666–694.

19. Griliches Z., Regev H. Firm Productivity in Israeli Industry: 1979–1988, *Journal of Econometrics*, 1995, Vol. 65, pp. 175–203.

20. Braha K. Understanding Economic Growth: Macro-Level, Industry-Level, Firm-Level. Paris, OECD Publishing, 2004, 168 p.

21. Sibirskaia E.V., Oveshnikova L.V., Makhova O.A. Statisticheskii analiz predprinimatel'skoi aktivnosti [Statistical Analysis of Entrepreneurial Activity], *Voprosy statistiki* [Questions of Statistics], 2018, No. 10, pp. 47–60. (In Russ.).

22. Somov V.L., Tolmacheva M.N. Tendentsii razvitiia osnovnykh pokazatelei biznes-demografii [Trends in the Development of the Main Indicators of Business Demography], *Voprosy statistiki* [Questions of Statistics], 2020, Vol. 27, No. 5, pp. 58–64. (In Russ.).

23. Gagarina G.Iu., Bolotov R.O. Otsenka mezhregional'nogo neravenstva v Rossiiskoi Federatsii, i ego dekompozitsiia s primeneniem indeksa Teila [Assessment of Interregional Inequality in the Russian Federation, and Its Decomposition Using the Tail Index], *Federalizm* [Assessment of Inter-Regional Inequality in the Russian Federation and its Decomposition Using the Theil Index], 2021, Vol. 26, No. 4 (104), pp. 20–34. (In Russ.).

24. Biznes-demografiia. Pokazateli predprinimatel'skoi aktivnosti predpriatii po vidam ekonomicheskoi deiatel'nosti i sub'ektam Rossiiskoi Federatsii (s 2017 g.) [Business Demographics. Indicators of Entrepreneurial Activity of Enterprises by Type of Economic Activity and Subjects of the Russian Federation (Since 2017)], *Federal'naiia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/instituteconomics> (accessed 11 July 2023).

FEATURES OF TRANSFORMATION BUSINESS DEMOGRAPHIES OF ENTERPRISES IN THE MODERN ECONOMIC SPACE OF RUSSIA

The demography of enterprises (or business demography) is a fairly new scientific direction for foreign and especially Russian economic science. The purpose of the study is to assess demographic business trends in the federal districts of the Russian Federation in 2017–2022. in the context of economic sanctions, the COVID-19 pandemic, NWO in Ukraine. The main trends in the entry and exit of enterprises from the market are identified, the birth rates and official liquidation rates are calculated on average over a 6-year period for all federal districts of the Russian Federation. The authors prove that the demography of enterprises is becoming one of the most important markers of the development of countries and regions. As a result of the study, it was concluded that regional features of the entry and exit of enterprises from the market remain and are largely predetermined by the existing economic potential and structure of the economy of individual subjects of the Russian Federation. The given information and analytical materials are useful in developing measures to improve the effectiveness of managerial decisions in order to increase the mobility of the economy of the country and individual regions, taking into account their territorial identity. Taking into account the identified features of the transformation of the business demography of enterprises across the country will be relevant when developing strategies for the socio-economic development of regions in the context of overcoming the consequences of sanctions.

Keywords: demography of organizations, business demography, entry and exit of enterprises from the market, turnover of enterprises, entrepreneurial activity, region, federal district.

JEL: R11, R12, R58

Дата поступления – 23.08.2023 г.

ВАЖЕНИН Сергей Григорьевич

кандидат экономических наук, заведующий сектором;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук /
ул. Московская, д. 29, г. Екатеринбург, 620014.
e-mail: svazhenin@mail.ru

ВАЖЕНИНА Ирина Святославовна

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук /
ул. Московская, д. 29, г. Екатеринбург, 620014.
e-mail: isvazhenina@mail.ru

VAZHENIN Sergey G.

Cand. Sc. (Econ.), Senior Research Associate, Head of the Sector;
Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Science
/ 29, Moskovskaya Str., Yekaterinburg, 620014.
e-mail: svazhenin@mail.ru

VAZHENINA Irina S.

Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Leading Research Associate;
Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Science
/ 29, Moskovskaya Str., Yekaterinburg, 620014.
e-mail: isvazhenina@mail.ru

Для цитирования:

Важенин С.Г., Важенина И.С. Особенности трансформации бизнес-демографии предприятий в современном экономическом пространстве России // Федерализм. 2023. Т. 28. № 3 (111). С. 72–87. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-3-72-87>

К.С. ГОНЧАРОВА

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ*

За последние тридцать лет в нашей стране было принято значительное количество нормативно-правовых актов, регулирующих различные аспекты пространственного развития. Основными, регламентирующими ключевые направления развития регионов, являются Указ Президента Б.Н. Ельцина «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации», действовавший с 1996 по 2017 г., и сменивший его Указ Президента В.В. Путина «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», принятый в 2017 г. В настоящем исследовании раскрываются отдельные положения реализуемой в современной России региональной политики. Объектом анализа являлись опубликованные нормативно-правовые документы, характеризующие государственную политику федеральных органов власти в сфере регионального социально-экономического развития. Автором сделан вывод о соответствии региональной политики России неолиберальной парадигме хозяйствования. Основами экономической политики до настоящего времени остаются, с одной стороны, приоритетное создание локальных преференций, с другой, — стимулирование субъектов Федерации на развитие внешнеэкономической деятельности. Социальная политика сведена к номинальной возможности использования набора социальных гарантий, которые предполагается увязать с системой расселения; программа мероприятий развития федеративных отношений в целом сводится к установлению зависимости между степенью эффективности ведения регионального хозяйства и размерами трансфертных платежей из федерального центра.

Ключевые слова: региональная политика, федеральная региональная политика, субъекты Федерации, стратегия пространственного развития, государственные программы, агломерации.

JEL: R11, R50, R58

* Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-28-01702 «Экспериментальные траектории процессов пространственной конвергенции и дивергенции доходов населения регионов России в условиях их адаптации к динамичным изменениям».

Характеристика институционального обеспечения современного (с 1990 г.) этапа проведения государственной политики управления региональным развитием в России является в значительной степени дискуссионной. Это касается как структуры и полномочий федеральных органов власти, в ведении которых находились или находятся соответствующие вопросы¹, так и его (государственного управления) нормативно-правового регулирования (полноты, адекватности современным глобальным и региональным вызовам, верифицируемости заложенных в них результатов и т.д.).

Каждый из обозначенных аспектов (вопросы функционирования государственного аппарата, содержания официальных документов, регламентирующих вопросы регионального развития) требует обособленного и тщательного анализа. В данной работе с целью раскрытия отдельных основных положений региональной политики в России мы рассматриваем ее (политики) нормативно-правовое обеспечение.

Некоторые аспекты региональной политики в отечественных исследованиях

Обобщая некоторые исследования, посвященные проблематике региональной политики, можно сделать вывод, что под таковой понимается деятельность органов государственной власти (федерального и регионального уровней), а также органов местного самоуправления (реже) в отношении регулирования сфер социального-экономического развития субъектов Федерации (включая фискальную, демографическую и экологическую компоненты) [1; 2; 3]. При этом ключевая цель региональной политики в России, по мнению большинства исследователей, — сокращение диспропорций пространственного социально-экономического развития ее территорий [3; 4; 5]. Вместе с тем рост региональной дифференциации может также являться следствием реализации региональной политики. Так, например, П.А. Минакир пишет, что «стремление к повышению продуктивности использования ресурсов и ускорению темпов экономического развития посредством “замыкания” экономической деятельности в рамках “плюсов роста” неизбежно приводит к нарастанию социально-экономической неоднородности пространства» [6, с. 976–977]. Исходя из целей и содержания региональной политики, А.Н. Швецов выделяет три ее типа — конкурентный, смешанный и патерналистский.

¹ В среднем за период с 1990 г. по настоящее время профильные органы исполнительной власти, регулирующие вопросы экономического и социального развития регионов сменялись каждые три года. Самый короткий период существования профильного министерства — 5 месяцев (Министерство региональной и национальной политики Российской Федерации, с 30 апреля 1998 г. по 22 сентября 1998 г.), самый длительный — 10 лет (Министерство регионального развития Российской Федерации, с 2004 по 2014 г.).

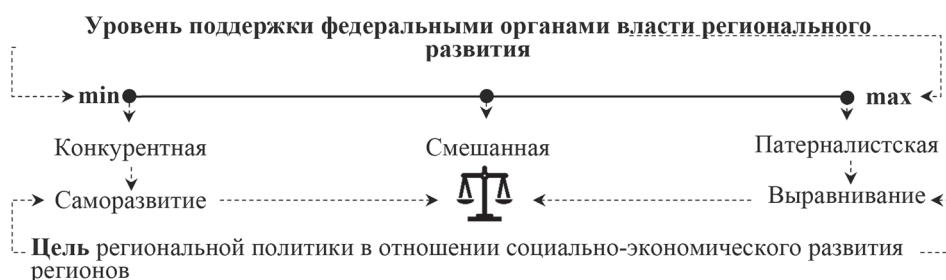

Рис. 1. Типы региональной политики

Источник: составлено автором по [7].

Разделяя позицию А.Н. Швецова, раскроем содержание каждого из обозначенных на рисунке 1 типов региональной политики.

Конкурентный тип предполагает сокращение финансовой поддержки субъектов Федерации и активизацию их внутрирегиональных источников роста (административных, экономических, социальных и проч.).

Смешанный тип предусматривает различные комбинации подходов государственного управления к региональному развитию, используемых в двух крайних типах (конкурентном и патерналистском).

Патерналистский тип ориентирован на сокращение уровня межрегиональной социально-экономической дифференциации путем поддержки субъектов Федерации с наименьшей бюджетной обеспеченностью.

Обозначенные типы региональной политики являются в значительной степени традиционными. Так, например, они соответствуют стимулирующей, компенсирующей и адаптирующей политике в типологии О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиша [8], а также теоретическим подходам, обозначенным О.С. Сухаревым — неоклассическим и инвестиционно-программируемым (конкурентный тип), теориям регионализма и несбалансированного роста (смешанный тип) и неокейнсианским (патерналистский тип) [9]. Кроме того, в соответствии с объектами воздействия региональную политику подразделяют на экономическую (территориальное разделение труда, пространственная кооперация и проч.) и социальную (уровень жизни населения) [8]. Отдельно или в составе социальной политики выделяют также экологическую региональную политику [2; 10].

По направленности воздействия большинство исследователей рассматривают региональную политику как сферу внутреннего государственного управления, не выходящую за пределы государственных границ². Однако П.Г. Щедровицкий обращает внимание и на ее геостратегический характер, определяющийся посредством позиционирования как субъектов Федерации, так и отдельных городов в глобальном про-

² Исключая макроэкономические исследования, где под регионом понимается группа стран, например, Азиатско-Тихоокеанский регион и проч.

странстве [11]. Он, в частности, отмечал, что «стратегии регионального развития, разрабатываемые как на уровне регионов, так и на уровне федерального центра, должны стать стратегиями позиционирования в открытых рынках, а не набором внутрирегиональных мероприятий», а каркас новой пространственной организации страны на ближайшие 10–15 лет (т.е. к 2020 г.) должны составить регионы-города «с вменением им функций национальных “окон-переходников” в глобальный рынок» [12, с. 223].

Таким образом, вопросам определения сущности региональной политики, форм ее реализации и проч. посвящено большое число исследований. В то же время, несмотря на значительную проработку в экономической науке рассматриваемой темы (региональной политики), она в большей степени традиционно раскрывается в нормативном аспекте, зачастую с целью обоснования наиболее подходящей для страны и ее регионов гносеологической (теоретической) модели. Несмотря на очевидные преимущества такого подхода, он в ряде случаев не позволяет увидеть онтологическую сторону политики, которая уже де-факто реализуется органами власти и/или которая де-юре планируется последними к реализации (вследствие акцентирования внимания исследователей на возможных вариантах политики, их сравнении, рассмотрении альтернатив и т.д.).

Помимо этого, в части исследований авторы сосредотачиваются на отдельных документах и не учитывают ретроспективный и интегративный (обобщающий) контекст заложенных в них положений, что также негативно отражается на полноте анализа и качестве оценки фактически сложившейся практики отечественной региональной политики.

Результаты исследования

Одним из первых основополагающих документов в комплексе, регулирующем региональную политику России, являлся Указ Президента Российской Федерации «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации»³ (далее — Указ 1996 г.), утвержденный в 1996 г. и действовавший более двадцати лет — до 2017 г., когда был принят Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»⁴ (далее — Основы) (см. рис. 2).

³ Указ Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 г. № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

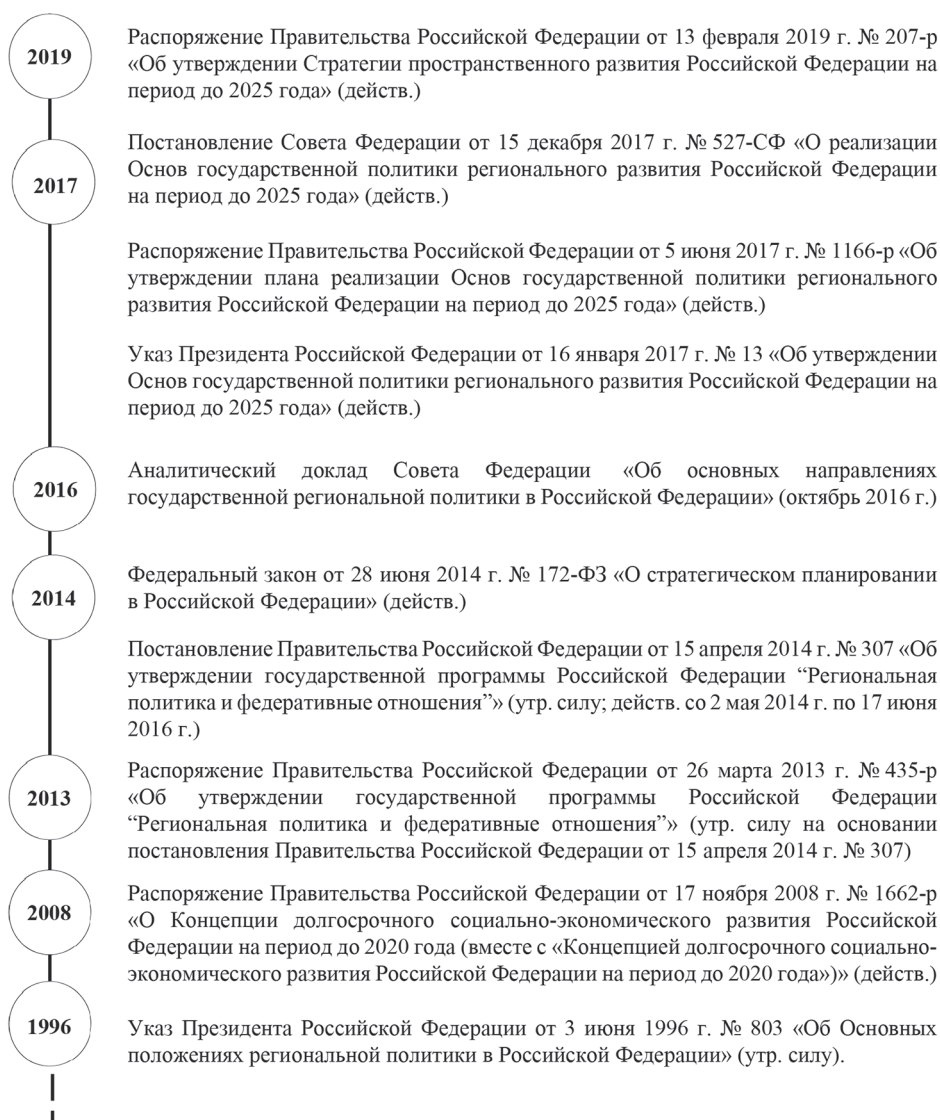

Рис. 2. Ретроспектива нормативно-правового обеспечения региональной политики России

Источник: составлено автором.

Соответственно, актуализация в 2017 г. Основ⁵ была направлена на выработку правительством Российской Федерации решений, касающихся сферы региональной политики и являющихся адекватными современным условиям функционирования субъектов Федерации (экономических санкций, затрагивающих как экономические, так

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

и социальные (уровень жизни населения) аспекты безопасности приграничных территорий и проч.).

Изменения, внесенные в Основы (по сравнению с Указом 1996 г.), были связаны, во-первых, с уточнением терминологических основ законодательных актов — понятий «региональная политика» и «регион»; во-вторых, с корректировкой целей региональной экономической и социальной политики; в-третьих, с обновлением задач региональной политики.

Рассмотрим эти вопросы более подробно.

Терминологические основы региональной политики

Если в Указе 1996 г. регион мог совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации или объединять несколько последних, то в Основе в случае объединения нескольких субъектов Российской Федерации было предписано использование понятия «макрорегион». Добавление данной категории требовалось для увязки Основ⁶ с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации», где предполагалась разработка соответствующих стратегий (ст. 21⁷).

В аспекте понимания «региональной политики» как системы целей и задач были добавлены элементы приоритетов, мер и действий. Однако был убран элемент «механизм реализации», который в нормативном аспекте призван обеспечивать «организацию и функционирование системы... путем... последовательности разработки документов..., согласованности и сбалансированности... по приоритетам, целям, задачам, показателям, финансовым и иным ресурсам..., определения ресурсов для достижения целей и реализации задач..., организации мониторинга и контроля реализации»⁸. Помимо этого, если в Указе 1996 г. акторами региональной политики выступали органы государственной власти в целом (т.е. органы власти как федерального, так и регионального уровня), то в редакции 2017 г. указаны исключительно федеральные органы государственной власти.

Соответственно, можно сделать вывод о том, что в отношении политики регионального развития в настоящее время основной акцент сделан на управлении сверху (с федерального уровня) путем определения общенациональных приоритетов и, исходя из них, разработки (но не реализации, которая остается за региональными и муниципальными властями) комплекса соответствующих мероприятий.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

⁷ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации».

Цели региональной политики

В новой редакции были обновлены задачи региональной политики. Для удобства анализа мы свели последние в таблицу (см. табл. 1), где они были распределены по трем ключевым направлениям — развитие федеративных отношений, региональная экономическая и социальная политика. Данные направления были представлены в Указе 1996 г., в Основах они сохранены не были.

Т а б л и ц а 1

Сопоставление целей региональной политики в нормативно-правовой базе Российской Федерации

Направление региональной политики	Указ Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 г. № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации»	Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»
Развитие федеративных отношений	• Обеспечение основ федерализма; • становление и обеспечение гарантий местного самоуправления	• Максимальное привлечение населения к решению региональных и местных задач
Региональная экономическая политика	• Создание единого экономического пространства; • приоритетное развитие регионов, имеющих особо важное стратегическое значение; • выравнивание условий социально-экономического развития регионов; • максимальное использование природно-климатических особенностей регионов	• Обеспечение устойчивого экономического роста и научно-технологического развития регионов; • повышение конкурентоспособности экономики Российской Федерации на мировых рынках на основе сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития субъектов Федерации и муниципальных образований
Региональная социальная политика	• Обеспечение единых минимальных социальных стандартов и социальной защиты населения на всей территории страны; • защита окружающей среды регионов	• Обеспечение равных возможностей для реализации экономических, политических и социальных прав граждан на всей территории страны; • повышение качества жизни населения

Источник: составлено автором.

Исходя из приведенных в таблице 1 целей региональной политики, можно предположить наличие процесса поляризации их субъектности, выраженной в дихотомии: «население (микроуровень) — страна в целом (макроуровень)». Непосредственно субъект Федерации сохранился только в цели «обеспечение устойчивого экономического роста и научно-технологического развития». При этом вопрос о «научно-технологическом развитии региона» как цели региональной политики является в существенной степени дискуссионным, т.к. он традиционно находится в сфере ведения федеральных органов власти⁹.

⁹ Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».

В области экономической политики от целей создания единого экономического пространства с равными условиями реализации регионального развития произошло смещение акцентов в направлении «сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития», которое в принятой позднее (2019 г.) Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Стратегия) будет раскрыто как «сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также обеспечение национальной безопасности страны»¹⁰.

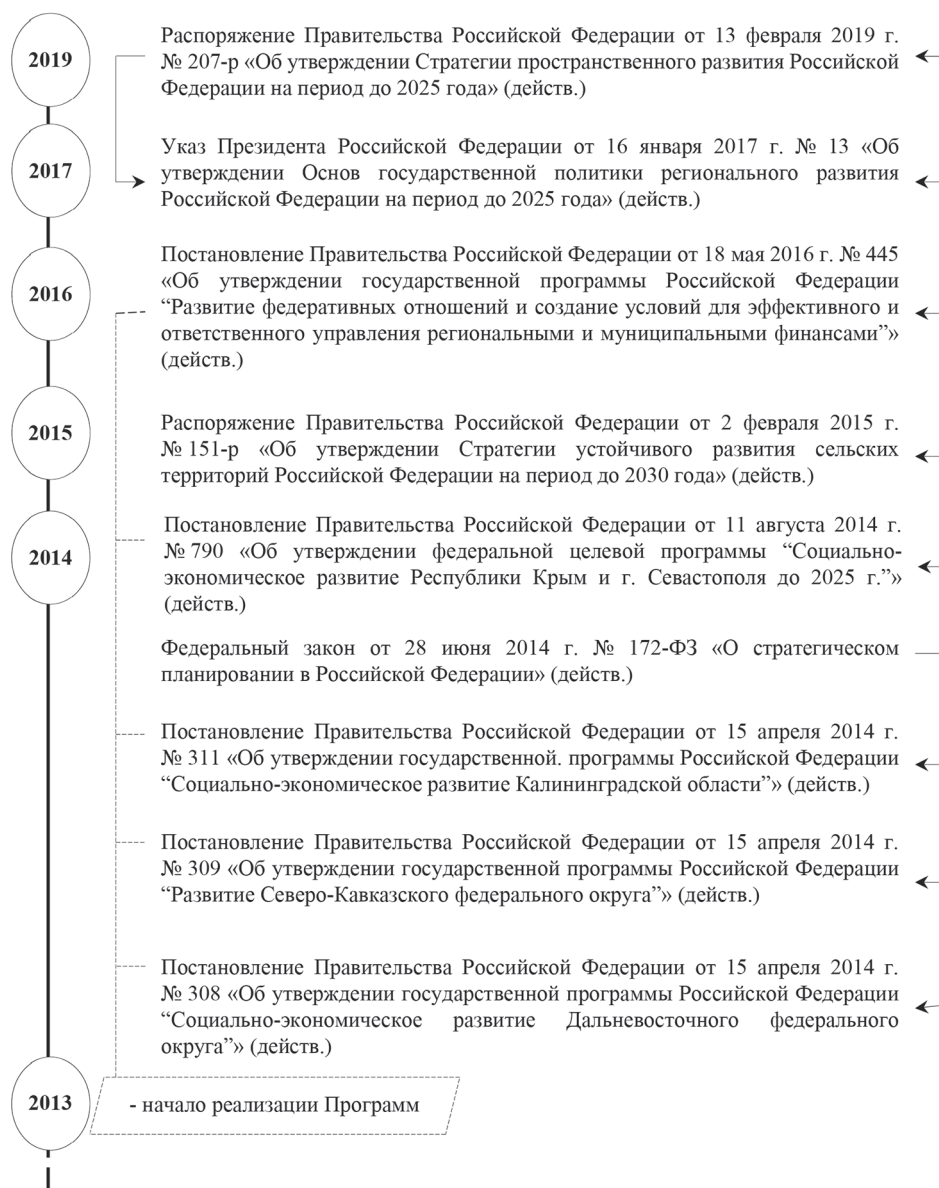
В то же время указанное в Стратегии¹¹ определение в целом обобщало некоторые положения более ранних НПА (2008, 2014, 2015 гг.) (см. рис. 3). Так, в принятом в 2008 г. Распоряжении Правительства «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (далее – Концепция) сбалансированное социально-экономическое развитие регионов предполагало: «...создание новых центров экономического роста в регионах...; координацию инфраструктурных инвестиций государства и инвестиционных стратегий бизнеса в регионах с учетом приоритетов пространственного развития и ресурсных ограничений, в т.ч. демографических; сокращение дифференциации в уровне и качестве жизни населения в регионах с помощью эффективных механизмов социальной и бюджетной политики»¹². Под инфраструктурными инвестициями здесь имелась в виду в первую очередь реализация международных проектов – саммит АТЭС в г. Владивостоке (2012 г.), проведение Олимпийских и Паралимпийских игр в г. Сочи (2014 г.), Чемпионата мира по футболу в городах Москве, Калининграде, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Волгограде, Казани, Самаре, Саранске, Ростове-на Дону, Сочи и Екатеринбурге (2018 г.), эффективность которых до настоящего времени вызывает споры¹³.

¹⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

¹¹ Там же.

¹² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».

¹³ Мерцалова А., Аминов Х. Олимпиада по вычитанию // Коммерсантъ. 2019. 21 февраля. № 32. С. 10. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3890115> (дата обращения: 10.05.2023); Аминов Х., Панченко А. Владивосток неплохо устроился // Коммерсантъ. 2012. 10 июля. № 124. С. 9. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1977057> (дата обращения: 10.05.2023); Иваницкая Н. Как Россия смогла потратить на саммит АТЭС в 800 раз больше США? URL: <https://www.forbes.ru/sobytiya-slideshow/113038-kak-rossiya-smogla-potratit-na-sammit-ates-v-800-raz-bolshe-ssha> (дата обращения: 10.05.2023); Ткачев И., Фейнберг А., Пузырев Д., Макаров О. Экономисты оценили эффект от чемпионата мира по футболу для России. URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/12/2017/5a1ff2e19a7947379548d5bc> (дата обращения: 11.05.2023); Буланов К. Россия подсчитала эффект от чемпионата мира по футболу для экономики // Ведомости. 2018. 16 октября. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/10/16/783781-chm> (дата обращения: 11.05.2023).

**Рис. 3. Ретроспектива преемственности части положений
Указа Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13
«Об утверждении Основ государственной
политики регионального развития Российской Федерации на период
до 2025 года»**

Источник: составлено автором.

Помимо этого, сбалансированное региональное (территориальное) развитие раскрывалось как «обеспечение условий, позволяющих каждому региону иметь необходимые и достаточные ресурсы для обеспечения

достойных условий жизни граждан, комплексного развития и повышения конкурентоспособности экономики регионов, и развитие геополитически приоритетных территорий»¹⁴, что в целом не противоречит атрибутам приведенного выше определения, а скорее дополняет их (но не уточняет).

В практическом аспекте «обеспечение (соответствующих — К.Г.) условий» выражается в реализации государственных программ (принятых Постановлениями Правительства в 2014 г.), которые можно разделить на общерегиональные (развитие системы межбюджетных отношений) и территориальные (социально-экономическое развитие Калининградской обл., Республики Крым и г. Севастополя, Северного Кавказа, Дальнего Востока и Арктики).

Так, в рамках программы «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами», реализуемой в два этапа (2013–2021 гг. и 2022–2030 гг.) Минфином России,¹⁵ запланировано совершенствование системы межбюджетных отношений преимущественно путем внесения изменений в механизм предоставления соответствующих трансфертов (в сторону повышения их адресности как в части перераспределения средств в пользу наименее обеспеченных регионов, так и в направлении финансирования конкретных проектов)¹⁶. Одной из основных целей указанной программы заявлено «повышение самостоятельности бюджетов субъектов... Федерации и местных бюджетов... и увеличение собственного налогового потенциала»¹⁷.

Территориальные государственные программы нацелены на социально-экономическое развитие макрорегионов, регионов и отдельных муниципальных образований преимущественно путем, во-первых, развития инфраструктуры (социальной, транспортной), во-вторых, создания новых рабочих мест, в-третьих, создания и/или развития локальных преференциальных территорий, которые в большей степени и должны решить первые две задачи. Реализация указанных мероприятий предполагает активное привлечение внебюджетных инвестиций.

В то же время в отличие от «сбалансированного регионального развития», суть которого находит отражение в рассмотренных нами нормативно-правовых актах федерального уровня, сложность представляет понимание «устойчивого регионального развития». Так, в Концепции в отношении отдельных территорий (не государства в целом) отмечает-

¹⁴ Портал госпрограмм Российской Федерации. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/home> (дата обращения: 10.05.2023).

¹⁵ Государственная программа Российской Федерации «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами». URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/govprog/regfin> (дата обращения: 10.05.2023).

¹⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 22 сентября 2021 г. № 1604 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами”».

¹⁷ Там же.

ся только «устойчивое развитие сельских территорий» (с. 144), предполагающее реализацию в сельской местности комплекса мер, направленных на «улучшение демографической ситуации..., обеспечение занятости..., создание новых рабочих мест, ...снижение бедности...; развитие социальной инфраструктуры и инженерного обустройства села; улучшение жилищных условий..., поддержку комплексной компактной застройки и благоустройство сельских поселений; повышение престижности с/х труда; развитие на селе местного самоуправления и институтов гражданского общества; сохранение и улучшение традиционных агроландшафтов»¹⁸ (с. 146–147). В принятой на основе Концепции Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года (2015 г.) «устойчивое развитие сельских территорий» определяется как «стабильное социально-экономическое развитие сельских территорий, увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, рациональное использование земель»¹⁹ (с. 2).

Обобщая указанное, отметим, что под достижением цели «сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития субъектов Федерации и муниципальных образований» в нормативно-правовых актах федерального уровня, регулирующих положения региональной политики, понимается реализация комплекса следующих мероприятий:

- в финансовой сфере — реформирование (развитие) системы бюджетного федерализма — развитие принципов адресности в предоставлении межбюджетных трансфертов и стимулирование регионального и муниципального самофинансирования, в т.ч. за счет привлечения финансовых ресурсов местного населения (например, практик инициативного бюджетирования) для выравнивания уровня социально-экономического развития регионов;
- в социально-экономической сфере — создание локальных преференциальных, преимущественно индустриальных, территорий с приоритетом их развития в приграничных, зачастую имеющих этнографические особенности (народы Северного Кавказа, КМНС), субъектах Федерации — Калининградской обл., Республике Крым и г. Севастополе, СКФО, ДФО, АЗРФ (для обеспечения национальной безопасности; преимущественно за счет создания особых экономических зон на территории субъектов Федерации, муниципальных образований или отдельных районах муниципальных образований) — для привлечения частных инвестиций, развития инфраструктуры, создания новых рабо-

¹⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».

¹⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2015 г. № 151-р «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года».

чих мест, технологического развития территорий и др. и, как следствие, повышения уровня жизни и сокращение миграционного оттока местного населения и проч.

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на указанные различия в целях региональной экономической политики в Указах 1996 г.²⁰ и 2017 г.²¹ («создание единого экономического пространства, с равными условиями социально-экономического развития для всех субъектов Федерации и приоритетным развитием регионов, имеющих особо важное стратегическое значение» и «сбалансированное, устойчивое социально-экономическое развитие регионов») их суть, а также методы реализации являются сходными.

В отношении региональной социальной политики в Указах 1996 г. и 2017 г. также произошли изменения.

Так, если целью региональной социальной политики в 1996 г. было онтологически нагруженное обеспечение населения едиными общегосударственными социальными стандартами и социальной защитой, то 21 год спустя — это трансформировалось в имеющее гносеологический характер обеспечение равных возможностей для населения в реализации своих прав, т.е. де-юре обеспечение равных возможностей при существующем де-факто материальном неравенстве (в частности, в 2022 г. декларируемые доходы 10% наиболее материально обеспеченного населения превышали доходы 10% бедных в 13,8 раз при рекомендуемом нормативе ООН не более 10 раз [13]), что приводит к ситуации, когда номинально для всех граждан страны открыто большинство социальных институтов, однако воспользоваться их услугами могут далеко не все (часто это встречается в области здравоохранения [14]).

Задачи региональной политики

Переходя от целей региональной политики к ее задачам, указанным в рассматриваемых нами нормативно-правовых актах, отметим уход от предложенной в 1996 г. структуры, где цели были соотнесены с направлениями политики (развитие федерализма и местного самоуправления, экономическая и социальная политика), а задачи с целями. В Основах полностью отсутствуют направления политики; цели и задачи (а также результаты) не увязаны между собой.

В то же время реализация задач, указанных в Основах, была обеспечена комплексом мероприятий, установленных Планом реализации Основ политики регионального развития²² (далее — План), направленных,

²⁰ Указ Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 г. № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации».

²¹ Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

²² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июня 2017 г. № 1166-р «План реализации Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

по замечанию заместителя Председателя Правительства Д.Н. Козака, на «наращивание собственного экономического потенциала (территорий – К.Г.) за счет опережающего развития малообеспеченных регионов» [15] и условно подразделяющихся на три блока (см. рис. 4).

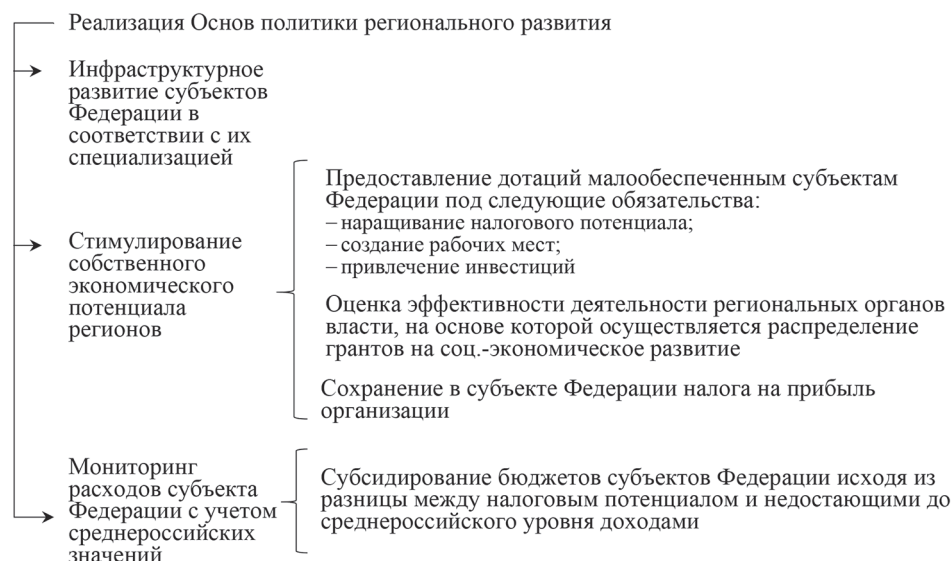

Рис. 4. Три блока мероприятий реализации региональной политики, обозначенных заместителем Председателя Правительства Д.Н. Козаком на совещании с вице-премьерами

Источник: составлено автором по [15].

Одним из ключевых направлений реализации Указа Президента 2017 г., предполагаемого в Плане²³, была разработка Стратегии пространственного развития Российской Федерации, подготовленная к началу 2019 г.²⁴ Сопоставление последних двух документов (относительно задач регионального развития и предлагаемых для их решения мероприятий), позволяет дополнительно обозначить некоторые тенденции.

Во-первых, отсутствие единой, четко определенной и однонаправленной программы реализации региональной политики. Например, в Стратегии²⁵ отсутствуют многие мероприятия, предусмотренные в Плане реализации Основ политики регионального развития²⁶.

²³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июня 2017 г. № 1166-р «План реализации Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

²⁴ Там же.

²⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

²⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июня 2017 г. № 1166-р «План реализации Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

Во-вторых, наблюдается размывание направлений реализации задач во множестве дублированных между собой мероприятий (например, реализация задач обеспечения внутреннего экономического потенциала территорий и регулирования миграции сводится преимущественно к развитию региональной и межтерриториальной инфраструктуры, хотя последнее уже предусмотрено мероприятиями инфраструктурного обеспечения пространственного развития);

В-третьих, наиболее наполненное мероприятиями решение задачи инфраструктурного обеспечения пространственного развития предполагает, с одной стороны, дальнейшую эксплуатацию уже реализованных в прошлом проектов (Транссиб, БАМ, Большая Волга), с другой – развитие двух транспортных коридоров «Запад – Восток» и «Север – Юг», при преимущественной ориентации всех магистралей на обслуживание интересов экспортеров, а также международных организаций, в частности ООН²⁷.

В-четвертых, основные направления поддержки социально-экономического развития касаются геостратегических территорий (Калининградской обл., Республики Крым и г. Севастополя, СКФО, ДФО, АЗРФ), агломераций и преференциальных зон. Эта тенденция проходит красной нитью через все рассмотренные нами документы регионального развития.

Помимо этого, важным является появление в Стратегии²⁸ утерянного в Основах элемента экологического регулирования пространственного развития. До этого в Указе Президента 1996 г. он являлся частью социальной политики, а его значимость определяется доминирующей до настоящего времени идеологией устойчивого развития ООН [19].

Выводы

Попытаемся обобщить сказанное выше. Несмотря на активизацию с 2008 г. законотворческой деятельности, направленной на актуализацию регулирования процессов социально-экономического развития субъектов Федерации в связи с осложнением экономической и внешнеполитической обстановки, в целом *региональная экономическая политика не претерпела существенных изменений с момента распада СССР*. Ее основой как в 90-е гг. XX в., так и в настоящее время остается, с од-

²⁷ Так, в публикации заместителя министра транспорта Российской Федерации А.С. Цыденова отмечается, что обеспечение федеральными органами власти «мер по решению проблем функционирования и повышению конкурентоспособности Транссиба» связано с включением последней «в проекты Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) ООН в качестве приоритетного маршрута в сообщении между Европой и Азией» [16, с. 4]. По мнению Д.А. Биричевского, такое участие должно было позволить регионам Сибири и Дальнего Востока активизировать свое экономическое и научно-техническое взаимодействие с зарубежными странами и партнерами [17] (указанное мнение поддерживается и некоторыми другими исследователями [18]). Однако до настоящего времени сложно оценить справедливость и реальность такого подхода.

²⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

ной стороны, приоритетное развитие геостратегических территорий (Калининградской обл., Республики Крым и г. Севастополя, СКФО, ДФО, АЗРФ), преимущественно путем создания в них локальных преференций, с другой — стимулирование субъектов Федерации на развитие внешнеэкономической деятельности (а не на активизацию процессов межрегиональной кооперации и взаимодействия).

Несмотря на так и не подтвердившуюся за тридцать лет эффективность подобной политики, а также существенно изменившихся с 2022 г. условий хозяйствования, аналогичный шаблон планируется к реализации и в новых субъектах Российской Федерации — в Донецкой и Луганской народных республиках (ДНР и ЛНР), Запорожской и Херсонской областях²⁹.

В отношении политики *развития федеративных отношений* также не достигнут существенный прогресс. В целом программа мероприятий в данном направлении сводится к установлению зависимости между степенью эффективности ведения регионального хозяйства (оцениваемого как рост налоговых поступлений) и размерами трансфертных платежей из федерального центра.

В некоторой степени претерпела изменения *региональная социальная политика*, а именно ее основные направления — уровень жизни граждан и система расселения (миграция). Так, на первоначальном этапе (90-е гг. XX в.) данная политика имела более социально ориентированную направленность и предполагала выравнивание пространственной дифференциации путем обеспечения всего населения набором социальных гарантий. Позднее был осуществлен переход от гарантированного набора к гарантированной возможности его использования, при этом последние (возможности) предполагается увязать с системой расселения: у жителей городских и сельских агломераций они окажутся шире, чем у жителей прочих муниципальных образований (в первую очередь за счет развития социальной инфраструктуры). Последнее согласуется со мнением А.И. Костяева³⁰.

Можно заключить, что *региональная политика России в полной мере продолжает соответствовать неолиберальной парадигме хозяйствования*, основными принципами которой являются:

- адресность поддержки (как в отношении групп населения, так и отдельных регионов);
- примат количественной оценки над качественной (достижение или недостижение показателей, характеризующих различные региональные параметры, в целом не оказывает существенного влия-

²⁹ Федеральный закон от 28 декабря 2022 г. № 564-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

³⁰ Гурьянов С. Расселись тут: в России появится почти 2 тыс. сельских агломераций. Как реализуют инициативу по развитию опорных населенных пунктов и прилегающих территорий // Известия. 2023. 26 апреля. URL: <https://iz.ru/1503447/sergei-gurianov/rasselis-tut-v-rossii-poiavitsia-pochti-2-tys-selskikh-aglomeracii> (дата обращения: 11.06.2023).

ния на реальную социально-экономическую динамику (например, уровень эффективности исполнения государственной программы развития СКФО был оценен в 100%³¹);

- ориентация на глобальное управление (поддержка программ международных организаций, стремление к активизации международной торговли на всех уровнях (национальном, региональном).

В результате реализации данных принципов социально-экономическое развитие субъектов Федерации становится все более конкурентным и поляризованным, т.е. воспроизводится модель пространственного социально-экономического развития, обозначенная М. Фуко как *общество, формализованное по модели конкурентоспособного предприятия*, в котором «политика не должна затрагивать экономическую игру..., установив определенные механизмы вмешательства, чтобы помочь тем, кто в этом нуждается, в тот и только тот момент, когда они в этом нуждаются» [20, с. 263].

Список литературы

1. Минакир П.А. Пространственная неоднородность России и задачи региональной политики // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 10 (10). С. 150–153.
2. Сулакшин С.С., Лексин В.Н., Швецов А.Н., Реймер Л.А., Малчинов А.С., Орлов И.Б. Региональное измерение государственной экономической политики России / под общ. ред. А.С. Малчинова; Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. М.: Научный эксперт, 2007. 200 с.
3. Федякин А.В., Федякин И.В., Наугольных В.В., Лобанов М.А., Баймлер О.Р. Региональная политика: институты, субъекты, технологии. М.: Социально-политическая мысль, 2021. 347 с.
4. Сенчагов В.К., Багин А.М., Губин Б.В., Дадалко В.А., Иванов Е.А., Казанцев С.В., Корнев Н.Г., Логвина А.М., Львов Л.С., Мальцева И.Г., Павлов В.И., Потапов В.А., Рогова О.Л., Румянцева Е.Е., Абалкин Л.И., Гранберг А.Г. Проблемы модернизации государственно-территориального устройства России. Перспективы социально-экономического развития регионов в условиях их интеграции и создания новых субъектов Российской Федерации. 2-й этап. Обеспечение национальных интересов России в процессе модернизации ее государственно-территориального устройства // Региональная экономика: теория и практика. 2004. № 11. С. 24–111.
5. Оптимизация территориальных систем / под ред. С.А. Суспицына; ИЭОПП СО РАН. Новосибирск, 2010. 632 с.
6. Минакир П.А. Российское экономическое пространство: стратегические тупики // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 4. С. 967–980.
7. Швецов А.Н. Общесистемная и селективная государственная региональная политика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2009. № 2. С. 38–50.

³¹ Эффективность исполнения госпрограммы по развитию СКФО составила 100%. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/effektivnost_ispolneniya_gosprogrammy_po_razvitiyu_skfo_sostavila_100.html (дата обращения: 14.06.2023).

8. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Тревиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии / отв. ред. Г. А. Приваловская; АН СССР, Ин-т географии. М.: Наука, 1991. 167 с.
9. Сухарев О.С. Региональная экономическая политика: структурный подход и инструменты (теоретическая постановка) // Экономика региона. 2015. № 2 (42). С. 9–22.
10. Павлов К.В. Методологический аспект в формировании региональной экологической политики // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 17. С. 2–6.
11. Шейман Д.И., Щедровицкий П.Г. Институциональные механизмы пространственного развития // Формула развития: сборник статей: 1987–2005. М.: Архитектура-С, 2005. С. 132–157.
12. Щедровицкий П.Г. Государственная политика регионального развития в РФ: проблемы и перспективы // Формула развития: сборник статей: 1987–2005. М.: Архитектура-С, 2005. С. 199–223.
13. Федосеева Ю.А. Развитие системы государственного регулирования заработной платы в Российской Федерации: дис. ... канд. экон. наук. Самара, 2015. 211 с.
14. Шеломенцев, А.Г., Гончарова К. С. Численное исследование зависимости структуры расходов домохозяйств от уровня их доходов в контексте концепции самосохранительного поведения // Экономика региона. 2020. Т. 16. № 3. С. 791–806.
15. Козак Д.Н. Доклад заместителя Председателя Правительства РФ Д.Н. Козака на совещании Председателя правительства с вице-премьерами 5 июня 2017, Горки, Моск. обл. URL: <http://government.ru/news/27964/> (дата обращения: 09.06.2023).
16. Цыденов А.С. «Восток – Запад»: состояние и перспективы развития международного транспортного коридора // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. 2014. № 5 (54). С. 4–7.
17. Биричевский Д.А. Усиление российского присутствия в Центральной Азии с использованием механизмов ООН // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 6 (21). С. 91–95.
18. Изотов Д.А., Суслов Д.В. Совместный научный семинар ЭСКАТО ООН и ВТО по торговым проблемам в регионе АТР // Пространственная экономика. 2012. № 2. С. 176–179.
19. Гончарова К.С. Институциональные механизмы адаптации населения в контексте интеграции современных подходов // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2022. № 5. С. 98–125.
20. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 году; пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб.: Наука, 2010. 448 с.

References

1. Minakir P.A. Prostranstvennaia neodnorodnost' Rossii i zadachi regional'noi politiki [Spatial Heterogeneity of Russia and the Tasks of Regional Policy], *Zhurnal Novej ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2011, No. 10 (10), pp. 150–153. (In Russ.).
2. Sulakshin S.S., Leksin V.N., Shvetsov A.N., Reimer L.A., Malchinov A.S., Orlov I.B. Regional'noe izmerenie gosudarstvennoi ekonomicheskoi politiki Rossii [Regional Dimension of the State Economic Policy of Russia], edited by A.S. Malchinova,

Tsentr problemnogo analiza i gosudarstvenno-upravlencheskogo proektirovaniia. Moscow, Nauchnyi ekspert, 2007, 200 p. (In Russ.).

3. Fediakin A.V., Fediakin I.V., Naugol'nykh V.V., Lobanov M.A., Baimler O.R. Regional'naia politika: instituty, sub"ekty, tekhnologii [Regional Policy: Institutions, Subjects, Technologies]. Moscow, Sotsial'no-politicheskaia mysl', 2021, 347 p. (In Russ.).

4. Senchagov V.K., Bagin A.M., Gubin B.V., Dadalko V.A., Ivanov E.A., Kazantsev S.V., Korenev N.G., Logvina A.M., L'vov L.S., Mal'tseva I.G., Pavlov V.I., Potapov V.A., Rogova O.L., Rumiantseva E.E., Abalkin L.I., Granberg A.G. Problemy modernizatsii gosudarstvenno-territorial'nogo ustroistva Rossii. Perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia regionov v usloviakh ikh integratsii i sozdaniia novykh sub"ektov Rossiiskoi Federatsii. 2-i etap. Obespechenie natsional'nykh interesov Rossii v protsesse modernizatsii ee gosudarstvenno-territorial'nogo ustroistva [Problems of Modernization of the State-Territorial Structure of Russia. Prospects of Socio-Economic Development of Regions in the Context of Their Integration and the Creation of New Subjects of the Russian Federation. 2nd Stage. Ensuring the National Interests of Russia in the Process of Modernization of Its State-Territorial Structure], *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika* [Regional Economy: Theory and Practice], 2004, No. 11, pp. 24–111. (In Russ.).

5. Optimizatsiia territorial'nykh sistem [Optimization of Territorial Systems], edited by S.A. Suspitsyna, IEOPP SO RAN, Novosibirsk, 2010, 632 p. (In Russ.).

6. Minakir P.A. Rossiiskoe ekonomicheskoe prostranstvo: strategicheskie tupiki [The Russian Economic Space: Strategic Dead Ends], *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2019, Vol. 15, No. 4, pp. 967–980. (In Russ.).

7. Shvetsov A.N. Obshchesistemnaia i selektivnaia gosudarstvennaia regional'naia politika [System-Wide and Selective State Regional Policy], *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2009, No. 2, pp. 38–50. (In Russ.).

8. Gritsai O.V., Ioffe G.V., Treivish A.I. Tsentr i periferiia v regional'nom razvitiu [Center and Periphery in Regional Development], edited by G.A. Privalovskaia, AN SSSR, Institut geografii. Moscow, Nauka, 1991, 167 p. (In Russ.).

9. Sukharev O.S. Regional'naia ekonomicheskaya politika: strukturnyi podkhod i instrumenty (teoreticheskaya postanovka) [Regional Economic Policy: Structural Approach and Tools (Theoretical Formulation)], *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2015, No. 2 (42), pp. 9–22. (In Russ.).

10. Pavlov K.V. Metodologicheskii aspekt v formirovanii regional'noi ekologicheskoi politiki [Methodological Aspect in the Formation of Regional Environmental Policy], *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika* [Regional Economy: Theory and Practice], 2010, No. 17, pp. 2–6. (In Russ.).

11. Sheiman D.I., Shchedrovitskii P.G. Institutsional'nye mekhanizmy prostranstvennogo razvitiia [Institutional Mechanisms of Spatial Development], *Formula razvitiia: sbornik statei: 1987–2005* [Formula of Development: Collection of Articles: 1987–2005]. Moscow, Arkhitektura-S, 2005, pp. 132–157. (In Russ.).

12. Shchedrovitskii P.G. Gosudarstvennaia politika regional'nogo razvitiia v RF: problemy i perspektivy [State Policy of Regional Development in the Russian Federation: Problems and Prospects], *Formula razvitiia: sbornik statei: 1987–2005* [Formula of Development: Collection of Articles: 1987–2005]. Moscow, Arkhitektura-S, 2005, pp. 199–223. (In Russ.).

13. Fedoseeva Iu.A. Razvitie sistemy gosudarstvennogo regulirovaniia zarabotnoi platy v Rossiiskoi Federatsii. Diss. kand. ekon. nauk [Development of the System of State Regulation of Wages in the Russian Federation. Cand. econ. sci. diss.], Samara, 2015, 211 p. (In Russ.).

14. Shelomentsev, A.G., Goncharova K. S. Chislennoe issledovanie zavisimosti struktury raskhodov domokhoziaistv ot urovnia ikh dokhodov v kontekste kontseptsii samosokhranitel'nogo povedeniia [Numerical Study of the Dependence of the Structure of Household Expenditures on Their Income Level in the Context of the Concept of Self-Preservation Behavior], *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2020, Vol. 16, No. 3, pp. 791–806. (In Russ.).

15. Kozak D.N. Doklad zamestitelia Predsedatelia Pravitel'stva RF D.N. Kozaka na soveshchanii Predsedatelia pravitel'stva s vitse-prem'erami 5 iunია 2017 [Report of the Deputy Prime Minister of the Russian Federation D.N. Kozak at the meeting of the Prime Minister with Deputy Prime Ministers 05 June 2017], Gorki, Moscow region. (In Russ.). Available at: <http://government.ru/news/27964/> (accessed 09 June 2023).

16. Tsydenov A.S. “Vostok – Zapad”: sostoianie i perspektivy razvitiia mezhdunarodnogo transportnogo koridora [“East – West”: the State and Prospects of Development of the International Transport Corridor], *Transport Rossiiskoi Federatsii. Zhurnal o nauke, praktike, ekonomike* [Transport of the Russian Federation. Journal of Science, Practice, Economic], 2014, No. 5 (54), pp. 4–7. (In Russ.).

17. Birichevskii D.A. Usilenie rossiiskogo prisutstviia v Tsentral'noi Azii s ispol'zovaniem mekhanizmov OON [Strengthening the Russian Presence in Central Asia Using UN Mechanisms], *Vestnik MGIMO Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2011, No. 6 (21), pp. 91–95. (In Russ.).

18. Izotov D.A., Suslov D.V. Sovmestnyi nauchnyi seminar ESKATO OON i VTO po trgovym problemam v regione ATR [Joint Scientific Seminar of UNESCAP and WTO on Trade Problems in the Asia-Pacific Region], *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial Economics], 2012, No. 2, pp. 176–179. (In Russ.).

19. Goncharova K.S. Institutsional'nye mekhanizmy adaptatsii naseleniia v kontekste integratsii sovremennykh podkhodov [Institutional Mechanisms of Population Adaptation in the Context of Integration of Modern Approaches], *ETAP: ekonomicheskaiia teoriia, analiz, praktika* [STAGE: Economic Theory, Analysis, Practice], 2022, No. 5, pp. 98–125. (In Russ.).

20. Fuko M. Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektsii, prochitannykh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 godu [The Birth of Biopolitics. A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in 1978–1979], translated from French A.V. D'iakov. Saint Petersburg, Nauka, 2010, 448 p. (In Russ.).

FORMATION OF A MODERN NEOLIBERAL MODEL OF RUSSIA'S REGIONAL POLICY

Over the past 30 years, a significant number of normative legal acts regulating various aspects of spatial development have been adopted in our country; the main ones regulating the key areas of regional development can be called the Decree of President B. N. Yeltsin “On the Main Provisions of Regional Policy in the Russian Federation”, which was in force from 1996 to 2017 and was replaced by the Decree of President V.V. Putin “On the approval of the Foundations of the State Policy of Regional Development of the Russian Federation for the period up to 2025”, adopted in 2017. In this study the individual provisions of the regional policy implemented in modern Russia are revealed. The object of the analysis was published regulatory documents characterizing the state policy of federal authorities in a field of regional socio-economic development. The main methods of work were chosen: analysis and systematization of scientific publications, collection, formalization and analysis of normative documents, traditional (internal and external) and legal analysis, as well as

retrospective and comparative methods, generalization and systematization. As a result, the author concludes that the regional policy of Russia corresponds to the neoliberal paradigm of management. Including: a basis of economic policy to date remains, on the one hand, a priority creation of local preferences, on the other – a stimulation of the subjects of the Federation for the development of foreign economic activity; social policy, reduced to the nominal possibility of using a set of social guarantees that are supposed to be linked to a settlement system; a program of measures for a development of federal relations as a whole boils down to establishing a relationship between the degree of efficiency of regional economy and the size of transfer payments from the federal center.

Keywords: regional policy, federal regional policy, subjects of the Federation, spatial development strategy, state programs, agglomerations.

JEL: R11, R50, R58

Дата поступления – 15.06.2023 г.

ГОНЧАРОВА Ксения Сергеевна

кандидат экономических наук, научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
экономики Уральского отделения Российской академии наук /
ул. Московская, д. 29, г. Екатеринбург, 620014.
e-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com

GONCHAROVA Kseniya S.

Cand. Sc. (Econ.), Research Assistant;
Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
/ 29, Moskovskaya Str., Yekaterinburg, 620014.
e-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com

Для цитирования:

Гончарова К.С. Формирование современной неолиберальной модели региональной политики России // Федерализм. 2023. Т. 28. № 3 (111). С. 88–107. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-3-88-107>

**Ж.И. АЛАДЫШЕВА, В.В. БЕРЕГОВЫХ, А.П. МЕШКОВСКИЙ,
Н.В. ПЯТИГОРСКАЯ**

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ЭКСПОРТ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ*

В текущем году в Российской Федерации принята Стратегия развития фармацевтической отрасли на период до 2030 г. В документе ставится задача обеспечения производства в стране лекарственных препаратов, конкурентоспособных на внутреннем и внешнем рынках, и «реализация экспортного потенциала фармацевтической отрасли». Особенностью фармацевтической отрасли является существенное влияние на экспорт различных аспектов государственного регулирования в сфере обращения лекарственных средств. Цель исследования — на основе анализа опыта зарубежных стран выявить важнейшие элементы государственного регулирования, способствующие формированию и развитию устойчивого экспорта лекарственных средств в условиях сложившейся олигопольной структуры экспортного сегмента мирового фармацевтического рынка. Учитывая объемность и разнообразие полученных данных, исследование было разделено на две части: анализ государственного регулирования сферы обращения лекарственных средств в странах — центрах экспорта лекарственных средств и в странах с быстро растущим фармацевтическим рынком. В настоящей статье рассмотрены особенности экспорта лекарственных средств и фармацевтического государственного регулирования в целом, приведен анализ стран-лидеров, выявлены основные факторы, ассоциирующиеся с успешными показателями экспорта, показаны текущие тенденции, предпринимаемые для удержания лидерства в этой области. Выявленные закономерности и регуляторные решения можно использовать для решения проблем региональных рынков на общенациональном уровне.

Ключевые слова: экспорт лекарственных средств, лекарственные средства, государственное регулирование лекарственных средств.

JEL: F10, F40, I18, L50, L65, O20

* Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного при финансовой поддержке Российского научного фонда № 23-75-30012 «Снижение рисков полифармакотерапии с использованием искусственного интеллекта и анализа больших данных о лекарственных препаратах и их взаимодействиях» (<https://rscf.ru/project/23-75-30012/>).

Экспорт товаров — один из наиболее распространенных видов внешнеэкономической деятельности, активно развивающийся последнее десятилетие во многих странах мира [1; 2]¹. Этому содействует глобализация производства, меняющая взаимоотношения между производителями и рынком. Если первоначально производители поставляли товары на местный рынок, то с развитием экспорта те же производители стали поставлять товары на международные рынки. В настоящее время на мировой рынок часто поставляются товары местных производителей — отделений исходной компании [2]².

Лекарственные средства отнесены международными и национальными классификациями к высокотехнологичной и наукоемкой продукции [4], включены в перечни важнейших направлений науки, техники и технологий в Российской Федерации. Последние 5 лет наблюдается быстрый рост доли глобального фармацевтического рынка стран³ с быстро растущим фармацевтическим сектором⁴, в первую очередь Китая и Индии, что оказывает мультипликативный эффект на развитие других секторов экономики и науку в этих странах. Например, инвестиции в *R&D* китайских фармацевтических компаний возросли с 1,925 млрд юаней в 2000 г. до 78,46 млрд — в 2020 г. Европейская фармацевтическая отрасль инвестировала в научные исследования в 2021 г. 41,500 млрд евро. При этом отмечается, что, создавая 840 тыс. рабочих мест, европейская фармацевтическая отрасль создает еще дополнительно по 3 рабочих места на каждое из них в смежных секторах экономики⁵.

В отличие от секторов промышленности, наряду с государственным регулированием внешнеэкономической деятельности (общие условия для экспорта товаров и услуг), существенное влияние на экспорт лекарственных средств оказывает *отраслевое государственное регулирование в стране-экспортере и в стране-импортере* [5; 6; 7; 8; 9]. Различия в отраслевом национальном законодательстве, влияющие на международную торговлю, включают законодательство в сфере охраны интеллектуальной собственности, регулирование процессов разработки, регистрации, производства и распределения лекарственных средств, ценообразования и лекарственного обеспечения [5].

Цель статьи — провести анализ тенденций экспортного сегмента мирового фармацевтического рынка и государственного регулирования

¹ Macroeconomic implications. World development report 2020. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32437/9781464814570_Ch04.pdf

² Л.С. Леониду отмечал, что только благодаря экспорту компании извлекают мультипликативную выгоду от расширения продаж, прибыли, диверсификации рынков и доступа на зарубежные рынки при относительно низких рисках [3].

³ Россия тоже входит в перечень этих стран.

⁴ International trade in medicinal and pharmaceutical products — Statistics Explained. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=International_trade_in_medicinal_and_pharmaceutical_products#Strong_growth_of_trade_in_medicinal_and_pharmaceutical_products_in_2022

⁵ The Pharmaceutical Industry in Figures // European Federation of Pharmaceutical Industries and Associations. URL: <http://www.efpia.eu/media/637143/the-pharmaceutical-industry-in-figures-2022.pdf>

в сфере обращения лекарственных средств в зарубежных странах-лидерах в части экспорта; выявить важнейшие элементы, оказывающие влияние на сохранение их лидирующих позиций.

***Экспортный сегмент глобального рынка
лекарственных средств***

Экспортный мировой фармацевтический рынок, годовой объем которого оценивается в 800 млрд долл. США (2022 г.), составляет существенную часть стоимости глобального фармацевтического производства (1,48 трлн долл. США). Этот рынок представляет собой открытую олигополию 15–20 стран. При этом 4 страны (Германия, Швейцария, США и Бельгия) занимают 45% международного рынка [10] (см. таблицу). Изменение позиций стран на этом рынке *происходит редко и медленно*. Можно отметить выпадение Великобритании из лидеров рынка с 3 места в 2000 г. до 10 — в 2022 г., ослабление позиции Японии (с 12 до 20 места), существенный рост экспорта из Индии (с 17 места до 12), Китая (с 19 до 14), Республики Корея (с 32 до 21).

Фармацевтический рынок является *олигополией* и в разрезе компаний-производителей (Биг Фарма), *в основном американских*. Также в мировой топ-10 входят швейцарские производители и периодически английские, французские и немецкие. Принадлежность этих транснациональных компаний, имеющих производственные площадки во многих странах мира, определяют по месторасположению штаб-квартиры⁶.

Общей характеристикой глобальной фармацевтической отрасли стали *слияния и поглощения мелких инновационных фирм* крупными фармацевтическими компаниями [11].

Так, если в конце 1980-х гг. количество ежегодных слияний и поглощений составляло около 100, то в 2015 г. — почти 800 [12], а 60 компаний, существовавших в промежуток с 1995 по 2015 г., в результате слияний превратились в 10⁷. Также очень широко в настоящее время используется производство лекарственных средств по лицензионным соглашениям [13]. Другой важной характеристикой, которую следует учитывать при анализе рынка лекарственных средств, является *постоянно расширяющаяся практика* передачи различных работ: от разработки и управления клиническими исследованиями до промышленного производства и выпуска в обращение различным контрактным организациям по всему миру⁸.

⁶ Например, в топ-10 входит американская корпорация J&J, а ее крупнейшая производственная площадка, компания «Янссен Силаг», расположена в Бельгии.

⁷ Pharma Industry Merger and Acquisition Analysis 1995 to 2015. URL: <https://revenuesandprofits.com/pharma-industry-merger-and-acquisition-analysis-1995-to-2015/>

⁸ Europe CRO Services Market Size, Growth. Forecast 2022–2029. URL: <https://www.fortunebusinessinsights.com/europe-cro-services-market-106584>, там же Contract Manufacturing Organization Market Size, Share & Growth, 2026, CDMO Market Size, Share, Growth, Trends. Industry Report 2030.

Т а б л и ц а

Экспорт фармацевтической продукции, млрд долл. США

Страна	Сумма и место в рейтинге экспортеров						
	2011	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Германия	69 (1)	83,4 (1)	96,9 (1)	91,2 (1)	99,3 (1)	119,3 (1)	126,0 (1)
Швейцария	53,1 (2)	70,3 (2)	75,2 (2)	83,0 (2)	88,4 (2)	101,6 (2)	98,0 (2)
США	38,3 (4)	44,9 (3)	48,3 (4)	53,6 (3)	54, 0 (4)	77,9 (3)	83,5 (3)
Бельгия	47,4 (3)	28,5 (7)	31,8 (6)	38,1 (5)	45,5 (5)	73,7 (4)	76,5 (4)
Ирландия	35,3 (5)	38,4 (4)	53,1 (3)	53,4 (4)	65,8 (3)	67,5 (5)	75,6 (5)
Италия	18,9 (9)	25,7 (8)	27,8 (9)	33,7 (7)	36,1 (7)	36,7 (9)	50,8 (6)
Франция	33,2 (7)	31,4 (6)	33,9 (5)	35,6 (6)	38,0 (6)	39,0 (6)	37,6 (7)
Нидерланды	24,3 (8)	25,7 (9)	28,5 (8)	30,1 (8)	34,1 (8)	37,2 (8)	28,6 (8)
Испания	12,9 (10)	11,4 (12)	11,6 (12)	12,8 (12)	13,8 (12)	20,2 (11)	28,1 (9)
Великобритания	33,2 (6)	32,7 (5)	3 0,1 (7)	27,2 (9)	25,0 (9)	26,1 (10)	27,8 (10)
Дания	9,9 (11)	12,9 (10)	14,4 (10)	17,5 (10)	19,1 (10)	19,4 (13)	19,9 (11)
Индия	8,3 (13)	12,9 (11)	14,3 (11)	16,2 (11)	18,4 (11)	19,5 (12)	19,8 (12)
Китай	5,4 (18)	7,4 (15)	8,8 (14)	9,2 (15)	13,2 (13)	38,6 (7)	14,0 (14)
Япония	3,8 (20)	4,6 (20)	5,6 (20)	6,4 (18)	7,5 (19)	7,6 (20)	7,4 (19)
Республика Корея	1,0 (31)	2,9 (23)	3,5 (23)	3,9 (21)	6,9 (20)	8,4 (19)	6,6 (21)
Россия	0,337(47)	0,731 (41)	0,792 (40)	0,850 (38)	1,03 (36)	2,5 (25)	1,2 (33-34 ^{*)})

Источник: составлено авторами по данным ООН⁹.

^{*)} Распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 июня 2023 г. № 1495-р «О Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2030 года».

⁹ UN Comtrade – обобщенные данные по группе 30 «Лекарственные средства».

Reis & Pinto предложили центрическую модель мирового фармацевтического рынка, учитывающую внутриотраслевую международную торговлю в фармацевтической отрасли [14]. В этой модели основными центрами являются США, Германия и Швейцария, получающие наибольшую выгоду от глобальных цепочек ценности и специализирующиеся на деятельности с высокой добавленной стоимостью. Глобальной периферией авторы назвали Россию, Бразилию, Саудовскую Аравию как наименее включенные в глобальные цепи страны. В другую периферическую группу были включены такие страны, как Китай, Индия, Мексика, Венгрия и Польша, осуществляющие экспорт дешевых лекарственных препаратов с невысокой добавленной стоимостью, в структуре которой значительное место занимает импорт и отчисления за использование зарубежной интеллектуальной собственности. Между периферией и центрами находятся такие страны, как Ирландия, Израиль, Испания, Сингапур, Австрия и Италия, поставляющие на экспорт продукцию, в стоимости которой имеется умеренная доля импорта, и получающие отчисления за использование интеллектуальной собственности. С этой моделью согласуются результаты исследования международной торговли лекарственными средствами С.З. Мусави с соавторами [15]. У стран-центров также высокие показатели внутриотраслевой торговли лекарственными средствами, т.е. ведущие экспортеры также являются ведущими импортерами лекарственных средств, а у стран, находящихся в промежуточной группе или на периферии, эти показатели различны в зависимости от государственной политики в сфере обращения лекарственных средств и могут иметь прогностическое значение для оценки эффективности политики в отношении экспорта лекарственных средств.

Импортируются как новые лекарственные препараты, удовлетворяющие незакрытые потребности здравоохранения, так и аналоги имеющихся препаратов, если они имеют улучшенные свойства или экономически более доступны. В последние годы импорт лекарственных средств все чаще рассматривается как *резервный источник снабжения* в условиях риска их дефицита, что стимулирует дальнейшее увеличение экспорта в странах-производителях [16].

Профильные международные организации — Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Организация объединенных наций по промышленному развитию (ЮНИДО) и др. — при обсуждении мер помощи странам с низким и средним уровнем доходов в создании и укреплении фармацевтической промышленности рассматривают перспективу экспорта фармацевтической продукции как естественное развитие ее местного производства¹⁰.

¹⁰ Всемирный форум по вопросам местного производства: расширение доступа к лекарственным препаратам и медицинским технологиям, доклад о результатах работы первого ВФМП, 21–25 июня 2021 г. [World Local Production Forum: enhancing access to medicines and other health technologies, report of the first WLPF, 21–25 June 2021]. Женева: Всемирная организация здравоохранения; 2022 г. URL: <https://extranet.who.int/iris/restricted/bitstream/handle/10665/352374/9789240044944-rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

В фармацевтической отрасли выделяют две основные цепочки ценности: для оригинальных (инновационных) лекарственных средств и для дженериков. Они отличаются и количеством транзакций (инновационные научные исследования и разработка), и продолжительностью, а также долей импорта в них (исходные материалы, упаковочные материалы, услуги и т.д.) [17]. В случае интеграции производителей в глобальный рынок, например, после покупки зарубежной компанией, цепочка может претерпеть значительные изменения вследствие частичного или полного вывода операций из страны, изменения поставщиков материалов и услуг [17; 18; 19; 20].

В документах международных организаций, таких как ВОЗ, Европейский союз и др., неоднократно отмечалось, что лекарства — товар особый¹¹, и потому фармацевтическую отрасль сложно анализировать без понимания ее специфики и глубинных процессов, в т.ч. отраслевого государственного регулирования.

Отраслевое государственное регулирование и экспорт лекарственных средств

Выявлению и исследованию факторов, влияющих на экспорт в целом, построению различных эмпирических моделей экспорта посвящено много работ в области экономики, менеджмента и государственного управления. Наиболее часто в работах используется универсальная (внеотраслевая) модель, предложенная Л.С. Леониду [3; 8]. Все факторы, влияющие на экспорт продукции, разделены на внутренние, т.е. связанные с самой организацией, и внешние; также отмечается, что в разных секторах экономики факторы могут отличаться.

На первом «Всемирном форуме по вопросам местного производства: расширение доступа к лекарственным препаратам и медицинским технологиям», прошедшем 21–25 июня 2021 г., организованном ВОЗ, были сформулированы условия необходимые для создания, устойчивого функционирования и развития фармацевтического производства, обеспечивающего доступность лекарственных препаратов для населения, выход продукции на зарубежные рынки и устойчивые инвестиции в отрасль, включающие:

- скоординированные усилия, основанные на сотрудничестве различных заинтересованных сторон как внутри страны, в т.ч. между министерствами и ведомствами, так и на международном уровне, например, в форме передачи технологии и зарубежных инвестиций;
- последовательное развитие кадрового потенциала фармацевтической отрасли;
- устойчивое финансирование фармацевтического сектора;
- укрепление отраслевого регуляторного механизма;

¹¹ Руководство по процедурам импорта медицинских продуктов, WHO TRS № 1019, 2019 г., Annex 5.

- соблюдение международных стандартов качества;
- наличие сильного регуляторного органа, обеспечивающего приверженность следованию международным стандартам качества, эффективности и безопасности лекарственных средств¹².

Говоря о факторах, содействующих экспорту лекарственных средств, нельзя также сбрасывать со счетов *роль международного признания конкретных фирм-производителей*, точнее спонсоров (в одном лице разработчиков, держателей регистрационных удостоверений, владельцев товарных знаков и производителей) лекарственных препаратов. Такая репутация зарабатывается десятками лет благодаря последовательной поставке на мировой рынок высококачественных препаратов, подтвердивших в клинике свою эффективность и безопасность.

Взаимодействие двух факторов — высокой степени национально-го регулирования обращения лекарственных средств и международного характера их разработки, производства и потребления — обуславливает необходимость сближения требований и регуляторных механизмов различных стран и юрисдикций для успешного функционирования международной торговли фармацевтической продукцией.

Страны, занимающие в настоящее время лидирующие позиции на международном фармацевтическом рынке, *активно начали такое сближение* во второй половине прошлого столетия. Можно отметить примеры этого сближения, такие как выпуск Скандинавской фармакопеи в 1963 г., заключение Европейской фармакопейной конвенции в 1964 г., издание Директивы ЕС 65/65 о приближении положений законодательства, подзаконных актов и регуляторных документов в отношении лекарственных средств (1965 г.). В 1990 г. европейская инициатива по сближению отраслевых нормативов была расширена путем включения в процесс регуляторных органов и ассоциаций фармацевтических производителей еще двух стран: США и Японии и создания Международной конференции по гармонизации технических требований к регистрации лекарственных средств для медицинского применения (*ICH*).

В 2015 г. эта структура была преобразована в Международный совет по гармонизации требований к лекарственным средствам для медицинского применения с тем же сокращением *ICH* и *начала приобретать глобальный характер* вследствие приема новых регуляторных органов, промышленных объединений и других заинтересованных отраслевых организаций из других регионов мира. На сегодняшний день членство регуляторного органа в *ICH* означает «приверженность регуляторного органа и регулируемой им промышленности к наивысшим глобальным стандартам качества, эффективности и безопасности лекарственных средств»¹³.

¹² Всемирный форум по вопросам местного производства: расширение доступа к лекарственным препаратам и медицинским технологиям, доклад о результатах работы первого ВФМП, 21–25 июня 2021 г. URL: <https://extranet.who.int/iris/restricted/bitstream/handle/10665/352374/9789240044944-rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

¹³ Value of Membership. URL: <https://www.ich.org/page/value-membership>

Следует отметить, что в процессе гармонизации отраслевых требований, осуществляемой в рамках Европейского союза и *ICH*, в определенной степени используются материалы глобальных международных организаций — ВОЗ и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Такая гармонизация приводит к *оптимизации регуляторных процессов* за счет признания, полного или частичного, контрольно-надзорными органами оценок или решений, сделанных/принятых в других странах или юрисдикциях и исключению дублирования административных процедур, рассмотрение заявок на регистрацию препаратов и государственное инспектирование на соответствие отраслевых надлежащих правил (*GxP*). Значительно сокращаются затраты разработчиков и производителей по подготовке документации и времени прохождения этих процедур, а также издержки регуляторных органов. Это приводит к экономии ресурсов, а также ускоряет поступление новых препаратов к пациентам в странах, участвующих в гармонизации [21].

Так, в ЕС были введены процедуры регистрации препаратов, *основанные на признании всеми государствами-членами* результатов централизованной оценки заявок, а также на взаимном признании оценок досье, выполненных в отдельных странах. Наряду с этим все государства — члены ЕС взаимно признают результаты инспектирования по правилам надлежащей производственной практики (*GMP*) благодаря практике функционирования Конвенции по фармацевтическим инспекциям (*PIC*).

В 1995 г. конвенция была преобразована в менее формальную, но быстро расширяющуюся Схему сотрудничества фармацевтических инспекторов (*PIC/S*) с целью сближения стандартов производства лекарственных средств, унификации операционных процедур и документов фармацевтических инспекторов стран-членов, их кооперации и взаимодействия, обучения сотрудников. В настоящее время расширение членства в *PIC/S* идет в т.ч. за счет развивающихся стран; число организаций-участниц приближается к 60. В 2023 г. в организацию вступили инспектораты Болгарии и Саудовской Аравии, подал заявку на вступление регулятор Филиппин¹⁴.

Еще одной площадкой взаимодействия регуляторных органов можно назвать международный форум (программу) фармацевтических регуляторных органов *International Pharmaceutical Regulators Programme (IPRP)*, начавший работу не так давно. В организацию входят регуляторные органы стран из числа ведущих стран-производителей лекарственных средств, кроме Индии и Китая, в качестве наблюдателей ВОЗ и Европейский директорат по качеству лекарственных средств и здравоохранению Совета Европы (*EDQM*).

¹⁴ Pharmaceutical Inspection Co-operation Scheme. URL: <https://picscheme.org/en/picscheme>

ВОЗ выделяет *два принципиально различных подхода* по сближению требований и регуляторных механизмов в сфере обращения лекарственных средств: гармонизацию и конвергенцию¹⁵.

В первом случае имеет место совместная разработка и принятие с последующим обязательным внедрением норм, требований, надлежащих практик, методик и т.п. в рамках существующих инициатив экономической интеграции стран¹⁶.

Термином «конвергенция» обозначается постепенное и добровольное сближение нормативов, требований и т.п. различных стран на основе изучения, оценки и использования материалов международных организаций (ВОЗ, ОЭСР, *ICH* и др.) или опыта отдельных государств/юрисдикций. Гармонизация и конвергенция — необходимые условия развития экспорта и импорта лекарственных средств [22; 23].

Важный элемент обоих процессов — активное участие специалистов в механизмах многостороннего сотрудничества в форме личных контактов на полях международных конгрессов, конференций и симпозиумов, в рамках рабочих совещаний и консультаций.

Упомянутое выше признание регуляторными органами оценок или решений, сделанных (принятых) в других странах и юрисдикциях, во многих случаях осуществляется на взаимной основе и базируется на договорах, соглашениях или иных официальных документах. Наряду с этим все шире распространяется практика *одностороннего признания* подобных оценок или решений авторитетных регуляторных органов. Преимущество такого подхода — отсутствие необходимости проведения подготовительных работ по составлению, согласованию и утверждению международных договоров. Поэтому в 2020 г. ВОЗ предложила концепцию *референтной регуляторной системы*¹⁷. Согласно определению ВОЗ¹⁸, это национальная или региональная система с высокими регуляторными требованиями, оценки и решения которой заслуживают доверия и потому могут быть приняты во внимание, учтены, использованы в той или иной степени или полностью признаны в других юрисдикциях. В настоящее время к референтным системам отнесены члены и наблюдатели *ICH* по состоянию до 23 октября 2015 г., т.е. регуляторные органы ЕС (включая национальные регуляторные системы государств — членов ЕС), США и Японии, Швейцарии и Канады, а также регуляторные органы, ассоциированные с членом *ICH* посредством официального соглашения о взаимном признании результатов оценок соответствия, включая уполномоченные структуры Австралии, Исландии, Лихтенштейна, и Норвегии.

¹⁵ WHO Technical Report Series, No. 1033. Annex 10 Good reliance practices in the regulation of medicinal products: high level principles and considerations. 255 p.

¹⁶ Например, для России гармонизацией является участие в создании пакета отраслевых нормативов ЕАЭС, для государств Западной Европы — сотрудничество в пределах ЕС.

¹⁷ PUBLIC CONSULTATION: Policy on Evaluating and publicly designating regulatory authorities as WHO listed authorities. URL: <https://prais.paho.org/en/public-consultation-wla/>

¹⁸ WHO Technical Report Series, No. 1033. 41 p.

Очевидно, что страны – потенциальные экспортеры, регуляторные системы которых признаны *референтными*, имеют *существенные преимущества* в конкуренции на мировом рынке, т.к. наличие такого статуса свидетельствует о надежном качестве выпускаемых на территории страны лекарственных средств, соответствующих международно признанным требованиям. Этот статус также поддерживает уверенность пациентов и врачей в стране производства в высокой надежности регуляторной системы по защите потребителей лекарственных средств.

В настоящее время механизмом получения регуляторным органом такого статуса представляется инициатива ВОЗ по оценке функциональности (зрелости) регуляторных систем (*GBT*)¹⁹. Используемая ВОЗ система оценок включает широкую палитру индикаторов, важнейшие из которых касаются внедрения Правил надлежащей регуляторной практики (*GRP*) и связанных с ней руководств: Практики рассмотрения заявок на регистрацию препаратов (*Good Review Practice – GRevP*), Практики учета и использования оценок и решений, сделанных/принятых в других юрисдикциях (*Good Reliance Practice – GRelP*) и др.

Анализ регуляторных решений, содействующих экспорту лекарственных средств

Для выявления аспектов государственного регулирования, оказывающих влияние на экспорт лекарственных средств, был проведен анализ влияния отраслевых регуляторных систем разных стран (США, стран Европейского союза, Швейцарии, Индии, Китая, Республики Кореи, Японии, Ирана) на поддержание и развитие экспорта лекарственных средств. В ходе работы изучали промышленную политику в отношении фармацевтической отрасли в целом и ее отдельные элементы, имеющиеся инициативы и программы, работы по гармонизации регуляторных систем, регуляторные органы и используемые ими процедуры. В настоящей статье представлены результаты исследования стран – лидеров по экспорту лекарственных средств.

Следует отметить, что развитие фармацевтической промышленности в странах-лидерах шло приблизительно одинаково. По обе стороны Атлантического океана функция производства лекарственных средств начала отделяться от деятельности аптечных учреждений *во второй половине XIX в.*, хотя первые компании-производители лекарств возникли значительно раньше (Э. Мерк в Германии – 1668 г.). После Второй мировой войны фармацевтический сектор этих стран характеризовался активным поиском новых лекарственных средств и введением в практику до 100 новых препаратов ежегодно (т.н. «терапевтическая революция», иначе «эпоха чудесных лекарств», или эпоха блокбастеров). В отрасли

¹⁹ A Framework for evaluating and publicly designating regulatory authorities as WHO Listed Authorities (WLA). URL: <https://www.who.int/initiatives/who-listed-authority-reg-authorities>

выделилась категория предприятий-разработчиков и производителей (спонсоров) инновационных препаратов (брендов).

Два десятилетия спустя (после завершения срока патентной защиты на первые бренды) *возникла новая подотрасль*: производство копий инновационных препаратов-дженериков. Это, в свою очередь, привело к росту сектора производителей активных фармацевтических субстанций — сырья для получения дженериков. Традиционные для отрасли компании, выпускавшие галеновые формы на основе хорошо изученных действующих веществ, потеряли лидирующую роль; их стали объединять под названием производителей безрецептурных лекарств. В образовавшихся таким образом подотраслях фармацевтической промышленности сложились различные бизнес-стратегии, важными частями которых были отношения к качеству продукции и к ее экспорту. Для спонсоров инновационных препаратов экспорт продукции особенно важен. При этом обеспечение высокого качества продукции рассматривается не как затратный фактор, но как конкурентное преимущество.

Первоначально драйвером экспорта этих лекарственных средств был повышенный спрос со стороны зарубежных пациентов и медработников. Во второй половине прошлого столетия в связи с ужесточением регуляторных требований к безопасности и эффективности вводимых в медицинскую практику препаратов резко возросли затраты спонсоров на разработку и изучение своих продуктов. В этих условиях для возмещения затрат на введение в практику нового препарата в разумные сроки (порядка 3–5 лет) стал необходим его экспорт в несколько стран одновременно с поставками на местный рынок. У производителей других категорий лекарственных средств подобной зависимости от экспорта не возникало. Для дженериков, закупаемых часто на торгах (по тендерам), основным оружием завоевания рынка являются конкурентные цены, основанные на низкой себестоимости. Такой подход в условиях слабой регуляторной системы может вести к компромиссам в части качества продукции.

США. Экспорт лекарственных средств из страны в 2022 г. составил 83,5 млрд долл., что в 2 раза превышает данные 2013 г. (см. таблицу). Ведущие американские компании *Pfizer, Eli Lilly, Upjohn, Abbot, Lederle* и др. начали создаваться с середины XIX в. Некоторые фирмы были образованы позднее на базе отделений европейских производителей (*Roche, MSD*). В XX в. они начали экспортировать продукцию в Европу, затем в другие регионы мира, что *содействовало приобретению репутации поставщиков эффективных и качественных лекарственных средств* не только в США, но и за их пределами. В настоящее время в результате слияний и поглощений названия многих из них изменились. Это замечание справедливо и для других европейских, швейцарских и японских фармацевтических компаний, упомянутых далее.

Фармацевтическая отрасль является одним из основных драйверов экономики США, обеспечивая производство 3,7% валового годового продукта и самые большие инвестиции в научно-исследовательские раз-

работки среди наукоемких отраслей экономики²⁰. В стране работает 1 574 производственные площадки, около 900 тыс. чел. в самой отрасли и еще около 4,4 млн — в товаропроводящей сети и связанных отраслях²¹.

США — единственная страна с развитой экономикой, пока *не регулирующая цены на лекарственные средства* административными мерами. По этой причине цены на лекарственные препараты в этой стране значительно выше, чем в других странах мира. При этом государство стимулирует появление на рынке воспроизведенных препаратов (дженериков), что ведет к резкому снижению цен на оригинальные препараты (бренды) аналогичного состава и действия. Поэтому многие производители и экспортеры фармацевтической продукции как брендов, так и дженериков ориентированы на американский рынок. Кроме того, подобная ситуация содействует росту местного производства лекарственных средств, в т.ч. за счет появления мелких и слабых в техническом отношении предприятий, что повышает риск поступления пациентам продукции ненадлежащего качества. Такое положение, в свою очередь, вынуждает национального регулятора повышать требования к качеству продукции как местного производства, так и импортируемой.

С другой стороны, государство оказывает большую финансовую поддержку инновациям в фармацевтической отрасли через систему грантов Национальных институтов здоровья (*NIH*) и научные разработки, проводимые самим *NIH*, Агентством по продвинутому биомедицинским исследованиям (*BARDA*), Агентством по продвинутым исследовательским проектам в области обороны (*DAPRA*)²². Отдельно через Управление по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных средств (*FDA*) финансируются проекты по развитию регуляторной науки, включая создание и функционирование на базе университетов Центров передового опыта по регуляторной науке и инновациям (*CERSI*)²³, Национальных центров передового опыта по продвинутому производству и непрерывному производству (*NCEs*)²⁴. Также законодательством США предусмотрены специальные кредитные схемы по финансированию поисковых работ и разработки лекарственных средств, клинической разработки орфанных лекарственных средств; исключение из налогооблагаемой базы расходов на экспериментальные и научно-

²⁰ Four ways that America's biopharmaceutical industry supports jobs and fuels economic growth. URL: <https://phrma.org/blog/four-ways-that-americas-biopharmaceutical-industry-supports-jobs-and-fuels-economic-growth>

²¹ America's Biopharmaceutical Companies Continue to Expand Advanced Manufacturing Across the Country. URL: <https://phrma.org/-/media/Project/PhRMA/PhRMA-Org/PhRMA-Refresh/Fact-Sheets/P-R/PhRMA-RD-Mfg-Infographic-Final-100322.pdf>

²² European pharmaceutical research and development. Could public infrastructure overcome market failures. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/697197/EPRS_STU\(2021\)697197_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/697197/EPRS_STU(2021)697197_EN.pdf)

²³ Federal grants // Search Grants. GRANTS.GOV — поиск по названию агентства FDA.

²⁴ Bill National Centers of Excellence in Advanced and Continuous Pharmaceutical Manufacturing Act of 2021 // Titles - H.R.4369 — 117th Congress (2021–2022): National Centers of Excellence in Advanced and Continuous Pharmaceutical Manufacturing Act of 2021. Congress.gov. Library of Congress.

исследовательские работы²⁵. В 2021 г. было начато государственное финансирование импортозамещения фармацевтических субстанций и готовых лекарственных форм²⁶, увеличилось финансирование проектов по продвинутым технологиям, запущены проекты по прослеживаемости источников фармацевтических субстанций и лекарственных форм²⁷.

Несмотря на такую огромную поддержку, в последние время, по мнению *Information Technology and Innovation Foundation*, эффективность инвестиций фармацевтических компаний снижается, и лидерство страны сохраняется за счет значительной государственной поддержки. Чтобы сохранить лидерство, предлагается отказаться от идеи введения контроля цен на лекарственные средства, ввести дополнительные льготы фармацевтическому бизнесу, включить финансирование аспирантских программ в национальную программу по поддержке обучения талантливых выпускников университетов в области инженерных, математических наук, наук о жизни в научно-исследовательских магистратурах и докторантурах²⁸.

Все контрольно-разрешительные функции по лекарственным средствам, а также медицинским изделиям и другой продукции *сконцентрированы* в одном регуляторном органе – *FDA* США. Финансовые и кадровые ресурсы, международное признание этой национальной организации сравнимы с ВОЗ, обслуживающей интересы охраны общественного здоровья более 200 государств. Законодательством *FDA* предоставлена значительная административная и финансовая независимость.

Следует отметить, что в США практика государственного регулирования лекарственного рынка началась раньше, чем в других странах. Также в этой стране впервые была показана связь между ростом экспорта потребительских товаров, в т.ч. лекарственных средств, и строгостью государственного контроля их качества.

FDA регулярно выступает с инициативами по совершенствованию регуляторной практики, оказывающими существенное влияние на политику других государств и поддерживаемыми международными организациями – ОЭСР и ВОЗ, а также *ICH*. Это, например, введение правил *GMP* в 1963 г., а затем правил надлежащей лабораторной практики (*GLP*) и правил надлежащей клинической практики (*GCP*), введение теперь уже повсеместной административной процедуры по ре-

²⁵ US Government Accountability Office. Report 2017. Drug Industry, Profits, Research and Development Spending, and Merger and Acquisition Deals. URL: <https://www.gao.gov/assets/gao-18-40.pdf>, DRUG INDUSTRY: Profits, Research and Development Spending, and Merger and Acquisition Deals.

²⁶ FACT SHEET: Biden-Harris Administration Announces Supply Chain Disruptions Task Force to Address Short-Term Supply Chain Discontinuities. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/08/fact-sheet-biden-harris-administration-announces-supply-chain-disruptions-task-force-to-address-short-term-supply-chain-discontinuities/>

²⁷ Biden administration acts to secure US pharmaceutical supply chain. URL: <https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/international-trade-and-supply-chain/pharmaceutical-supply-chain/>

²⁸ U.S. Pharmaceutical Industry Maintaining Global Leadership. URL: <https://www.gray.com/insights/assuring-the-global-leadership-of-the-u-s-pharmaceutical-industry/>

гистрации дженериков без представления результатов доклинических и клинических исследований. В 2002 г. *FDA* обнародовала пакет регуляторных инициатив под названием «Правила *GMP* для XXI в. Риск-ориентированный подход», которые затем были развиты *ICH* в новую концепцию — «глобальную систему фармацевтического качества», охватывающую все этапы жизненного цикла лекарственных препаратов. Разработанные на основе концепции руководства *ICH Q8-Q11* применяются во многих странах мира. В 2011 г. была предложена принципиально новая трактовка понятия валидации технологических процессов в рамках правил *GMP*. Американский регулятор продолжает поиски путей повышения эффективности национальной контрольно-надзорной системы, ускорения административных процедур и научной экспертизы. В регуляторную практику были введены такие подходы, как приоритетное рассмотрение (*priority review*), ускоренное рассмотрение (*fast track*), скользящий обзор (*rolling review*) и др.; развивается система индексов функциональности систем качества фармацевтических производителей. В целом за *FDA* утвердилась репутация мирового лидера в сфере нормативно-правового регулирования фармацевтического сектора.

Следует отметить и системные усилия регуляторного органа США по цифровизации национальной фармацевтической отрасли и внедрению в практику различных систем с искусственным интеллектом (ИИ).

Так, активно продвигается разработка подходов по использованию в регистрационных документах доказательств и данных реального мира (*real-world evidence*), принципов их получения из реальных данных (*real-world-data*), достоверности данных, получаемых при различных виртуальных симуляциях и моделировании процессов (например, *PAT*-технологии, виртуальные двойники технологических процессов, моделирование экстраполяции доклинических данных на токсичность лекарственного вещества у человека и т.д.), использование ИИ для анализа различных данных и для укорочения административных процедур.

FDA — основатель *ICH* и член *PIC/S*, референтный регуляторный орган ВОЗ. США имеют соглашения с ЕС и со Швейцарией о взаимном признании результатов инспектирования по *GMP*, которые еще не заработали в полную силу.

Отдельно следует отметить одну из инициатив *FDA* — по введению в 2011 г. в свои процессы принятия регуляторного решения (на любом этапе жизненного цикла продукта) на основе научного подхода, другими словами, государственное регулирование и правоприменительную практику, основанные на научных доказательствах и принципах. Планы собственных и заказных исследований по развитию регуляторной науки, изучению регуляторных решений за прошедшее время стали более четкими и предметными; на базе ведущих американских университетов созданы финансируемые агентством четыре центра по регуляторной науке и инновациям; ведется подготовка экспертов по регуляторной науке в магистерских программах, студентам предлагаются стажировки в агентстве [24; 25].

Вместе с тем следует уточнить, что практика контроля/надзора в оптовом сегменте отрасли в этой стране существенным образом отстает от стран ЕС (отсутствуют правила надлежащей дистрибьюторской практики, лицензирование дистрибьюторов осуществляется местными органами здравоохранения на основе минимальных требований и т.п.).

Европейский союз. По данным ООН, экспорт лекарственных средств из стран ЕС в период с 2009 по 2022 г. увеличился почти в 2,4 раза от приблизительно 121 млрд до 291 млрд долл. США (см. таблицу). Мировой авторитет крупных европейских фармацевтических производителей начал создаваться в конце XIX в. В XX ст. особенных успехов в экспорте лекарственных средств достигли, в частности, германские, британские, французские, бельгийские и итальянские компании: *E. Merck, Hoechst, Bayer, ICI, Bristol, Beecham, Glaxo, Rhône-Pulenc, Sanofi, Menarini, UCB* и др.

По состоянию на 2020 г. в странах ЕС функционировали 4 тыс. предприятий, выпускающих фармацевтическую продукцию, на которых работало приблизительно 638 тыс. чел.²⁹ Европейская фармацевтическая отрасль и связанные с ней смежные сектора экономики оказывают существенный вклад в экономику ЕС в отношении добавленной стоимости, высококвалифицированных рабочих мест, инвестиций в научно-исследовательскую деятельность и инновации³⁰.

Как и в США, основная государственная поддержка в области лекарственных средств направлена на поддержку научных исследований и инноваций. Финансирование осуществляется через различные источники, основными из которых являются³¹:

1. Программа *Health4EU* — основная программа по финансированию проектов в области здравоохранения, включая исследования в области лекарственных средств (также через нее будут финансироваться инициативы в обсуждаемой далее Фармацевтической стратегии Европы).

2. Структурные семилетние программы по исследованиям и инновациям (*the 7th Framework Programme, Horizon 2020, и Horizon Europe*), наиболее активно используемые для поддержки совместных проектов университетов и фармацевтических компаний.

3. Частно-государственное партнерство между Европейской комиссией и Европейской Федерацией фармацевтических предприятий и ассоциаций (*EFPIA*) — Инициатива по инновационным лекарственными препаратами (*IMI*). В 2021 г. она была преобразована в Инициативу по инновационному здоровью (*IHI*), охватывающую медицинскую промышленность и расширяющую спектр поддерживаемых проектов (от разработки до исследований в области регуляторной науки, разра-

²⁹ Businesses in the manufacturing sector. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Businesses_in_the_manufacturing_sector

³⁰ European pharmaceutical research and development. Could public infrastructure overcome market failures. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/697197/EPRS_STU\(2021\)697197_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/697197/EPRS_STU(2021)697197_EN.pdf)

³¹ Research and Innovation. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls_en

ботки методологий различных исследований в пострегистрационный период и др.)³².

Также в конце 2021 г. были созданы Служба по чрезвычайным ситуациям в здравоохранении (*HERA*), похожая на американскую *BARDA*, с достаточно большим инвестиционным фондом³³ и Агентство по здоровью и цифровизации (*HaDEA*), которое осуществляет инвестиционную деятельность в рамках основной программы *Health4EU*.

В рамках всего ЕС фармацевтическим регуляторным органом является Европейская комиссия и Европейское агентство по лекарственным средствам (*EMA*). В каждой стране ЕС также есть национальные фармацевтические регуляторные органы. Европейская регуляторная система, основанная на сочетании централизованной (на уровне ЕС) регистрации инновационных препаратов и разрешения дженериков на национальном уровне, постоянно совершенствуется.

В ноябре 2020 г. была опубликована Фармацевтическая стратегия Европы (далее — Стратегия). Она содержала задачи по дальнейшему развитию этого сектора³⁴ и соотнесена с другими программами — по устойчивости экономики ЕС, Европейскому плану по борьбе с онкологическими заболеваниями и Европейской стратегией по цифровизации [26].

В Стратегии выделены четыре основные области: реформа отраслевого законодательства для стимуляции решений неудовлетворенных потребностей пациентов и систем здравоохранения и обеспечения равного доступа к лекарственной помощи (в апреле 2023 г. были опубликованы предложения по законодательной реформе); введение альтернативных парадигм для поддержки конкурентоспособности и инноваций в фармацевтической отрасли; продвижение культуры координации, а не конкуренции в рамках Европейского союза, а также очередная реформа регуляторной системы, направленная на поддержание высокорепутационных решений по регистрации лекарственных препаратов, принимаемых прозрачными и ответственными регуляторными органами; переход от неизбирательных форм поддержки фармкомпаний к сфокусированным мерам поощрения разработчиков препаратов для незакрытых нужд здравоохранения, в т.ч. для лечения/профилактики орфанных заболеваний, а также дополнительные меры защиты данных разработчиков новых препаратов. Предполагается, что это позволит сохранить ситуацию в нормативной сфере, благоприятную для разработки, внедрения и производства лекарственных средств в Европе и будет содействовать дальнейшему укреплению конкурентоспособности отрасли на мировом рынке.

Стратегия предусматривает следующее: изучение новых подходов к оценке научных результатов, подтверждающих безопасность и эф-

³² Innovative Health Initiative. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls_en

³³ Departments and executive agencies. URL: https://commission.europa.eu/about-european-commission/departments-and-executive-agencies_en

³⁴ Pharmaceutical Strategy for Europe. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0761>

фективность лекарственных средств; ускорение процедуры регистрации лекарственных препаратов с 210 до 180 дней (150 дней в случаях препаратов, особо важных для здравоохранения) за счет использования цифровизации и искусственного интеллекта, а также новых административных процедур, таких как «скользящая экспертиза» (*rolling review*); приоритетное рассмотрение заявок на регистрацию наиболее необходимых для здравоохранения средств; научную консультацию спонсоров на этапе разработки препаратов.

Предполагается допустить использование доказательств и данных реального мира (*real-world evidence*), компьютерного моделирования и искусственного интеллекта. В этой связи *вводится новый термин* «регуляторная песочница» (*Regulatory sandbox*), означающий возможность экспериментального применения принципиально новых регуляторных подходов к оценке инновационных препаратов.

Также планируется реорганизация *ЕМА* (сокращение числа научных комитетов) и расширение функций агентства. В составе Агентства создается инспекторат для оказания поддержки национальных регуляторов, в частности для инспектирования предприятий в рамках процедур регистрации препаратов и последующего надзора. Также в функции агентства включен мониторинг ситуации с дефектурой лекарственных препаратов и помощь национальным органам здравоохранения.

Важный компонент Стратегии — *достижение открытой стратегической автономии* (по сути — импортозамещение), предусматривающее расширение производства лекарственных препаратов и фармацевтических субстанций на территории ЕС.

Европейская комиссия с *ЕМА* является учредителем *ICH*, признана ВОЗ референтным регуляторным органом. Комиссия осуществляет тесное сотрудничество с *PIC/S* в части гармонизации правил *GMP*, порядка инспектирования и др. ЕС имеет соглашения с США, Японией, Швейцарией, Канадой, Австралией, Израилем и Новой Зеландией о взаимном признании результатов *GMP*-инспекций. Как отмечено выше, соглашение с США не вступило в полную силу.

Как и *FDA*, европейский регуляторный орган использует в своей деятельности *принципы регуляторной науки*. Также *ЕМА* участвует в проектах по регуляторной науке, реализуемых университетами в сотрудничестве с фармацевтическими компаниями, финансируемых через вышеупомянутые программы ЕС, включая участие агентства в качестве партнера или консультантов [27]. Для оптимизации работ, проводимых университетами и научными центрами, *ЕМА* выдвинуло целый ряд инициатив: от бесплатных консультаций на ранних стадиях разработки до бесплатного научного консультирования и подготовки протоколов исследования для орфанных препаратов³⁵. В 2021 г. *ЕМА* впервые опубликовало

³⁵ EMA tools available to medicines' developers from academic sector. URL: https://www.ema.europa.eu/en/documents/leaflet/ema-tools-available-medicines-developers-academic-sector_en.pdf

перечень требуемых регуляторных исследований³⁶, который периодически уточняется; ожидается, что эти проекты будут финансироваться через программу *IMI*. Для подготовки экспертов в области регуляторной науки *EMA* с минздравами стран ЕС запустил в 2023 г. пилотный проект продолжительностью 1 год по привлечению специалистов в области онкологии к научному консультированию и оценке регистрационных досье. Так же, как и *FDA*, агентство стало предлагать стажировки на своей базе³⁷. Следует упомянуть, что многочисленные образовательные инициативы по разработке программ повышения квалификации, магистерских программ и комплекса мероприятий по развитию аспирантуры в области фармацевтических наук были реализованы в мероприятиях *IMI*.

Швейцария. Экспорт лекарственных средств из Швейцарии оценивается почти в 100 млрд долл. США (см табл. 1). Фармацевтическая промышленность — исторически один из главных секторов швейцарской промышленности. По данным 2018 г. в стране имелось 266 производителей лекарственных средств, на которых работало около 47 тыс. чел.³⁸ и 209 тыс. — в связанных секторах³⁹.

В связи с малым объемом внутреннего рынка (население менее 7 млн чел.) фармацевтическая промышленность страны изначально ориентировалась преимущественно на экспорт. Этому также содействовало географическое положение страны (центр Европы). Не случайно фирмы, заложившие основу производства лекарственных средств этой страны (*Ciba, Geigy, Sandoz u Hoffmann-La Roche*), создавались в г. Базеле — в месте схождения границ трех государств: Швейцарии, Германии и Франции и на берегу реки Рейн, важной для Европы транспортной артерии. Ориентация на экспорт привела отрасль к необходимости следовать зарубежным, в первую очередь европейским, нормативам в части обеспечения качества, безопасности и эффективности лекарственных средств.

Следует отметить существовавшее до последнего времени *отставание* швейцарской фармацевтической регуляторной системы от соседних стран. Фармакопейные нормы появились в стране достаточно рано: первый выпуск сборника стандартов *Pharmacopoeia Helvetica* датировался 1771 г. Однако такие издания носили частный характер и к тому же признавались лишь в отдельных городах или территориях страны (кантонах). В настоящее время в Швейцарии действует Европейская фармакопея. Требования национального компендиума *Pharmacopoeia Helvetica* дополняют ее с учетом особенностей местного лекарственного рынка.

³⁶ EMA launches the Regulatory Science Research Needs initiative. URL: <https://www.ema.europa.eu/en/news/ema-launches-regulatory-science-research-needs-initiative>

³⁷ EMA. Partners and networks. URL: <https://www.ema.europa.eu/en/partners-networks/academia>

³⁸ Statistical Yearbook of Switzerland - Statistical Data on Switzerland — 2021. URL: <https://www.bfs.admin.ch/bfs/en/home/statistics/catalogues-databases/publications/overviews/statistical-yearbook-switzerland.assetdetail.15864472.html>

³⁹ Pharmaceutical HUB Switzerland 2022. <https://www.bfs.admin.ch/bfs/en/home/statistics/catalogues-databases/publications/overviews/statistical-yearbook-switzerland.assetdetail.15864472.html>

В XX в. фармацевтическое государственное регулирование осуществлялось субъектами конфедерации (более 20 кантонов). На национальном уровне эта функция координировалась весьма скромной по ресурсам и полномочиям структурой — Межкантональным бюро по контролю лекарственных средств (*IKS*). Современный регуляторный орган — институт, иначе агентство (*Swissmedic*) — был создан лишь в 2002 г.

Swissmedic — участник *ICH* и член *PIC/S*. Страна имеет соглашение с ЕС о взаимном признании результатов инспектирования по *GMP*.

В 2019 г. был запущен четвертый пакет регуляторных инициатив по гармонизации национальных требований и процедур с законодательством ЕС по фармацевтической отрасли, включая публикацию экспертных отчетов, внесение данных о *GMP* сертификатов в единую базу *Eudra-GMDP*, планов по фармаконадзору, упрощению процедур государственной регистрации некоторых групп препаратов и др.⁴⁰

Государственная поддержка оказывается научным исследованиям в области наук о жизни, а прикладным — в совместных проектах университетов и фармацевтических компаний⁴¹. Регуляторная наука преподается в швейцарских университетах, но какой-либо государственной программы по ее развитию или внедрению в практику регуляторного органа нет.

Таким образом, швейцарская фармацевтическая промышленность для достижения коммерческого успеха *была вынуждена регулировать сама себя* по показателям качества на основе зарубежных нормативов и правил. Этому содействовал процесс создания филиалов швейцарских компаний в странах Европы, в США, а затем и в Японии, а также открытие в стране отделений иностранных компаний.

Япония. По данным ООН, экспорт лекарственных средств из Японии в период с 2009 по 2022 г. увеличился почти в два раза: от приблизительно 3,4 млрд до 7,4 млрд долл. США (см. таблицу), как и в других странах с высоко развитой фармацевтической промышленностью. В стране около 800 фармацевтических компаний, на которых работает более 360 тыс. чел.⁴² Национальный фармацевтический рынок находится на 1–2 месте после США [28].

Японская фармацевтическая промышленность начала активно развиваться после окончания Второй мировой войны. Однако механизм этого развития принципиальным образом отличался от механизма развития отрасли в других странах. Длительное время японские компании предпочитали покупать лицензии на право производства и реализации лекарственных препаратов. Правительство искусственно ограничивало открытие в стране отделений иностранных компаний. В 1965–1967 гг.,

⁴⁰ Switzerland: The new Swiss regulatory framework. URL: <https://www.pharmaworldmagazine.com/switzerland-the-new-swiss-regulatory-framework/>

⁴¹ Global Dose: Focus on Switzerland. URL: <https://www.pharmamanufacturing.com/home/article/11291499/global-dose-focus-on-switzerland>

⁴² Statistics Bureau of Japan. URL: <https://www.stat.go.jp/english/>

а затем в 80-х гг. прошлого столетия в Японии была проведена модернизация фармацевтического государственного регулирования. В 1976 г. изменено патентное законодательство, что привело к росту совместных предприятий и образованию отделений зарубежных фирм. В последующее десятилетие успехи отрасли на внутреннем рынке были дополнены ростом прямого экспорта фармацевтической продукции и созданием филиалов японских компаний в Европе и США.

Структура японских регуляторных органов включает органы государственного управления трех уровней:

1. Министерство здравоохранения, труда и социальной защиты (*MHLW*), осуществляющее государственное регулирование сферы обращения лекарственных средств, медицинских изделий, косметической продукции.

2. Агентство по лекарственным средствам и медицинским изделиям (*PMDA*), выполняющее контрольные и экспертные функции.

3. Региональные органы управления-префектуры, осуществляющие лицензирование производства лекарственных средств, фармацевтической деятельности [29].

С учетом выхода японских фирм на мировой рынок отраслевая ассоциация производителей страны, а вместе с ней и национальный регулятор в 1990 г. были приглашены участвовать в *ICH*. Национальный регуляторный орган является членом *PIC/S*, признан ВОЗ референтным регуляторным органом. Страна имеет соглашение с ЕС о взаимном признании результатов инспектирования по *GMP*.

Современные программы по поддержке японской фармацевтической промышленности берут начало от национальной программы «Возрождение и рост Японии», инициированной руководством страны в 2013 г., в которой провозглашена национальная цель — стать страной инноваций и в которой фармацевтическая отрасль названа стратегической. Издан закон о развитии здравоохранения и медицинской стратегии, в котором определены задачи по реформированию государственного регулирования лекарственных средств, усилению биомедицинских исследований и ряд мер по созданию новой бизнес-системы, создающей инновации для нужд здравоохранения. Также в эти годы было пересмотрено отраслевое законодательство, целенаправленно созданы условия для развития *продуктов для регенеративной медицины*, которую рассматривают как один из драйверов развития, и поставлена цель достижения в этой области глобального лидерства [30].

В рамках этой программы было создано Японское агентство по медицинским исследованиям и разработке⁴³, оптимизирована работа Национальных институтов здоровья⁴⁴, через которые осуществляется государственная поддержка инноваций в фармацевтической отрасли.

⁴³ History // Japan Agency for Medical Research and Development. URL: <https://www.amed.go.jp/en/aboutus/history.html>

⁴⁴ History // National Institute of Health Sciences. URL: <http://www.nihs.go.jp/english/nihs/index.html#enkaku>

Также поддержка отрасли предусмотрена в рамках пятилетних базовых планов в области науки и технологий⁴⁵.

В 2015 г. Минздрав Японии сформулировал десятилетнюю Стратегию международной фармацевтической регуляторной гармонизации — Инициатива по регуляторной науке⁴⁶, в которой развитие *регуляторной науки* и *глобальной гармонизации* определены как способ развития собственной фармацевтической и медицинской промышленности, регенеративной медицины, продвижения в страны Азии, страны БРИКС, на рынки США и ЕС, повышения авторитета национальной регуляторной системы и фармацевтической отрасли, в частности, получения международного признания японской регуляторной системы в качестве референтной, т.е. заслуживающей учета и признания ее регуляторных оценок и решений в других юрисдикциях. В рамках мер по повышению прозрачности и предсказуемости решений регуляторного органа в 2014 г. начал работать Научный совет при *PMDA*, а в 2018 г. — Департамент регуляторной науки; поступательно расширяется национальная база реальных медицинских данных *MID-NET* и ее использование для принятия решений. В 2016 г. был открыт Азиатский образовательный центр по регуляторным вопросам в области лекарственных средств и медицинских изделий (далее — Центр), через который осуществляется трансляция знаний о японской регуляторной системе, принципах регуляторной науки, японском *know-how* в этой области, включая распространение японских регуляторных документов на английском языке.

В 2017 г. Центр признан центром передового опыта Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в области регуляторной науки по медицинским изделиям, клиническим исследованиям и фармаконадзору⁴⁷. В 2023 г. подписано соглашение о сотрудничестве с ВОЗ по совместному развитию компетенций регуляторных органов АТЭС⁴⁸. *MHLW* вместе с *PMDA* признаны АТЭС лидерами в области надлежащего управления регистрацией, клинических исследований и *GCP*-инспектирования⁴⁹. В качестве приоритетных были признаны рынки Юго-Восточной Азии и Африки, поэтому дополнительно были приняты еще две инициативы по продвижению японской промышленности, в т.ч. медицинской и фармацевтической: Азиатская инициатива по поддержке здоровья и благополучия (*Asia Health and*

⁴⁵ Science, Technology, and Innovation Basic Plan, 2021. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/english/sti_basic_plan.pdf

⁴⁶ International Pharmaceutical Regulatory Harmonization Strategy. Regulatory Science Initiative, 2015 // Ministry of Health, Labour and Welfare. URL: <https://www.mhlw.go.jp/english/policy/health-medical/pharmaceuticals/dl/150827-01-01.pdf>

⁴⁷ Centers of Excellence. URL: <https://www.apec.org/RHSC/Contact-Us/Centers-of-Excellence>

⁴⁸ Cooperation between WHO and PMDA on training for regulatory authorities // Pharmaceuticals and Medical Devices Agency. URL: <https://www.pmda.go.jp/english/int-activities/0010.html>

⁴⁹ Priority Work Areas Champions. URL: <https://www.apec.org/RHSC/Contact-Us/Priority-Work-Areas-Champions>

Wellbeing Initiative) и Африканская инициатива по здоровью (*African Health Initiative*)⁵⁰. Последняя предусматривает участие Японии в создании медицинской и фармацевтической инфраструктуры (локальные предприятия и инфраструктура для доставки продукции до конечного потребителя).

Была усилена поддержка биомедицинских научных исследований через созданное Японское агентство по медицинским исследованиям и разработкам.

Из важных инициатив, оказывающих влияние на экспорт, следует выделить:

- продвижение Японской фармакопеи в качестве референтной;
- активацию взаимодействия с регуляторными органами других стран по формированию взаимного доверия и последующего одностороннего и двустороннего признания результатов инспекций и научных экспертиз, в т.ч. путем совместной оценки заявлений на проведение клинических исследований и регистрационных досье;
- повышение международного авторитета японских регуляторных органов путем активации работы в *ICH*, *ICMRA* и ОЭСР;
- создание в перспективе совместными усилиями заинтересованных стран — членов ассоциации государств Юго-Восточной Азии и АТЭС Азиатского агентства по лекарственным средствам.

Текущий базовый план в области науки и технологий предусматривает *государственное финансирование подготовки* для японской регуляторной системы и фармацевтической отрасли *биостатистиков и специалистов по регуляторной науке*. Участвовать в университетских образовательных программах в области регуляторной науки *PMDA* начал еще в 2009 г. С 2015 г. *PMDA* начал заключать соглашения с университетами и клиническими центрами по партнерству в области регуляторной науки, включая участие специалистов агентства в обучении и стажировке обучающихся и научных сотрудников в агентстве [24].

Заключение

Проведенный анализ государственного регулирования в странах — лидерах в области экспорта лекарственных средств показывает, что успешные показатели экспорта лекарственных средств стран/регионов ассоциируются с несколькими факторами.

Первый. Наличие в отрасли крупных компаний — разработчиков инновационных препаратов и (или) производителей высококачественных лекарственных средств, получивших международное признание и доверие пациентов и медицинской общественности.

Второй. Наличие национальной/региональной отраслевой контрольно-разрешительной системы, основанной на применении инно-

⁵⁰ Headquarters for Healthcare Policy. Documents // Prime Minister's Office of Japan. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/singi/kenkouiryou/en/index.html>

вационных научных методов оценки лекарственных средств и прогрессивных регуляторных подходов и управляемой регуляторным органом, имеющим высокий международный авторитет, включая статус референтного регуляторного органа.

Третий. Использование регуляторной науки в качестве научной базы фармацевтического государственного регулирования и обеспечения прозрачности и предсказуемости решений регуляторного органа; постоянное совершенствование регуляторной системы.

Четвертый. Постоянное активное участие отраслевого регулятора и производителей в процессах международной гармонизации отраслевых нормативов и надлежащих практик *GxP*.

Пятый. Благоприятная деловая среда (экосистема в терминологии последних лет), включающая налоговое и таможенное законодательство, нормы охраны интеллектуальной собственности, лекарственное возмещение для потребителей и др.

Шестой. Сфокусированная на поддержании лидерства в инновациях, возможно только в определенном сегменте фармацевтической отрасли, государственная экономическая поддержка промышленности в части затрат на научно-исследовательские работы.

Полученные результаты показывают общие тенденции в области фармацевтического государственного регулирования и удачные регуляторные решения, которые можно использовать при разработке планов реализации Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации до 2030 года.

Список литературы

1. Arndt C., Buch C.M., Mattes A. Disentangling barriers to internationalization // Canadian Journal of Economics. 2012. Vol. 45. N 1. P. 41–63.
2. Чугунова А.В., Ключко О.А. Взаимосвязь трансграничных слияний и поглощений и международной торговли: опыт фармацевтической отрасли России: 1 // Экономическая наука современной России. 2020. № 1. С. 81–94.
3. Leonidou L.C. An Analysis of the Barriers Hindering Small Business Export Development // Journal of Small Business Management. 2004. Vol. 42. N 3. P. 279–302.
4. Hatzichronoglou T. Revision of the High-Technology Sector and Product Classification // OECD Science, Technology and Industry Working Papers. 1997. N 1997/02. URL: <https://www.cepal.org/sites/default/files/events/files/septima-reunion-gtci-revision-high-technology-sector-product-classification-thomas-hatzichronoglou.pdf>
5. Garattini L., Padula A. Competition in pharmaceuticals: more product- than price-oriented? // The European Journal of Health Economics. 2018. Vol. 19. N 1. P. 1–4.
6. Mahajan V. Structural changes and trade competitiveness in the Indian pharmaceutical industry in product patent regime // International Journal of Pharmaceutical and Healthcare Marketing. 2019. Vol. 13. N 1. P. 21–39.
7. Mohammadzadeh M., Aryanpour N. An Export-Marketing Model for Pharmaceutical Firms (the Case of Iran) // Iranian Journal of Pharmaceutical Research. 2013. Vol. 12. N 1. P. 249–255.

8. Shabaninejad H., Yusefzadeh H., Mehralian G., Rahimi B. The Structure of the World Pharmaceutical Market: Prioritizing Iran's Target Export Markets // *Iranian Journal of Pharmaceutical Research*. 2019. Vol. 18. N 1. P. 546–555.
9. Wiktorowicz M., Moscou K., Lexchin J. Transnational Pharmacogovernance: Emergent Patterns in the Jazz of Pharmaceutical Policy Convergence // *Globalization and Health*. 2018. Vol. 14. N 1. DOI:10.1186/s12992-018-0402-5
10. Shabaninejad H., Mehralian G., Rashidian A., Baratimarnani A., Rasekh H. R. Identifying and Prioritizing Industry-Level Competitiveness Factors: Evidence from Pharmaceutical Market // *DARU Journal of Pharmaceutical Sciences*. 2014. Vol. 22. N 1. DOI: 10.1186/2008-2231-22-35.
11. Shimura H., Masuda S., Kimura H. A Lesson From Japan: Research and Development Efficiency is a Key Element of Pharmaceutical Industry Consolidation Process // *Drug Discoveries & Therapeutics*. 2014. Vol. 8. N 1. P. 57–63.
12. Richman B.D., Mitchell W., E. Vidal, Schulman K. Pharmaceutical M&A Activity: Effects on Prices, Innovation, and Competition // *Loyola University Chicago Law Journal*. 2017. Vol. 48. P. 788–819.
13. Kyle M.K. The Alignment of Innovation Policy and Social Welfare: Evidence from Pharmaceuticals // *Innovation Policy and the Economy*. 2020. Vol. 20. P. 95–123.
14. Reis B., Pinto J.P.G. Center-Periphery Relationships of Pharmaceutical Value Chains: A Critical Analysis based on Goods and Knowledge Trade Flows // *Review of Political Economy*. 2022. Vol. 34. N 1. P. 124–145.
15. Mousavi S.Z., Rasekhi S., Golestani M., Imani A. Studying International Competitiveness In Pharmaceutical Sector In Selected Developed Countries // *Asian Journal of Pharmaceutical and Clinical Research*. 2018. Vol. 11. N 3. P. 451–460.
16. Pauwels K., Simoens S., Casteels M., Huys I. Insights into European Drug Shortages: A Survey of Hospital Pharmacists // *PLOS ONE*. 2015. Vol. 10. N 3. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0119322>
17. Antalóczy K., Gáspár T., Sass M. The Specialties of the Pharmaceutical Value Chains in Hungary // *Acta Oeconomica*. 2019. Vol. 69. N S2. P. 41–72.
18. De Backer K., Miroudot S. Mapping Global Value Chains // *OECD Trade Policy Papers*. 2013. N 159. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/5k3v1trgnbr4-en.pdf?expires=1696252791&id=id&accname=guest&checksum=FD0BB1AB718C3D120A971F976536433D>
19. Brennan L., Rakhmatullin R. Global Value Chains and Smart Specialisation Strategy. Joint Research Centre, Institute for Prospective Technological Studies, Publication Office. 2015. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/c756898c-b379-11e5-8d3c-01aa75ed71a1/language-en>
20. Cezar R. France's Pharmaceutical Industry in Global Value Chains // *Quarterly Selection of Articles – Bulletin de la Banque de France*. Banque de France. 2016. N 44. P. 52–63.
21. Missoni E. Understanding the Impact of Global Trade Liberalization on Health Systems Pursuing Universal Health Coverage // *Value in Health*. 2013. Vol. 16. N 1. P. S14–S18.
22. Pateriya S. et al. Regulatory Aspects of Pharmaceuticals' Exports In Gulf Cooperation Council Countries // *Journal of Young Pharmacists*. 2011. Vol. 3. N 2. P. 155–162.
23. Lee K.S., Ming L. C., Lean Q. Y., Yee S. M., Patel R., Taha N. A., Kassab Y. W. Cross-border Collaboration to Improve Access to Medicine: Association of Southeast Asian Nations Perspective // *Journal of Epidemiology and Global Health*. 2019. Vol. 9. N 2. P. 93–97.
24. Park J., Shin H., Kim J. et al. Analysis of Trends in Regulatory Science and Regulatory Science Experts Training Projects: US, Japan, Singapore, and Korea //

Korean Journal of Clinical Pharmacy. Korean College of Clinical Pharmacy. 2021. Vol. 31. N 4. P. 257–267.

25. Shi J., Chen X., Hu H., Ung C.O.L. Application of implementation science framework to develop and adopt regulatory science in different national regulatory authorities // *Frontiers in Public Health*. 2023. Vol. 11. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpubh.2023.1172557/full>

26. Garattini S., Natsis Y., Banzi R. Pharmaceutical Strategy for Europe: Reflections on Public Health-Driven Drug Development, Regulation, and Policies // *Frontiers in Pharmacology*. 2021. Vol. 12. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fphar.2021.685604/full>

27. Saesen R., Machado M., Crifo B. et al. Involvement of the European Medicines Agency in Multi-Stakeholder Regulatory Science Research Projects: Experiences of Staff Members and Project Coordinators // *Frontiers in Medicine*. 2023. Vol. 10. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fmed.2023.1181702/full>

28. Shibata S., Ozaki K., Suzuki T. Japanese Pharmaceutical Industry: Recent Perspectives and Areas for Further Research // *Journal of Regulatory Science*. 2020. Vol. 8. P. 1–13.

29. Asahina Y., Tanaka A., Uyama Y., Kuramochi K., Maruyama H. The Roles of Regulatory Science Research in Drug Development at the Pharmaceuticals and Medical Devices Agency of Japan // *Therapeutic Innovation & Regulatory Science*. 2013. Vol. 47, N 1. P. 19–22.

30. Okada K., Koike K., Sawa Y. Consideration of and expectations for the Pharmaceuticals, Medical Devices and Other Therapeutic Products Act in Japan // *Regenerative Therapy*. 2015. Vol. 1. P. 80–83.

References

1. Arndt C., Buch C.M., Mattes A. Disentangling barriers to internationalization, *Canadian Journal of Economics*, 2012, Vol. 45, No. 1, pp. 41–63.

2. Chugunova A.V., Klochko O.A. Vzaimosv'яз' transgranichnykh sliianii i pogloshchenii i mezhdunarodnoi trgovli: opyt farmatsevticheskoi otrasli Rossii: 1 [The Relationship Between Cross-Border Mergers and Acquisitions and International Trade: Experience of the Pharmaceutical Industry in Russia: 1], *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economic Science of Modern Russia], 2020, No. 1, pp. 81–94. (In Russ.).

3. Leonidou L.C. An Analysis of the Barriers Hindering Small Business Export Development, *Journal of Small Business Management*, 2004, Vol. 42, No. 3, pp. 279–302.

4. Hatzichronoglou T. Revision of the High-Technology Sector and Product Classification, *OECD Science, Technology and Industry Working Papers*, 1997, No. 1997/02. Available at: <https://www.cepal.org/sites/default/files/events/files/septima-reunion-gtci-revision-high-technology-sector-product-classification-thomas-hatzichronoglou.pdf>

5. Garattini L., Padula A. Competition in pharmaceuticals: more product- than price-oriented? *The European Journal of Health Economics*, 2018, Vol. 19, No. 1, pp. 1–4.

6. Mahajan V. Structural changes and trade competitiveness in the Indian pharmaceutical industry in product patent regime, *International Journal of Pharmaceutical and Healthcare Marketing*, 2019, Vol. 13, No. 1, pp. 21–39.

7. Mohammadzadeh M., Aryanpour N. An Export-Marketing Model for Pharmaceutical Firms (the Case of Iran), *Iranian Journal of Pharmaceutical Research*, 2013, Vol. 12, No. 1, pp. 249–255.

8. Shabaninejad H., Yusefzadeh H., Mehralian G., Rahimi B. The Structure of the World Pharmaceutical Market: Prioritizing Iran's Target Export Markets, *Iranian journal of pharmaceutical research*, 2019, Vol. 18, No. 1, pp. 546–555.

9. Wiktorowicz M., Moscou K., Lexchin J. Transnational Pharmacogovernance: Emergent Patterns in the Jazz of Pharmaceutical Policy Convergence, *Globalization and Health*, 2018, Vol. 14, No. 1. DOI:10.1186/s12992-018-0402-5
10. Shabaninejad H., Mehralian G., Rashidian A., Baratimarnani A., Rasekh H. R. Identifying and Prioritizing Industry-Level Competitiveness Factors: Evidence from Pharmaceutical Market, *DARU Journal of Pharmaceutical Sciences*, 2014, Vol. 22, No. 1. DOI: 10.1186/2008-2231-22-35.
11. Shimura H., Masuda S., Kimura H. A Lesson From Japan: Research and Development Efficiency is a Key Element of Pharmaceutical Industry Consolidation Process, *Drug Discoveries & Therapeutics*, 2014, Vol. 8, No. 1, pp. 57–63.
12. Richman B.D., Mitchell W., E. Vidal, Schulman K. Pharmaceutical M&A Activity: Effects on Prices, Innovation, and Competition, *Loyola University Chicago Law Journal*, 2017, Vol. 48, pp. 788–819.
13. Kyle M.K. The Alignment of Innovation Policy and Social Welfare: Evidence from Pharmaceuticals, *Innovation Policy and the Economy*, 2020, Vol. 20, pp. 95–123.
14. Reis B., Pinto J.P.G. Center-Periphery Relationships of Pharmaceutical Value Chains: A Critical Analysis based on Goods and Knowledge Trade Flows, *Review of Political Economy*, 2022, Vol. 34, No. 1, pp. 124–145.
15. Mousavi S.Z., Rasekhi S., Golestani M., Imani A. Studying International Competitiveness In Pharmaceutical Sector In Selected Developed Countries, *Asian Journal of Pharmaceutical and Clinical Research*, 2018, Vol. 11, No. 3, pp. 451–460.
16. Pauwels K., Simoens S., Casteels M., Huys I. Insights into European Drug Shortages: A Survey of Hospital Pharmacists, *PLOS ONE*, 2015, Vol. 10, No. 3. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0119322>
17. Antalóczy K., Gáspár T., Sass M. The Specialties of the Pharmaceutical Value Chains in Hungary, *Acta Oeconomica*, 2019, Vol. 69, No. S2, pp. 41–72.
18. De Backer K., Miroudot S. Mapping global value chains, *OECD Trade Policy Papers*, 2013, No. 159. Available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/5k3v1trgnbr4-en.pdf?expires=1696252791&id=id&accname=guest&checksum=FD0BB1AB718C3D120A971F976536433D>
19. Brennan L., Rakhmatullin R. Global Value Chains and Smart Specialisation Strategy. Joint Research Centre, Institute for Prospective Technological Studies, Publication Office, 2015. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/c756898c-b379-11e5-8d3c-01aa75ed71a1/language-en>
20. Cezar R. France's pharmaceutical industry in global value chains, *Quarterly selection of articles – Bulletin de la Banque de France. Banque de France*, 2016, No. 44, pp. 52–63.
21. Missoni E. Understanding the Impact of Global Trade Liberalization on Health Systems Pursuing Universal Health Coverage, *Value in Health*, 2013, Vol. 16, No. 1, pp. S14–S18.
22. Pateriya S. et al. Regulatory aspects of pharmaceuticals' exports in gulf cooperation council countries, *Journal of young pharmacists*, 2011, Vol. 3, No. 2, pp. 155–162.
23. Lee K.S., Ming L. C., Lean Q. Y., Yee S. M., Patel R., Taha N. A., Kassab Y. W. Cross-border Collaboration to Improve Access to Medicine: Association of Southeast Asian Nations Perspective, *Journal of Epidemiology and Global Health*, 2019, Vol. 9, No. 2, pp. 93–97.
24. Park J., Shin H., Kim J. et al. Analysis of Trends in Regulatory Science and Regulatory Science Experts Training Projects: US, Japan, Singapore, and Korea, *Korean Journal of Clinical Pharmacy. Korean College of Clinical Pharmacy*, 2021, Vol. 31, No. 4, pp. 257–267.

25. Shi J., Chen X., Hu H., Ung C.O.L. Application of implementation science framework to develop and adopt regulatory science in different national regulatory authorities, *Frontiers in Public Health*, 2023, Vol. 11. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpubh.2023.1172557/full>
26. Garattini S., Natsis Y., Banzi R. Pharmaceutical Strategy for Europe: Reflections on Public Health-Driven Drug Development, Regulation, and Policies, *Frontiers in Pharmacology*, 2021, Vol. 12. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fphar.2021.685604/full>
27. Saesen R., Machado M., Crifo B. et al. Involvement of the European Medicines Agency in Multi-Stakeholder Regulatory Science Research Projects: Experiences of Staff Members and Project Coordinators, *Frontiers in Medicine*, 2023, Vol. 10. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fmed.2023.1181702/full>
28. Shibata S., Ozaki K., Suzuki T. Japanese Pharmaceutical Industry: Recent Perspectives and Areas for Further Research, *Journal of Regulatory Science*, 2020, Vol. 8, pp. 1–13.
29. Asahina Y., Tanaka A., Uyama Y., Kuramochi K., Maruyama H. The Roles of Regulatory Science Research in Drug Development at the Pharmaceuticals and Medical Devices Agency of Japan, *Therapeutic Innovation & Regulatory Science*, 2013, Vol. 47, No. 1, pp. 19–22.
30. Okada K., Koike K., Sawa Y. Consideration of and expectations for the Pharmaceuticals, Medical Devices and Other Therapeutic Products Act in Japan, *Regenerative Therapy*, 2015, Vol. 1, pp. 80–83.

DRUG REGULATION IN TOP EXPORTERS OF PHARMACEUTICAL PRODUCTS

This year, the Russian Federation adopted the Strategy for the Development of the Pharmaceutical Industry for the Period until 2030. The document sets the task of ensuring the production in the country of medicines that are competitive in the domestic and foreign markets, and “realizing the export potential of the pharmaceutical industry.” A feature of the pharmaceutical industry is the significant impact of various aspects of drug regulation on exports of medicines. The purpose of the study is to make an analysis of the experience of foreign countries and to identify the most important elements of drug regulation that contribute to the formation and development of sustainable export of medicines taking in the account the existing oligopoly structure of the export segment of the global pharmaceutical market. Considering the volume and diversity of the data obtained, the study was divided into two parts: an analysis of drug regulation in countries that are leaders in pharmaceutical export and in countries that are called pharma emerging markets. This article examines the features of export of pharmaceutical products and drug regulation, in general, provides an analysis of top exporters and demonstrates the main factors associated with successful pharmaceutical export, and shows current trends being taken by drug regulation authorities to maintain leadership in this area.

The identified patterns and regulatory solutions can be used to solve the problems of regional markets at the national level.

Keywords: export of medicines, medicines, state regulation of medicines.

JEL: F10, F40, I18, L50, L65, O20

Дата поступления — 07.09.2023 г.

АЛАДЫШЕВА Жанна Игоревна

кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры промышленной фармации;

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова МЗ РФ (Сеченовский Университет) / ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2, г. Москва, 119048.

e-mail: zhaladysheva@gmail.com

БЕРЕГОВЫХ Валерий Васильевич

академик РАН, доктор технических наук, профессор, заместитель академика-секретаря отделения медицинских наук РАН, начальник отдела медицинских наук отделения медицинских наук РАН;

Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская академия наук» / Ленинский проспект, д. 14, г. Москва, 119991.

e-mail: beregovykh@pran.ru

МЕШКОВСКИЙ Андрей Петрович

доцент кафедры промышленной фармации;

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова МЗ РФ (Сеченовский Университет) / ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2, г. Москва, 119048.

e-mail: meshkovskij@mail.ru

ПЯТИГОРСКАЯ Наталья Валерьевна

член-корреспондент РАН, доктор фармацевтических наук, профессор, заведующий кафедрой промышленной фармации;

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова МЗ РФ (Сеченовский Университет) / ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2, г. Москва, 119048.

e-mail: osipova-mma@list.ru

ALADYSHEVA Zhanna A.

Cand. Sc. (Med), Associate Professor;

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (Sechenovskiy University) / 8, Building 2, Trubetskaya Str., Moscow, 119048.

e-mail: zhaladysheva@gmail.com

BEREGOVYKH Valery V.

Academician of RAS, Dr. Sc. (Tech), Professor, Vice-Secretary of RAS Division for Medical Sciences, Head of department;

Federal State Budget Organization "Russia Academy of Sciences" / 14, Leninskiy Av., Moscow, 119991.

e-mail: beregovykh@pran.ru

MESHKOVSKIY Andrei P.

Associate Professor;

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (Sechenovskiy University) / 8, Building 2, Trubetskaya Str., Moscow, 119048.

e-mail: meshkovskij@mail.ru

PYATIGORSKAYA Natalia V.

Corresponding Member of RAS, Dr. Sc. (Pharm), Professor, Head of Department;

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (Sechenovskiy University) / 8, Building 2, Trubetskaya Str., Moscow, 119048.

e-mail: osipova-mma@list.ru

Для цитирования:

Аладышева Ж.И., Береговых В.В., Мешковский А.П., Пятигорская Н.В. Фармацевтическое государственное регулирование и экспорт лекарственных средств: зарубежный опыт // Федерализм. 2023. Т. 28. № 3 (111). С. 108–136. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-3-108-136>

А.В. ВИЛЕНСКИЙ**ОСОБЕННОСТИ НОВЫХ СВОБОДНЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН РОССИИ**

Актуальность темы обусловлена необходимостью поиска и нахождения наиболее рациональных подходов, приемов и методов для вхождения новых российских территорий в единое экономическое пространство нашей страны, для стимулирования их ускоренного социально-экономического развития, для обеспечения скорейшего полноценного восстановления всего, что было разрушено военными действиями на новых территориях. Именно для этого на новых российских территориях были созданы свободные экономические зоны-институты развития. Речь идет о Крымско-Севастопольской свободной экономической зоне и свободной экономической зоне Луганской и Донецкой народных республик, а также Херсонской и Запорожской областей. Цель статьи — критический анализ характерных черт свободных экономических зон на новых российских территориях, выявление и систематизация связанных с этими зонами проблем, выработка кратких предложений по их разрешению. Преференциальный режим новых свободных экономических зон совместил в себе льготы и лучшие условия для предпринимательской деятельности, для реализации таможенной процедуры свободной таможенной зоны, в значительной мере уже прописанные в законах и нормативных актах по особым экономическим зонам и территориям опережающего развития России. В целом же степень льготности для участников новых свободных экономических зон превосходит аналогичную степень других российских преференциальных зон-территорий, созданных как институты развития. Создание свободных экономических зон на новых территориях России может стать эффективным механизмом стимулирования экономического развития и привлечения инвестиций. Однако для того чтобы это произошло, необходимо решить ряд проблем, связанных с недостатком квалифицированной рабочей силы, конкуренцией и сотрудничеством между регионами и недостатком инфраструктуры, включая жилищную и портовую. В схемах государственно-частного партнерства свободных экономических зон на новых российских территориях в условиях специальной военной операции должно доминировать государство с его организационными возможностями и бюджетными средствами.

Ключевые слова: свободная экономическая зона, свободный порт, регион, преференциальный режим-территория, таможенное регулирование.

JEL: D02, E02, R11, R50

Термин «свободные экономические зоны» (СЭЗ) широко используется в мировой практике применения преференциальных, льготных режимов-территорий [1; 2]. Официально он («зона-франко») вошел в международное правовое поле 18 мая 1973 г. решением Международной конвенции (Киото) по гармонизации и упрощению таможенных процедур. Под ними понимаются территории страны, оборот экспортных и импортных товаров на которых осуществляется в рамках особого, льготного таможенного режима. Этот особый режим выводит такие товары за границы национальной таможенной территории [3]. Отметим, что под это определение в полной мере попадают российские особые экономические зоны (ОЭЗ)¹, особенно портового типа, а также территории опережающего развития (ТОР)² с таможенной процедурой свободной таможенной зоны (например, ТОР «Хабаровск»). Так что номинально последние вполне можно определять как свободные экономические зоны. Но с точки же зрения российского права, официально они являются именно особыми экономическими зонами портового типа (частично и других типов), территориями опережающего развития, а не свободными экономическими зонами.

Напомним, что до принятия в 2005 г. вышеупомянутого российского закона об особых экономических зонах, термин СЭЗ массово присутствовал в приложении к любой территории, имевшей тогда какие-либо таможенные льготы. Большинство таких свободных зон функционировало на грани легальности в интересах узких групп предпринимателей, а также персоналий некоторых региональных и местных органов власти, пролоббировавших льготные таможенные режимы. К интересам страны и ее регионов те СЭЗ чаще всего не имели никакого отношения. Раздачу таможенных льгот для каких-либо территорий того периода можно охарактеризовать как бессистемную. К середине первого десятилетия нынешнего века все они были ликвидированы.

Крымско-Севастопольская свободная экономическая зона

Возрождение института свободных экономических зон в их системном варианте произошло в нашей стране в середине второго десятилетия нынешнего века. Спецификой новых российских свободных экономических зон является их нацеленность на содействие развитию условно новых российских территорий. Первым примером таких зон является Крымско-Севастопольская свободная экономическая зона — свободная экономическая зона на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя (КС СЭЗ). Она создана Федеральным законом от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О раз-

¹ Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации».

² Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

витии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» и функционирует с 1 января 2015 г. Кроме того, для обеспечения ее функционирования, для введения преференций этой СЭЗ были приняты дополнительные федеральные законы³. Также были приняты специальные Постановления Правительства, Приказы Министерства экономического развития и Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации.

Принятию этих законов и нормативных актов о КС СЭЗ предшествовал заключенный на основе всенародного крымского референдума Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации двух новых субъектов Федерации (Республики Крым и город федерального значения Севастополь) от 18 марта 2014 г.

Крымско-Севастопольская свободная экономическая зона создана, во-первых, для обеспечения устойчивого социально-экономического развития; во-вторых, для привлечения инвестиций в развитие действующих и создание новых производств; в-третьих, для развития транспортной и иных инфраструктур, для развития туризма, строительной отрасли, сельского хозяйства, здравоохранения, и санаторно-курортной сферы. Главное же в ее создании — это *повышение качества и уровня жизни населения*. Их параметры качества и уровня жизни должны как можно скорее выйти на среднероссийские значения.

Крымско-Севастопольская свободная экономическая зона создана на двадцать пять лет с правом продления. Эта СЭЗ изначально совмещала различные льготы с приданием (впервые в российской хозяйственной практике) ее морским портам статуса «свободный порт».

Для хозяйствующих в КС СЭЗ основных субъектов хозяйствования законодательно впервые используется термин «участники». Ими становятся как российские, так и иностранные хозяйствующие субъекты, заявившие о своем намерении выполнить на ее территории инвестиционный проект в размере не менее 60 млн руб. При этом нижний потолок для инвестиционных проектов субъектов малого и среднего предпринимательства определен в 6 млн руб. (т.е. в основу функционирования СЭЗ положен *проектный подход*). А участники СЭЗ обязаны приходить

³ Федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 378-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»; Федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»; Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 204-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации».

в нее каждый со своим проектом, который должен пройти процедуру отбора, одобрения экспертных советов СЭЗ⁴.

Понятие «участник» кардинально меняет статус официально признанного хозяйствующего субъекта по отношению к применяемым в законах об ОЭЗ и ТОРах для таких субъектов статуса «резидент». Участник обязан работать по одобренному инвестиционному проекту. Резидент же на какое-то время может ограничиваться декларациями о намерениях. У участника такой возможности нет.

К настоящему времени в Крымско-Севастопольской СЭЗ действуют следующие льготные режимы для ее участников: налоговые льготы, ускоренная амортизация, облегченный режим получения в аренду и использования земельных участков, льготные кредиты, свободный порт⁵.

Льгот у КС СЭЗ ненамного больше, чем у ОЭЗ и ТОРов, но все же больше. Подробнее остановимся на такой льготе, как *свободный порт*.

Понятие «свободный порт» подразумевает использование на его территории специального порядка, процедур таможенного и приграничного контроля, а также прочих форм контроля. Сам российский термин «свободный порт» в своей основе имеет давно устоявшийся итальянский аналог *porto franco*⁶, означающий отсутствие таможенных пошлин, сборов, налогов. Налицествует льготный режим экспорта/импорта товаров.

Но льготный таможенный режим портов СЭЗ Крыма и Севастополя всегда ограничен рамками таможенных документов Евразийского экономического союза (ЕАЭС)⁷. Заметим, сам российский Федеральный закон 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (последняя редакция) также *всцело ограничен этими таможенными документами*, следует за ними. Предполагается общая унификация таможенного режима, таможенной процедуры на территории всех стран ЕАЭС, безотносительно к тому, где бы ни находился тот или иной порт в границах этого союза. С точки зрения льготности, свободные порты крымского полуострова *схожи с таможенными льготами ОЭЗ, особенно портового типа*. Но имеются и дополнения. Если ввозимые товары предназначены только для использования на территории КС СЭЗ, для возведения на ней объектов капитального строительства, то для них устанавливаются нулевые таможенные пошлины, не платится налог на добавленную стоимость, не при-

⁴ Федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

⁵ Преференции (льготы) для участников СЭЗ // Министерство экономического развития Республики Крым. URL: <https://minek.rk.gov.ru/ru/structure/2298>

⁶ *Porto franco* – особая территория, выходящая за рамки обычной таможенной территории той или иной страны.

⁷ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза» (ред. от 29 мая 2019 г., с изм. от 18 марта 2023 г.) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) ТК ЕАЭС, Статья 201, Содержание и применение таможенной процедуры свободной таможенной зоны. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/01f34fe3e33e2fedbb1953ac6ade659ae0fe28a4/

меняется процедура нетарифного регулирования. Все это относится и к продукции, произведенной на территории КС СЭЗ, и ко ввозу иностранных товаров для капитального строительства на этой территории. Через пять лет их можно вывозить в другие регионы, не платя налогов и таможенных сборов, т.е. вне таможенной процедуры ЕАЭС и законодательных, нормативных актов Российской Федерации по процедуре обычного таможенного контроля [4]. Собственно, это и есть *основные льготы* для свободных портов Крымского региона.

Обращает на себя внимание такая льгота, как компенсация участникам Крымско-Севастопольской СЭЗ за счет средств федерального бюджета сумм дополнительных расходов на оплату налогов и таможенных пошлин, образовавшихся вследствие их повышения из-за принятия новых федеральных законов и нормативных актов Российской Федерации, актов таможенного законодательства Евразийского таможенного союза⁸. Таким образом, *любые финансовые ухудшения условий* реализации проектов участников СЭЗ *компенсируются бюджетными средствами*. На наш взгляд — это очень существенная льгота⁹.

Наконец, в приложении к Крымско-Севастопольской СЭЗ введено ограничение доступа к любой информации о предприятиях с их филиалами, о физических лицах — участниках СЭЗ, включая информацию об их хозяйственной деятельности, особенно инвестиционной¹⁰. Тем самым обеспечивается конфиденциальность информации об участниках СЭЗ, необходимая с точки зрения отстаивания геополитических интересов нашей страны.

Для контроля за эффективностью работы КС СЭЗ определен комплекс правил оценки эффективности ее функционирования и подготовки ежегодного отчета о результатах ее функционирования¹¹.

Серьезное отношение к результативности этой свободной экономической зоны было прямым следствием накопившихся к тому времени весомых претензий к ранее созданным особым экономическим зонам России. Претензии по поводу бесполезного поглощения без должной отдачи вкладываемых в них бюджетных средств, недостижения провозглашаемых целей их создания, просто ненахождения для них резидентов

⁸ Федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

⁹ Заметим, что для особых экономических зон используется льгота о неприменении для их резидентов законодательных и нормативных актов в области налогов и сборов, ухудшающих их положение.

¹⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 6 июня 2019 г. № 729 «Об определении случаев, в которых доступ к содержащимся в едином государственном реестре юридических лиц сведениям (документам, содержащим сведения) о юридическом лице может быть ограничен» (с изменениями и дополнениями).

¹¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2015 г. № 1368 «Об утверждении Правил ежегодной оценки эффективности функционирования свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и г. Севастополя и подготовки отчета о результатах функционирования свободной экономической зоны» (с изменениями и дополнениями).

вскоре привели к ликвидации в 2016 г. восьми ранее созданных ОЭЗ из существовавших на тот момент 33 и мораторию создания новых ОЭЗ до 2018 г. Уже в 2014–2015 гг. было очевидно, что оценка эффективности, результативности функционирования преференциальных зон, включая Крымско-Севастопольскую свободную экономическую зону, *относится к первоочередным задачам обеспечения их качественной работы.*

По данным, представленным в Отчете о результатах функционирования СЭЗ на территориях Республики Крым и г. Севастополя за 2022 г. было реализовано 1 700 инвестиционных проектов. 93,4% из них реализуются субъектами малого и среднего предпринимательства. Среди последних годовой прирост участников за год вырос на 7,7 п.п.¹²

Анализ показывает, что *основными видами деятельности* по числу участников в Крымско-Севастопольской свободной экономической зоне являются строительство, промышленность, услуги, торговля. Для Республики Крым большое значение также имеют сельское хозяйство, курорты и туризм.

В целом же 2022 г. при всех геополитических сложностях и, соответственно, западных санкциях был успешным для развития КС СЭЗ. Так, удалось переломить тенденцию прежних лет снижения общего объема инвестиций. В 2022 г. инвестиции возросли на 12% против их сокращения на 8% в 2021 г. Объем же капитальных вложений увеличился на 9% против его уменьшения на 22% в 2021 г. Созданы сотни новых инфраструктурных объектов, включая транспортные, инновационные, инженерные объекты. В ходе реализации инвестиционных проектов участниками СЭЗ количество новых рабочих мест за год возросло на 7% и составило 9 735¹³.

Функционирование СЭЗ *позитивно повлияло на социально-экономическое развитие крымского региона*, что выражается, в частности, в росте доходов населения и в снижении безработицы. Наблюдается рост налоговых поступлений от участников СЭЗ по всем уровням российской бюджетной системы.

Оперируя синтетическими показателями соотношения реальных результатов с планом, номинально можно говорить об успешности функционирования Крымско-севастопольской СЭЗ. Итоговый показатель за 2022 г. составил 4,6. Это выше, чем в 2021 г., но ниже, чем в 2020 г. Отметим лишь, что это не главный, хотя и официальный показатель

¹² Отчет о результатах функционирования свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и г. Севастополя за 2022 год, Москва, Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации // Департамент реализации региональных инвестиционных программ. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/svobodnaya-ekonomicheskaya-zona-na-territoriyakh-respubliki-krym-i-goroda-federalnogo-znacheniya-sev/>

¹³ Отчет о результатах функционирования свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и г. Севастополя за 2022 год, Москва, Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации // Департамент реализации региональных инвестиционных программ. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/svobodnaya-ekonomicheskaya-zona-na-territoriyakh-respubliki-krym-i-goroda-federalnogo-znacheniya-sev/>

оценки эффективности СЭЗ. Дело в том, что, как и в советские годы, показатели многих российских планов (не только в отношении СЭЗ) занижаются или по ходу корректируются в сторону занижения. Но в данном случае вполне можно утверждать, что комплекс абсолютных и относительных показателей функционирования Крымско-Севастопольской СЭЗ позволяет констатировать общую успешность этой свободной экономической зоны.

Принятая для оценки деятельности Крымско-Севастопольской СЭЗ методика в целом системно затрагивает различные стороны функционирования этой СЭЗ, позволяет использовать синтетические показатели. В то же время это относится практически ко всем действующим методикам результативности проектов, эффективности государственных и частных проектов. Было бы правильно разрабатывать и пользоваться иерархической системой таких методик, причем многообразных с разными подходами и приемами.

Иерархическое многообразие методик соответствует нынешнему доминированию (хотя и остро спорному) в мировой экономической науке нового направления, получившего название «рандомист» (*randomized controlled trails RCT*) [5, с. 7–9]. В отличие от постулатов ранее сложившегося мейнстрима это направление упор делает как раз на оценке реализации реальных проектов как главной основы для выводов о целесообразности или нецелесообразности каких-либо действий в экономике как государственных, так и частных структур. Оно создает так называемую доказательную экономику (термин и подход заимствован из доказательной медицины) [6]. Данный методологический подход позволяет наиболее комплексно оценивать результаты создания и функционирования любых проектов, включая проекты российской свободной экономической зоны.

Существенная черта КС СЭЗ в том, что ее деятельность, развитие в настоящее время курируется Департаментом реализации региональных инвестиционных программ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства. Это министерство является не чем иным как прописанным в законе о Крымского-Севастопольской СЭЗ уполномоченным правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти. Большинство же российских преференциальных режимов-территорий федерального уровня курируется Министерством экономического развития. И данная СЭЗ вплоть до недавнего времени также курировалась Министерством экономического развития.

У Крымско-Севастопольской СЭЗ остается немало острых проблем для развития. Негативно на нее влияют западные санкции, препятствующие нормальным экспортно-импортным операциям, использованию иностранного морского транспорта в крымских свободных портах. К этому следует добавить низкую предпринимательскую активность в условиях специальной военной операции. Налицо серьезная нехватка жилья в регионе и нехватка многих объектов инфраструктуры

[7]. До сих пор не созданы, не введены в действие многие нормативные акты о порядке ее функционирования, о процедурах внешнеторговых операций [8].

Но успехи КС СЭЗ позволяют надеяться на решение хотя бы части этих проблем в уже обозримой перспективе.

СЭЗ Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области

Президент России Владимир Путин 5 октября 2022 г. подписал федеральные законы (конституционные), ратифицирующие договоры о вхождении Луганской и Донецкой народных республик, а также Херсонской и Запорожской областей в состав Российской Федерации. Принятие этих территорий в состав нашей страны потребовало незамедлительного поиска форм и методов обеспечения их скорейшего вхождения в единое экономическое и социальное пространство России. Ими стали придание этим территориям *статуса свободной экономической зоны*.

В июне 2023 г. после опубликования вошла в силу основная часть Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 266-ФЗ «О свободной экономической зоне на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» (далее — СЭЗДНРЛНРЗоХо). Кроме того, в пакет законов о создании новой экономической зоны вошли также дополнительные законы¹⁴, Постановления Правительства и Приказы Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства.

Цель и задачи создания новой СЭЗ полностью совпадают с целью и задачами создания Крымско-Севастопольской СЭЗ. Во главу угла поставлено повышения качества и уровня жизни населения для скорейшего их вывода на среднероссийские параметры. СЭЗДНРЛНРЗоХо создана на период до 31 декабря 2050 г. с правом продления.

Подготовка указанного Федерального закона № 266-ФЗ, как и всего проекта создания новой свободной экономической зоны, была осуществлена Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства. Именно это Министерство изначально курирует СЭЗ как новый инвестиционный проект в значительной мере в рамках курируемого им территориального планирования. В основу подготовки Федерального закона № 266-ФЗ закономерно был положен накопившийся опыт развития Крымско-Севастопольской СЭЗ и, соответственно, Федеральный закон № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

¹⁴ Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 267 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 268-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации».

Между основными федеральными законами двух российских СЭЗ закономерно имеется много общего. Законодательно основными субъектами СЭЗДНРЛНРЗоХо определены, как и в КС СЭЗ, ее участники. Участник СЭЗ — это коммерческие юридические организации и индивидуальные предприниматели, включенные в реестр участников СЭЗ по итогам завершения процедуры их отбора в качестве участников по их заявке. Участники заключают Договор с СЭЗ по результатам отбора и одобрения их инвестиционных проектов. Участники обязаны при реализации их инвестиционных проектов обеспечить в первые три года объем капитальных вложений для ИТ и НИРовских проектов как минимум 1 млн руб.; малые и средние предприятия — от 3 млн руб.; прочие участники-субъекты хозяйствования — от 30 млн руб.¹⁵ Таким образом, функционирование новой СЭЗ близко к аналогичной схеме Крымско-Севастопольской СЭЗ. Но *имеются и существенные отличия*, о которых расскажем ниже.

Исходное, принципиальное отличие первого и второго основных федеральных законов о СЭЗ — *различные органы их управления и их полномочия*. В приложении к Крымско-Севастопольской зоне ими определены уполномоченный правительством Российской Федерации федеральный орган исполнительной власти, экспертные советы по вопросам СЭЗ Республики Крым и Севастополя, высшие исполнительные органы государственной власти этих субъектов Федерации. В приложении к новой СЭЗ ее органами управления определены уполномоченный правительством Российской Федерации федеральный орган исполнительной власти (Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства) и управляющая компания.

В соответствии с федеральными законами о КССЭЗ и СЭЗДНРЛНРЗоХо, полномочия уполномоченных федеральных органов исполнительной власти в отношении управления свободными экономическими зонами примерно одинаковы по составным элементам и по сути. Отличия, в частности, сводятся к тому, что полномочия по взаимодействию с региональными и прочими государственными органами власти федеральным законом о СЭЗДНРЛНРЗоХо передано управляющей компании. За уполномоченными федеральными органами исполнительной власти осталось их обеспечение и координация. Под обеспечением и координацией, судя по тексту федерального закона о СЭЗДНРЛНРЗоХо, понимается организация, содействие и курирование.

Управляющей компании переданы и некоторые другие полномочия, которые в Крымско-Севастопольской свободной экономической зоне находятся у уполномоченных федеральных органов исполнительной власти новой СЭЗ. Напомним, что в Крымско-Севастопольской

¹⁵ Налоговые льготы и преференции СЭЗ до конца 2050 года. Свободная экономическая зона на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей (СЭЗ). URL: <https://xn----dtbhaacat8bfloi8h.xn--plai/266-2>

СЭЗ роль управляющей компании исполняют Экспертные советы по вопросам СЭЗ.

Так, организация и ведение реестра участников СЭЗ в новой свободной экономической зоне почти полностью передана управляющей компании. В Крымско-Севастопольской СЭЗ полномочия по организации и ведению такого реестра поручены уполномоченным федеральным органам (органу) исполнительной власти. Опыт восьмилетнего функционирования последней выявил необходимость освобождения уполномоченного федерального органа от такой обязанности-полномочия. Предполагается, что новая управляющая компания справится с реестром участников намного успешнее, лучше.

Среди дополнительных по отношению к экспертным советам Крымско-Севастопольской СЭЗ полномочиям управляющей компании новой СЭЗДНРЛНРЗоХо обращают на себя внимание следующие:

- организация выделения тем или иным способом (включая аренду и субаренду) участнику СЭЗ земельного участка, необходимого для выполнения инвестиционного проекта;
- управление находящихся в распоряжении управляющей компании объектов имущества (движимого и недвижимого), которые можно было бы использовать при передаче их тому или иному участнику свободной экономической зоны для реализации его инвестиционного проекта на территории СЭЗ;
- предоставление участникам СЭЗ различных услуг, включая бухгалтерские и юридические, необходимые им для результативного ведения предпринимательской деятельности на территории СЭЗДНРЛНРЗоХо.

Но наиболее существенным полномочием управляющей компании, отличающей ее от экспертных советов и прочих органов управления Крымско-Севастопольской СЭЗ, следует считать право управляющей компании (публично-правовая компания «Фонд развития территорий»¹⁶) выступать застройщиком объектов инфраструктуры новой свободной экономической зоны. Было возвращено полномочие управляющей компании, назначенное ей ранее для особых экономических зон¹⁷ и для территорий опережающего развития¹⁸. То есть управляющая СЭЗДНРЛНРЗоХо компания может самостоятельно отбирать потенциально необходимые для СЭЗ объекты инфраструктуры, заказывать или готовить самостоятельно для строительства таких объектов всю необходимую документацию, включая градостроительную. Она же может вести все необходимые работы по их возведению, их наполнению необходимым техническим оборудованием, по устройству должных

¹⁶ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).

¹⁷ Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации».

¹⁸ Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

коммуникаций. Управляющая компания выступает в качестве субъекта хозяйствования в СЭЗ, наряду с ее участниками. Более того, она выступает в роли ведущего хозяйствующего субъекта, стимулирующего деятельность участников на территории СЭЗ.

В федеральном законе о СЭЗДНРЛНРЗоХо, в отличие от федерального закона о КССЭЗ, прописано финансовое обеспечение мероприятий, необходимых для функционирования СЭЗ. Это финансовое обеспечение проводится средствами федерального бюджета, доведенными до управляющей компании, а также внебюджетными источниками финансирования. Из этого следует, что ведущим источником финансирования новой СЭЗ оказывается федеральный бюджет. Внебюджетные, частные источники возможны, но только в случае, если они будут найдены.

К настоящему времени на территории новой СЭЗ часть объектов недвижимости, транспортной и технической инфраструктуры разрушены частично или полностью. Вследствие повреждений прекратили работу многие предприятия. Поэтому начальный этап становления СЭЗДНРЛНРЗоХо, в отличии от Крымско-Севастопольской СЭЗ, вынужден ориентироваться на задачи восстановления утраченного. Речь идет о перезапуске их экономик, причем одновременно с вхождением в единое экономическое пространство России. В этих условиях наивно рассчитывать на государственно-частное партнерство как основу финансового обеспечения развития СЭЗДНРЛНРЗоХо. Обеспечение должно опираться на бюджетное финансирование со стороны прежде всего федеральных органов власти, *которое должно идти через управляющую компанию*¹⁹.

Налоговые льготы для участников новой СЭЗ мало чем отличаются от аналогичных льгот для Крымско-Севастопольской СЭЗ.

Обращает на себя внимание, что к льготам для участников новой СЭЗ (близким к набору льгот Крымско-Севастопольской СЭЗ) добавлены льготы, учитывающие региональную специфику СЭЗДНРЛНРЗоХо. Традиционное развитие на территории этой СЭЗ металлургии и добывающей промышленности обусловило введение *нулевой ставки акциза* на пять лет на жидкую сталь, уголь и железную руду в рамках реализации соответствующих инвестиционных проектов²⁰.

Что касается свободных портов СЭЗ, то *организационно они идентичны* аналогичным свободным портам Крымско-Севастопольской СЭЗ. В границах территории новой СЭЗ товары используются и размещаются без таможенных пошлин и налогов. Не применяются меры нетарифного регулирования в отношении ввозимых товаров из-за рубе-

¹⁹ Именно в этом русле лежит сентябрьское заявление 2023 г. Президента России В.В. Путина о том, что новые регионы получают 1,9 трлн рублей на развитие в ближайшие 2,5 года (см.: URL: <https://rg.ru/2023/09/01/putin-novye-regiony-poluchat-19-trln-rublej-na-razvitie-v-blizhajshie-25-goda.html>).

²⁰ Налоговые льготы и преференции СЭЗ до конца 2050 года. Свободная экономическая зона на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей (СЭЗ). URL: <https://xn----dtbhaacat8bfloi8h.xn--plai/266-2>

жа страны. Действует льготный режим Евразийского таможенного союза.

Пока явно рано оценивать результативность новой СЭЗДНРЛНРЗоХо. Но обращает на себя внимание то, что уже предусмотрены и методики мониторинга, и оценки ее результативности. Остается выразить надежду на то, что эти методики смогут показать объективные, причем позитивные, результаты функционирования новой СЭЗ.

Выводы

Из сказанного выше можно сделать следующие выводы.

1. Для новых российских территорий в хозяйственной практике нашей страны был сформирован дополнительный системный институт — свободные экономические зоны. Он стал частью уже сложившегося системного комплекса инструментов государственного пространственного и отраслевого экономического управления и регулирования в виде ОЭЗ. Вскоре после создания первой системной российской СЭЗ — Крымско-Севастопольской свободной экономической зоны — в хозяйственную практику вошли территории опережающего развития и свободный порт Владивосток — также системные институты отраслевого и пространственного развития.

2. Особенности новых российских СЭЗ предопределены тем, что они изначально являются не точками роста в их классическом понимании, а именно инструментом возрождения их экономик, вывода их территорий (как минимум на первых этапах их функционирования) на среднероссийские значения, на включение этих СЭЗ в единое социально-экономическое пространство нашей страны. Их особенности предопределены также необходимостью обеспечения устойчивого социально-экономического развития новых территорий, включая экологический фактор; важностью привлечения инвестиций в развитие действующих и создание новых производств; необходимостью развития транспортной и иных инфраструктур, развития туризма, строительной отрасли, сельского хозяйства, здравоохранения и санаторно-курортной сферы. Главное же в создании СЭЗ — это повышение качества и уровня жизни населения. Все это стало целью создания таких преференциальных зон.

В число особенностей также входят повышенные, в сравнение с другими российскими преференциальными зонами, льготы для участников СЭЗ; введение нулевой ставки акциза на пять лет на жидкую сталь, уголь и железную руду в рамках реализации соответствующих инвестиционных проектов; компенсация бюджетными средствами любых финансовых ухудшений условий реализации проектов участников СЭЗ; ограничение доступа к любой информации о предприятиях с их филиалами, о физических лицах — участниках СЭЗ, включая информацию об их хозяйственной деятельности, особенно инвестиционной.

3. Специфика СЭЗ во многом определяется повышенной ролью государства в их функционировании. Хотя, номинально, они основываются

на принципах государственно- и муниципально-частного партнерства, но именно государственные организационные и бюджетные возможности изначально определяют успех функционирования СЭЗ.

4. Официальные ежегодные отчеты о деятельности Крымско-Севастопольской СЭЗ показывают, что ее функционирование позитивно повлияло на социально-экономическое развитие крымского региона. Наблюдается рост налоговых поступлений от участников СЭЗ по всем уровням российской бюджетной системы.

5. Пока явно рано оценивать результативность СЭЗДНРЛНРЗоХо. Целесообразно разрабатывать и пользоваться иерархической системой методик мониторинга и оценки ее результативности. Иерархическое многообразие методик соответствует нынешнему доминированию в мировой экономической науке нового направления, получившего название «рандомист» (*randomized controlled trails RCT*). Оно создает так называемую доказательную экономику.

6. Наконец, в приложении СЭЗ с учетом крайне сложной геополитической обстановки вокруг этих территорий, введенную льготность, преференции для их участников следует расширить. Как минимум, целесообразно увеличить сроки действия уже введенных льгот. Особенно это касается СЭЗДНРЛНРЗоХо, где в условиях пока еще низкой предпринимательской активности предстоит осуществить скорейшее возрождение всего регионального экономического комплекса.

Список литературы

1. Tantri M.L. China's Policy for Special Economic Zone, Some Critical Issues // *India Quarterly A Journal of International Affairs*. 2012. Vol. 68. N 3. pp. 231–250.
2. Gwizdala J., Susmarski S. The Future Prospects for the Activities of Special Economic Zones in Poland by 2020 // *Ekonomika*, Vilnius. 2013. Vol. 92 (3). suppl. A. P. pp. 167–176.
3. Делюкс Т. Свободные экономические зоны как форма привлечения прямых иностранных инвестиций и диверсификация экономики // Электронный научный журнал «Исследовано в России». URL: [http:// zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2010/016.pdf](http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2010/016.pdf)
4. Лисовая Т.В. Особенности свободной экономической зоны в Республике Крым и городе федерального назначения Севастополе // *Вектор экономики*. 2019. № 5 (35). С. 137.
5. Капилюшников Р.И. «Рандомисты»: новая экономика развития // *Вопросы экономики*. 2023. № 6. С. 5–35.
6. Favereau J. On the Analogy Between Field Experiments in Economics and Clinical Trails in Medicine // *Journal of Economic Metedology*. Vol. 23. № 2. pp. 203–222.
7. Ростенко А.О. Проблемы развития свободных экономических зон в Республике Крым и пути их решения // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки, СКАГС*. 2020. № 4. С. 275–279.
8. Колесникова Е.В., Богданова Ж.А. Особенности развития крымской свободной экономической зоны // *Тенденции развития науки и образования*. 2023. № 95-4. С. 57–60.

References

1. Tantri M.L. China's Policy for Special Economic Zone, Some Critical Issues, *India Quarterly A Journal of International Affairs*, 2012, Vol. 68, No. 3, pp. 231–250.
2. Gwizdala J., Susmarski S. The Future Prospects for the Activities of Special Economic Zones in Poland by 2020, *Ekonomika*, Vilnius, 2013, Vol. 92 (3), suppl. A. P., pp. 167–176.
3. Deliuks T. Svobodnye ekonomicheskie zony kak forma privilecheniia priamykh inostrannykh investitsii i diversifikatsiia ekonomiki [Free Economic Zones as a Form of Attracting Foreign Direct Investment and Diversification of the Economy], *Elektronnyi nauchnyi zhurnal "Issledovano v Rossii"* [Electronic Scientific Journal "Researched in Russia"]. (In Russ.). Available at: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2010/016.pdf>
4. Lisovaia T.V. Osobennosti svobodnoi ekonomicheskoi zony v Respublike Krym i gorode federal'nogo naznacheniia Sevastopole [Features of the Free Economic Zone in the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol], *Vektor ekonomiki* [Vector of Economics], 2019, No. 5 (35), p. 137. (In Russ.).
5. Kapiliushnikov R.I. "Randomisty": novaia ekonomika razvitiia ["Randomists": New Economics of Development], *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 2023, No. 6, pp. 5–35. (In Russ.).
6. Favereau J. On the Analogy Between Field Experiments in Economics and Clinical Trials in Medicine, *Journal of Economic Metedology*, Vol. 23, No. 2, pp. 203–222.
7. Rostenko A.O. Problemy Razvitiia Svobodnykh Ekonomicheskikh Zon v Respublike Krym i puti ikh resheniia [Problems of Development of Free Economic Zones in the Republic of Crimea and Ways to Solve Them], *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski, SKAGS* [State and Municipal Management. Scientific notes, SKAGS], 2020, No. 4, pp. 275–279. (In Russ.).
8. Kolesnikova E.V., Bogdanova Zh.A. Osobennosti razvitiia krymskoi svobodnoi ekonomicheskoi zony [Features of the Development of the Crimean Free Economic Zone], *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia* [Trends in the Development of Science and Education], 2023, No. 95-4, pp. 57–60. (In Russ.).

FEATURES OF NEW FREE ECONOMIC ZONES IN RUSSIA

The relevance of the topic is due to the need to search for and find the most rational approaches, techniques and methods for the entry of new Russian territories into the single economic space of our country, to stimulate their accelerated socio-economic development, to ensure the speedy full restoration of everything that was destroyed by military operations on new territories. It is for this reason that free economic zones-development institutions were created in new Russian territories. We are talking about the Crimean-Sevastopol Free Economic Zone and the Free Economic Zone of the Lugansk and Donetsk People's Republics, as well as the Kherson and Zaporozhye regions. The purpose of the article is a critical analysis of the characteristic features of free economic zones in the new Russian territories, the identification and systematization of problems associated with these zones, and the development of brief proposals for their resolution. The preferential regime of the new free economic zones combined the benefits and the best conditions for business activities, for the implementation of the customs procedure of the free customs zone, to a large extent already prescribed in the laws and regulations for the Special Economic Zones and Advanced Development Territories of our country. In general, the degree of preferential treatment for participants in new free economic zones exceeds that of other Russian preferential zones-

territories created as development institutions. The creation of Free Economic Zones in the new territories of Russia can become an effective mechanism for stimulating economic development and attracting investment. However, for this to happen, it is necessary to solve a number of problems related to the lack of skilled labor, competition and cooperation between regions and the lack of infrastructure, including housing and ports. In the schemes of public-private partnership of Free Economic Zones in the new Russian territories under the conditions of the Special Military Operation, the state with its organizational capabilities and budgetary funds should dominate.

Keywords: free economic zone, free port, region, preferential regime-territory, customs regulation.

JEL: D02, E02, R11, R50

Дата поступления – 04.09.2023 г.

ВИЛЕНСКИЙ Александр Викторович

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором Региональной экономики и местного самоуправления;

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.

e-mail: avilenski@mail.ru

VILENSKIY Alexander V.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of the Subdepartment of regional economy and local government;

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.

e-mail: avilenski@mail.ru

Для цитирования:

Виленский А.В. Особенности новых свободных экономических зон России // Федерализм. 2023. Т. 28. № 3 (111). С. 137–151. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-3-137-151>

Е.В. СИБИРСКАЯ, Л.В. ОВЕШНИКОВА

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СУБЪЕКТОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО МАКРОРЕГИОНА

В настоящее время вследствие проведения специальной военной операции и введения против России санкций возросли угрозы экономической безопасности и национального суверенитета страны. В этих условиях одним из ключевых инструментов ускорения ее экономического развития становятся меры государственного регулирования конкурентоспособности и безопасности, где все большую актуальность приобретает региональный аспект. В научной литературе широко используются географические и иные характеристики дальневосточных территорий, формируется представление о том, что реально существует макрорегиональное сообщество, именуемое Дальним Востоком. Анализ исторического опыта и текущей ситуации показывает, что значение Дальнего Востока для российской экономики огромно. Восточные территории на протяжении столетий снабжают Россию ключевыми сырьевыми ресурсами, обеспечивают выход на важнейшие рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона, способствуют повышению уровня конкурентоспособности и экономической безопасности страны. Авторами предложен подход к проведению оценки конкурентоспособности и экономической безопасности Дальневосточного макрорегиона на основе разработанной системы частных показателей.

Ключевые слова: региональная экономика, макрорегион, конкурентоспособность, экономическая безопасность, Дальневосточный макрорегион.

JEL: O18, P25

Вопросы безопасности, конкурентоспособности и социально-экономического развития Дальнего Востока находились в центре внимания российской государственной власти на протяжении многих веков [1–8]. Этот макрорегион всегда был очень важен для страны как источник ценнейших ресурсов, как главный выход на рынки Азии и Тихого океана, как важнейшее пространство для развития национальной экономики и как ключевой оборонительный рубеж на востоке.

Современный этап формирования и реализации документов стратегического планирования Дальневосточного макрорегиона¹, определяющих приоритеты его развития, характеризуется, с одной стороны, утверждением стратегий регионального уровня практически для всех входящих в него субъектов Российской Федерации, с другой – формированием *нового стратегического документа* для всего макрорегиона. Речь идет о Национальной программе развития Дальнего Востока на период до 2025 г. и на перспективу до 2035 г.²

В соответствии со Стратегией экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208) утверждены сорок показателей состояния экономической безопасности Российской Федерации³. Однако не все они могут использоваться для анализа экономической безопасности регионов. Поэтому в статье исследуются 12 показателей, по которым в официальных открытых источниках сформирована статистическая информационная база за период 2011–2022 гг.

Показатели сгруппированы в *четыре блока*, характеризующих направления экономической безопасности и конкурентоспособности экономики Дальневосточного макрорегиона. Кроме того, предложена авторская шкала оценки влияния показателей экономической безопасности на конкурентоспособность регионов (см. табл. 1).

Анализ динамики показателей экономической безопасности и конкурентоспособности экономики Дальневосточного макрорегиона

Рассмотрим *экономическую группу показателей экономической безопасности* (экономические показатели), которая, как показано в *таблице 1*, представлена данными по валовому региональному продукту, обороту розничной торговли, приросту высокопроизводительных рабочих мест.

В *таблице 2* представлен динамический ряд показателей ВРП субъектов Российской Федерации Дальневосточного макрорегиона.

Среднегодовой темп роста валового регионального продукта (ВРП) Дальневосточного макрорегиона⁴ составил 6,69%. На *рисунке 1* представлены значения среднегодовых темпов роста в разрезе его регионов.

¹ Термин «Дальневосточный макрорегион» применяется в соответствии со Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 308 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа»; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года».

³ Информация для анализа показателей состояния экономической безопасности Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pok-bezopasn.htm>

⁴ Валовый региональный продукт макрорегиона рассчитывается по статистическим данным всех субъектов Федерации, сгруппированных на его территории.

Т а б л и ц а 1

Показатели экономической безопасности и обоснование их влияния на конкурентоспособность региона

Экономическая группа (показатели)	Социальная группа (показатели)	Инновационная группа (показатели)	Промышленная группа (показатели)
Валовой региональный продукт, млн руб.	Уровень занятости населения в возрасте 15–72 лет	Используемые передовые производственные технологии, единиц	Степень износа основных фондов промышленных предприятий, %
Оборот розничной торговли, млн руб.	Отношение средних денежных доходов населения к величине прожиточного минимума	Уровень инновационной активности организаций	Индекс промышленного производства по субъектам Федерации
Прирост высокопроизводительных рабочих мест, %	Уровень участия в рабочей силе населения 15–72 лет по субъектам Федерации	Объем инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг Дальневосточного макрорегиона, %	Объем инвестиций в основной капитал в % к ВРП
Оценка влияния на конкурентоспособность рассматривается по следующим значениям: ФЗП – фактическое значение среднего уровня динамики показателя в исследуемом регионе; СЗП – среднероссийское значение уровня динамики показателя. Наиболее конкурентоспособные регионы (<i>группа В</i>) – ФЗП > СЗП%. Регионы со средним уровнем конкурентоспособности (<i>группа С</i>) – 100% < ФЗП ≤ СЗП%. Регионы с низким уровнем конкурентоспособности (<i>группа Н</i>) – ФЗП менее 100%			

Источник: составлено авторами.

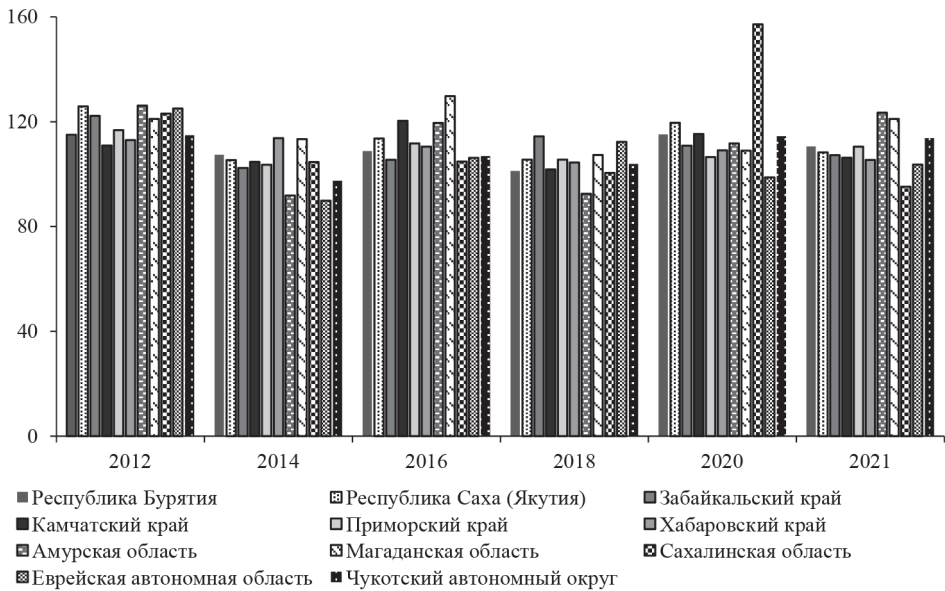

Рис. 1. Среднегодовой темп роста валового регионального продукта Дальневосточного макрорегиона, %

Источник: составлено авторами по [9].

Т а б л и ц а 2

Показатели ВРП регионов Дальневосточного макрорегиона, млрд руб.

Субъект РФ	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Республика Бурятия	133,5	153,6	164,7	176,9	186,4	202,8	199,2	201,6	224,6	258,6	285,8
Республика Саха (Якутия)	386,8	486,8	541,3	570,2	658,1	747,6	868,6	916,6	942	1 126,8	1 220,3
Забайкальский край	166,7	203,9	223,9	229,2	234,8	247,7	262,8	300,6	306,6	339,8	364,6
Камчатский край	103,1	114,4	127,4	133,4	145,8	175,4	198,1	201,6	228,2	263,2	279,7
Приморский край	470,7	549,7	557,5	577,4	642,4	717,6	736,9	777,8	906,2	965,5	1 066,7
Хабаровский край	353,6	399,6	437,9	498,1	539,3	595,7	637,7	666	698	761,6	803
Амурская область	178,7	225,4	229,7	210,7	232,1	277,3	287,6	266,1	299,1	334,2	412,5
Магаданская область	59,6	72,1	78,4	88,9	96,9	125,7	146,9	157,7	161,8	176,4	213,6
Сахалинская область	487,7	600,2	641,9	671,7	799,2	837,4	767,8	771,2	784,5	1 233,2	1 173,9
Еврейская автономная область	31,6	39,5	42,7	38,4	41,9	44,6	46,8	52,6	55,2	54,6	56,6
Чукотский автономный округ	38,9	44,8	45,6	44,4	57,8	61,7	66,2	68,7	72,9	83,4	94,9
Российская Федерация	37 688	37 989	45 392	49 926	54 103	59 188	65 751	74 926	79 745	90 203	94 831
Дальневосточный макрорегион	2 411	2 110,7	2 532,5	2 702,2	2 833,4	3 213,5	3 583,3	3 756,6	4 679,2	5 597,1	5 971,5

Источник: составлено авторами по [9].

Среднегодовой темп роста ВРП по Дальневосточному макрорегиону в 2021 г. *показывает стагнацию ВРП по сравнению с динамикой прошлых лет*. Однако поскольку на протяжении анализируемого периода показатель превышает пороговое значение (за исключением 2012 и 2018 гг.), можно говорить, что угрозы экономической безопасности субъектам Федерации Дальневосточного макрорегиона *незначительны*.

По обороту розничной торговли по регионам Дальневосточного макрорегиона отмечалась *позитивная динамика*.

Оборот розничной торговли по итогам 2021 г. составил 104,5% при значительном росте (108,9%) непродовольственных товаров в результате отложенного спроса в 2020 г. и минимальной положительной динамике оборота продовольственных товаров (100,8%). Платные услуги после значительного снижения в 2020 г. (на 14%) увеличились на 11,1%. После резкого падения в 2020 г. восстанавливается спрос на услуги в туристической и гостиничной сферах — 126,6% и 123,6% соответственно, транспортной — 116,3%, культурной — 167,2%, спортивно-оздоровительной — 137,9% (см. рис. 2).

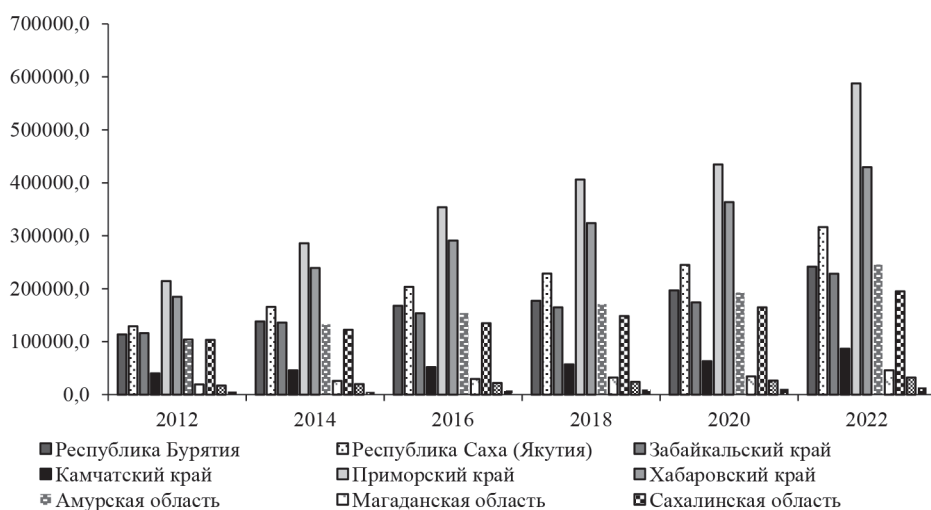

Рис. 2. Оборот розничной торговли по регионам Дальневосточного макрорегиона Российской Федерации, млн руб.

Источник: составлено авторами по [9].

Сохраняются низкие показатели в сфере санаторно-курортных услуг, но темп снижения замедлился (2021 г. — 95,4%, 2020 г. — 60,3%). Регионом-лидером, имеющим наиболее высокие значения и тенденции роста, является Приморский край (22%), далее — Хабаровский край (средний темп прироста 18%) и Республика Саха (Якутия) (средний темп прироста 19%); аутсайдер — Чукотский автономный округ. Несмотря на значительный среднегодовой темп прироста за исследуемый период, его доля в общем объеме ВРП Дальневосточного макрорегиона составляет 0,56%.

Прирост высокопроизводительных рабочих мест по субъектам Федерации Дальневосточного макрорегиона за 2012–2022 гг. имеет нестабильную динамику (см. рис. 3).

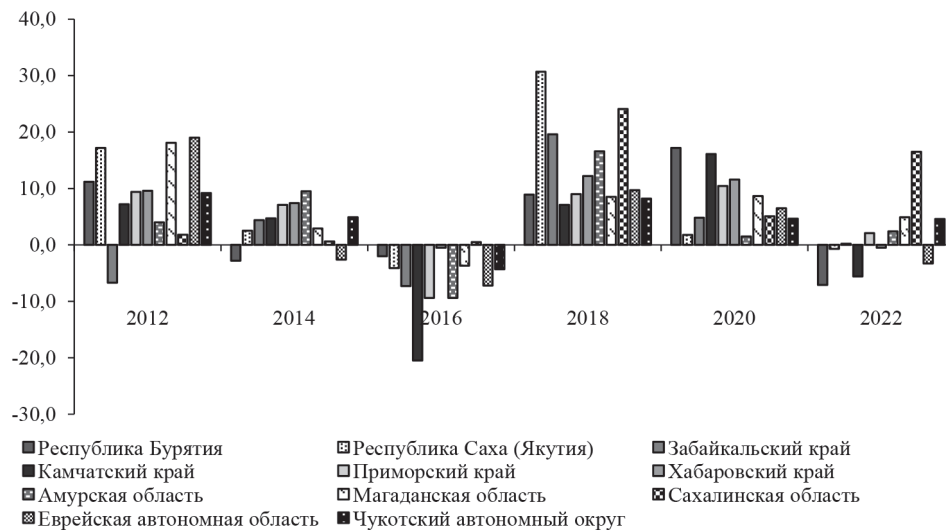

Рис. 3. Прирост высокопроизводительных рабочих мест по регионам Дальневосточного макрорегиона

Источник: составлено авторами по [9].

Положительный прирост по всем регионам наблюдается только в 2018–2020 гг. В 2022 г. регионом-лидером по приросту высокопроизводительных рабочих мест была Сахалинская область (16,5%), регионом аутсайдером — Республика Бурятия (-7,1%).

Рассмотрим *социальные показатели*, которые в *таблице 1* представлены данными по уровню занятости населения в возрасте 15–72 лет, отношению среднедушевых денежных доходов населения к величине прожиточного минимума, уровню участия в рабочей силе населения 15–72 лет.

За анализируемый период наблюдалась определенная стабильность по показателю уровня занятости населения в возрасте 15–72 лет (см. рис. 4).

По 2022 г. наибольший уровень занятости наблюдался в Чукотском автономном округе (76%), Магаданской области (73%), Камчатском крае (71,3%). Значение показателя в данных регионах превышает среднее по округу, а в Магаданской области и Камчатском крае превышает и среднероссийское значение.

Анализируя динамику показателя среднедушевых денежных доходов населения к величине прожиточного минимума следует обратить внимание на то, что фактическое значение показателя *находится ниже порогового практически во всех регионах Дальневосточного макрорегиона*, за исключением Чукотского АО, Сахалинской и Магаданской областей (см. рис. 5).

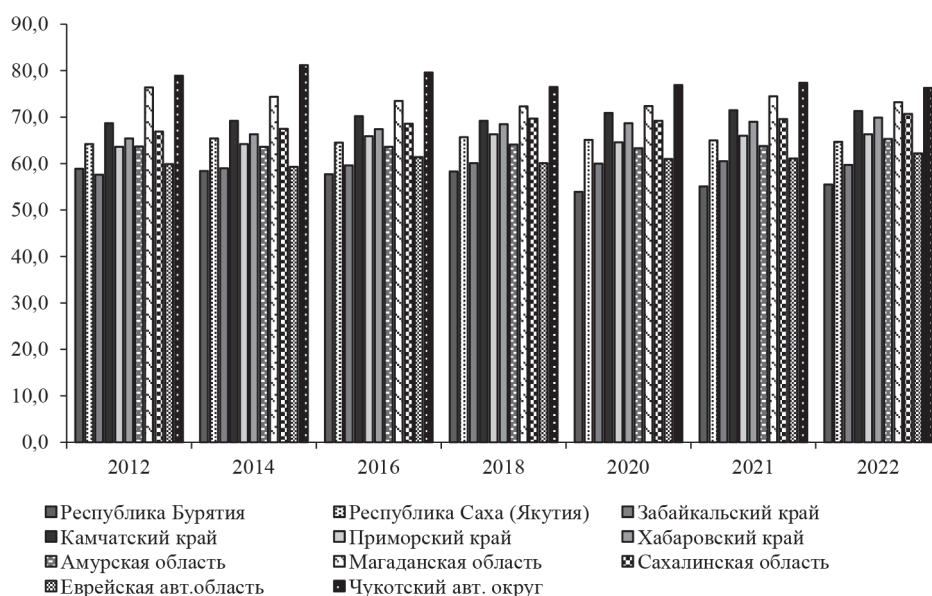

Рис. 4. Динамика уровня занятости населения в возрасте 15–72 лет по регионам Дальневосточного макрорегиона

Источник: составлено авторами по [9].

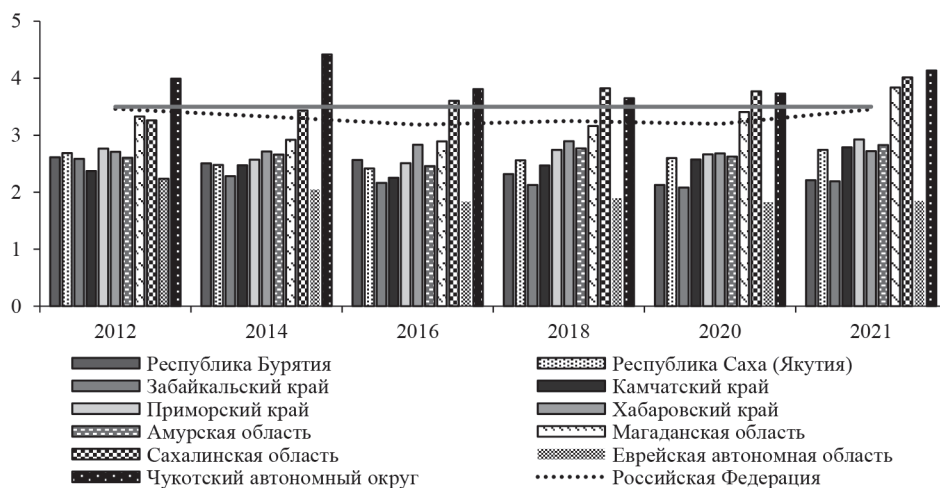

Рис. 5. Отношение среднедушевых денежных доходов населения к величине прожиточного минимума в Дальневосточном макрорегионе

Источник: составлено авторами по [9].

Забайкальский край, Республика Бурятия имеют фактические значения в 1,5–2 раза меньше порогового, что свидетельствует о наличии серьезных угроз экономической безопасности в социальной сфере. Здесь высок уровень безработицы, относительно Дальневосточного макрорегиона низкие среднедушевые доходы и заработные платы, высока

напряженность на рынке труда. Это объясняется еще и структурой экономики данных регионов, основа которой – преимущественно сельское хозяйство, розничная и оптовая торговля. В результате регионы Дальнего Востока постепенно теряет свою привлекательность для мигрантов, а население реагирует изменением своего миграционного и репродуктивного поведения.

По показателю уровня участия в рабочей силе населения 15–72 лет можно заключить, что в 8 из 11 регионов наблюдается *положительная динамика* (среднегодовой темп прироста выше среднероссийских значений) (см. рис. 6).

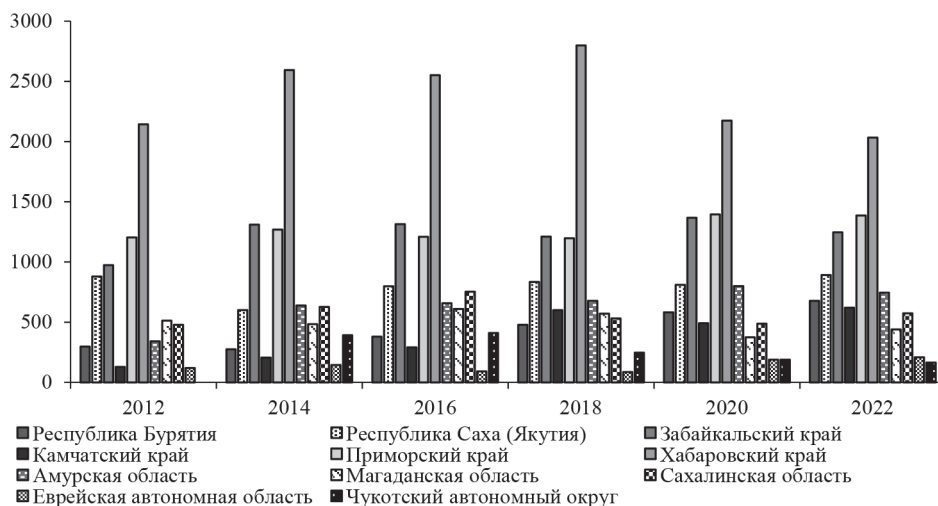

Рис. 6. Динамика показателя уровня участия в рабочей силе населения 15–72 лет в Дальневосточном макрорегионе

Источник: составлено авторами по [9].

Рассмотрим *инновационные показатели*, которые в *таблице 1* представлены данными по используемым передовым производственным технологиям, уровню инновационной активности организаций, объему инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг.

По используемым передовым производственным технологиям регионом-лидером является Хабаровский край, аутсайдером – Чукотский автономный округ (см. рис. 7).

Разработанные передовые производственные технологии в 2021 г. на Дальнем Востоке составляют 1,6% от разработанных в Российской Федерации, использованные – 3,7% от использованных в Российской Федерации.

Динамика уровня инновационной активности организаций представлена на рисунке (см. рис. 8).

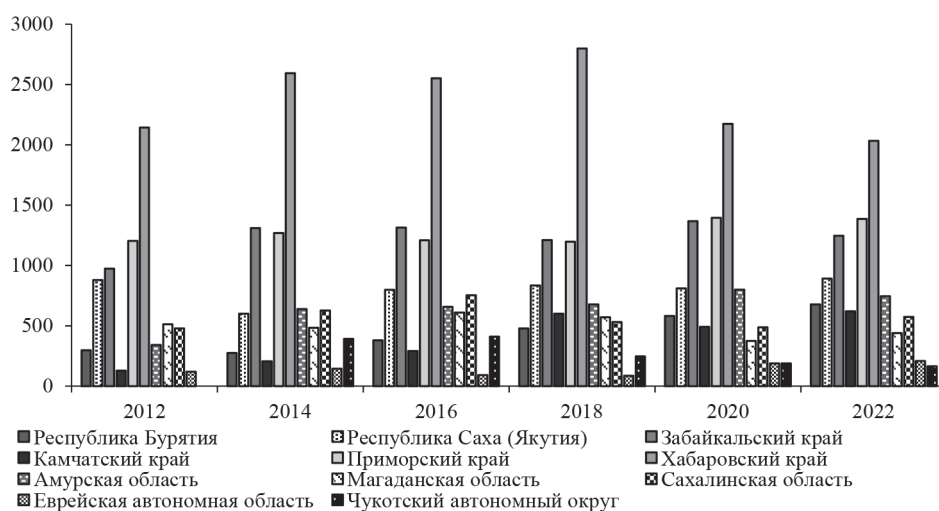

Рис. 7. Динамика используемых передовых производственных технологий в Дальневосточном макрорегионе

Источник: составлено авторами по [9].

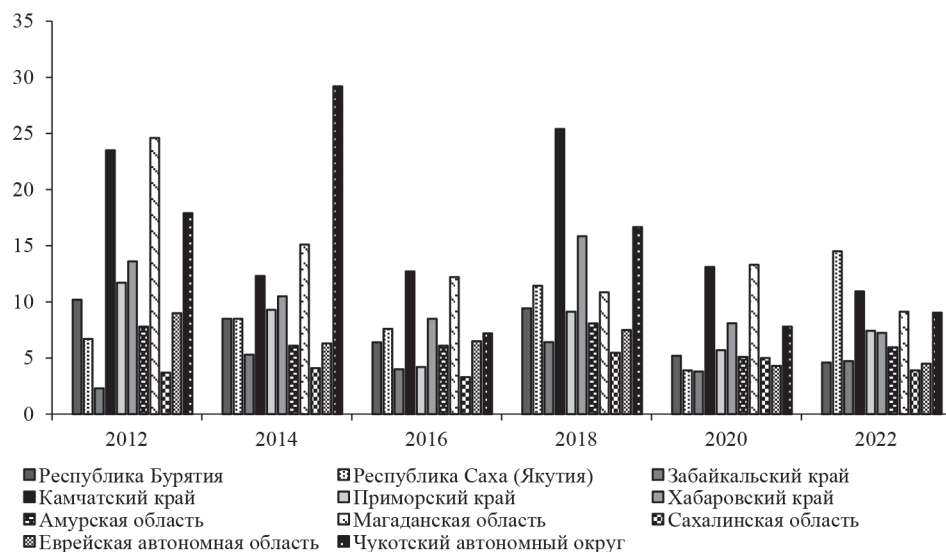

Рис. 8. Динамика уровня инновационной активности организаций в Дальневосточном макрорегионе

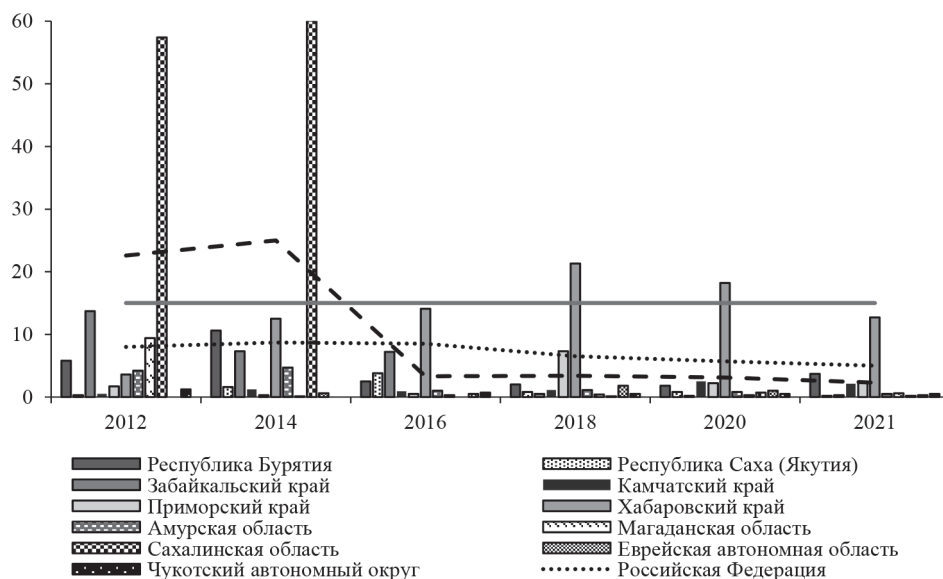
Источник: составлено авторами по [9].

На территории макрорегиона действовало 224 организации, выполняющие научные исследования и разработки (5,5% от общего количества в Российской Федерации). Половина из них сосредоточена в Приморском (19,2%) и Хабаровском (17,4%) краях, в Республике Саха (Якутия) (13,4%). Инновационную деятельность в 2022 г. осуществляли более 500 организа-

ций (4,5% от общего количества по Российской Федерации). Наибольший уровень инновационной активности в 2022 г. наблюдался в Республике Саха Якутия и Камчатском крае – 14,5% и 10,9%, соответственно.

В последние годы регионами Дальнего Востока было подано около 500 патентных заявок на изобретения (2,1% от общего объема поданных заявок по Российской Федерации) и 186 – на полезные модели (1,9% от Российской Федерации). Выдано 473 патента на изобретения (2,4% от Российской Федерации) и 145 – на полезные модели (1,7% от Российской Федерации). Внутренние текущие затраты на исследования и разработки в макрорегионе составили 97,7% от всех внутренних затрат (по Российской Федерации – 93%). В структуре затрат по видам работ наибольший удельный вес приходится на фундаментальные исследования – 69%.

По показателю объема инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг наблюдалось *снижение темпов роста* объема инновационных товаров (см. рис. 9). В какой-то мере это обусловлено ведением санкций. Но при этом именно санкции способствовали проведению политики импортозамещения, благодаря которой наблюдались положительные тенденции показателя в последующих годах в некоторых регионах, например в Хабаровском крае (12,7%).

**Рис. 9. Объем инновационных товаров, работ, услуг
в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг
Дальневосточного макрорегиона, %**

Источник: составлено авторами по [9].

На фоне всех субъектов Федерации Дальневосточного макрорегиона по данному показателю в некоторые периоды выделяется Сахалинская область, где объем инновационных товаров, услуг и работ превышал

пороговое значение (15%) более, чем в 4 раза. Основная причина столь высоких значений в те годы объясняется инвестированием и реализацией проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2» по строительству *smart*-скважин. Также заметно выделяется Хабаровский край, который улучшил свои показатели по объему инновационных товаров и преодолел пороговое значение. Инновационная сфера Хабаровского края характеризуется развитым ИТ-сектором.

В остальных регионах, согласно пороговому значению, складывается кризисный уровень экономической безопасности в инновационной сфере, что может привести к снижению конкурентоспособности инновационного сектора Дальневосточного макрорегиона и дальнейшему оттоку населения.

И, наконец, *проанализируем промышленные показатели*, которые в *таблице 1* представлены данными по степени износа основных фондов (ОФ) промышленных предприятий, индексу промышленного производства, объему инвестиций в основной капитал в процентах к ВРП Дальневосточного макрорегиона.

За анализируемый период практически у всех субъектов Федерации Дальневосточного макрорегиона *степень износа ОФ увеличилась более чем на 15%*. Пороговое значение (40%) большей частью регионов, но и там, где значения не достигают порога, общий уровень износа основных фондов находится на предкризисном уровне. Субъектами Российской Федерации с крайне высоким износом основных фондов являются Сахалинская область и Чукотский АО. Значение износа ОФ в них превышает среднее по округу, а в Сахалинской области превышает и среднероссийское значение (см. рис. 10).

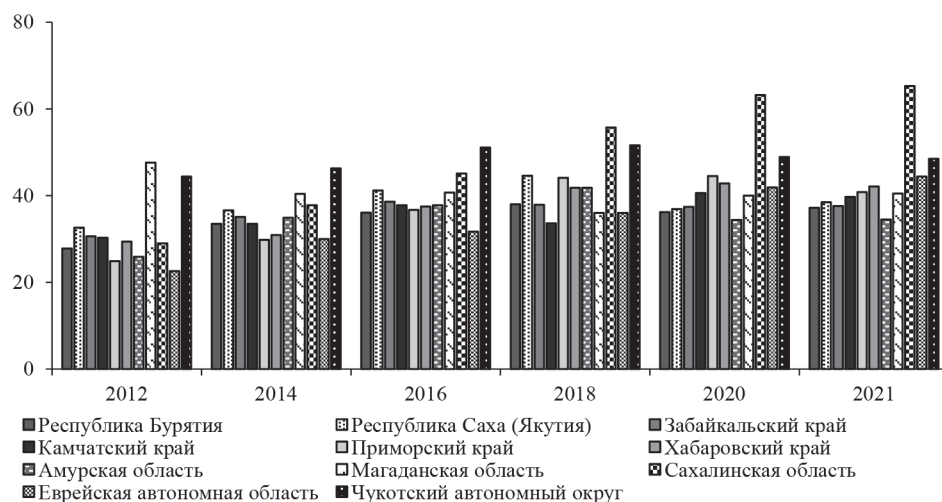
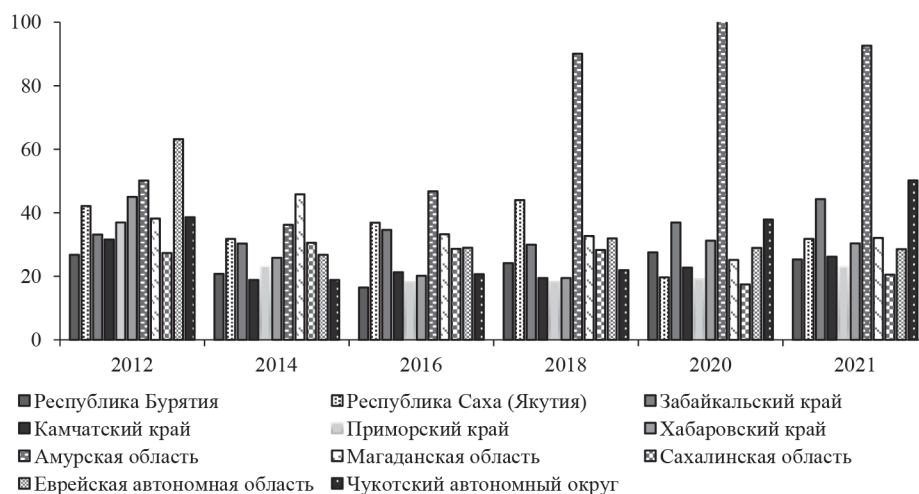

Рис. 10. Степень износа основных фондов промышленных предприятий Дальневосточного макрорегиона, %

Источник: составлено авторами по [9].

Основной причиной сложившейся ситуации является недостаточное инвестирование в модернизацию производства. В будущем рост износа ОФ промышленных предприятий регионов Дальневосточного макрорегиона может привести к нарушению производственных процессов, к изменению цепочек производства и сбыта продукции, а также ухудшению финансовых результатов производственных компаний.

За анализируемый период наблюдалась негативная динамика снижения объема инвестиций в основной капитал в процентах к ВРП (см. рис. 11).

**Рис. 11. Объем инвестиций в основной капитал в % к ВРП
Дальневосточного макрорегиона**

Источник: составлено авторами по [9].

Общий уровень по округу находится выше порогового значения, но в разрезе регионов значительное число субъектов Федерации Дальневосточного макрорегиона к 2021 г. только достигло порогового значения 25%. Это свидетельствует о сохранении угрозы экономической безопасности в инвестиционной сфере. Если ситуация не улучшится, то это может привести к дальнейшему росту износа основных фондов практически во всех регионах, за исключением Амурской области, где за анализируемый период наблюдался прорывной темп роста инвестиций в основной капитал в процентах к ВРП.

Индекс промышленного производства по субъектам Дальневосточного макрорегиона имеет стабильную динамику (см. рис. 12).

Ведущая отрасль на Дальнем Востоке — промышленность. В структуре валовой добавленной стоимости в 2021 г. она составила 45%, в т.ч. 33% — добывающая промышленность. В субъектах Федерации макрорегиона, ориентированных на добычу редких и уникальных видов сырья (Сахалинская область — 75,6%, Республика Саха/Якутия/, — 59%, Чукотский автономный округ 55%) доля промышленности в структуре

экономики выше. В структуре промышленности наибольший удельный вес отгруженной продукции приходится на добычу полезных ископаемых – 56,5%. Индекс промышленного производства в 2021 г. по сравнению с 2020 г. составил 106% (Российская Федерация – 102,4%) [9].

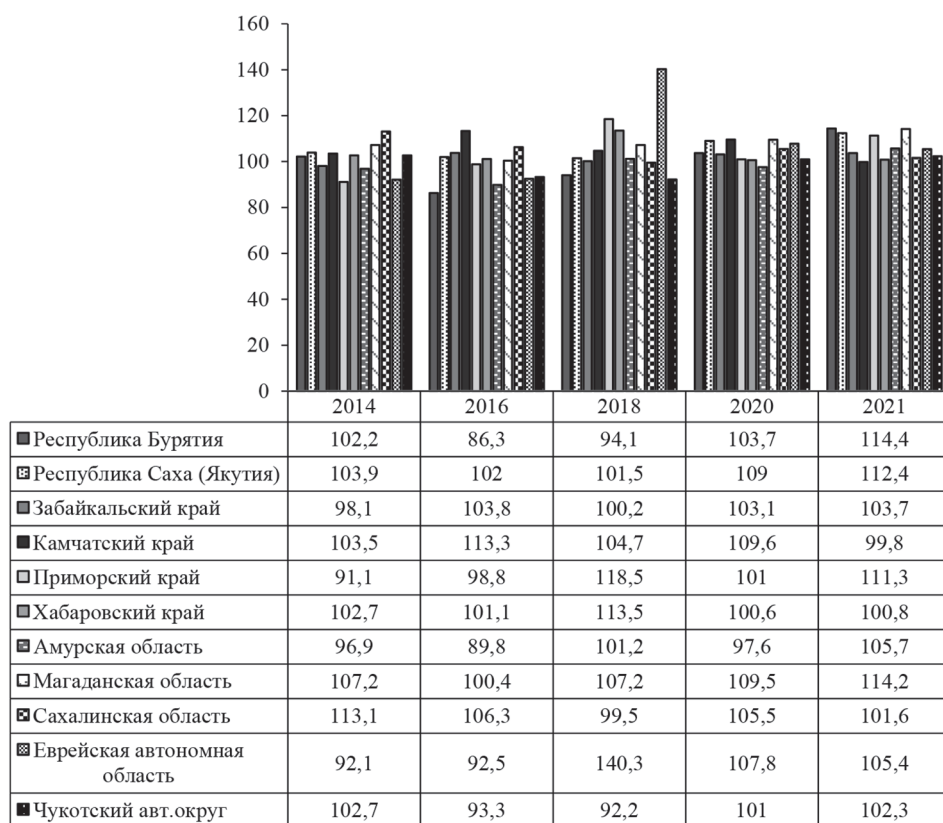

Рис. 12. Индекс промышленного производства по регионам Дальневосточного макрорегиона

Источник: составлено авторами по [9].

Оценка конкурентоспособности Дальневосточного макрорегиона по субъектам в разрезе групп показателей экономической безопасности

Основой для шкалирования по указанным критериям экономической безопасности послужили *расчеты средних темпов роста показателей и сравнение среднероссийских и фактических региональных значений по Дальневосточному макрорегиону* [10].

В *таблице 3* представлены средние темпы динамики показателей экономической безопасности макрорегиона, а также среднероссийские значения, рассчитанные авторами по данным Федеральной службы государственной статистики за последние 10 лет.

Т а б л и ц а 3

Средние темпы динамики показателей экономической безопасности исследуемого макрорегиона

Показатели	Республика Бурятия	Республика Саха (Якутия)	Забайкальский край	Камчатский край	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Магаданская область	Сахалинская область	Еврейская автономная область	Чукотский авт. округ	Средне- рос- сийские значения
Экономическая группа показателей												
Валовой региональный продукт	99,6	98,3	98,6	99,5	99,4	99,2	99,8	100,001	97,2	97,9	99,9	108,12
Оборот розничной торговли, млн руб.	116,3	119,6	114,5	116,7	122,3	118,4	118,7	118,8	113,5	113,7	118,6	107,12
Прирост высокопроизводительных рабочих мест	159,5	108	185	157	91	193,1	809	103	455,9	274	186	101,5
Социальная группа показателей												
Уровень занятости населения в возрасте 15–72 лет	99	100,1	100,59	100,62	100,7	101,1	100,4	99,3	100,9	100,6	99,4	101,1
Отношение среднедушевых денежных доходов населения к величине прожиточного минимума	98,2	100,2	98,2	101,8	100,6	100,01	100,9	101,6	102,3	97,9	100,4	100,6
Уровень участия в рабочей силе населения по субъектам Российской Федерации	100,1	100,2	100,8	99,97	100,5	100,3	100,1	99,2	100,4	99,8	99,1	100,3
Инновационная группа показателей												
Используемые передовые производственные технологии, единиц	118	100,3	105	136,9	102,9	98,9	116,9	97	103,7	111,7	80,5	103,9
Уровень инновационной активности организаций	85,2	116,7	115,5	85,8	91,3	88,1	94,7	82	101	87	87,2	102
Объем инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	95,13	95,6	65,4	117,29	103,9	115,03	78,94	73,66	81,66	90,6	132,3	115
Промышленная группа показателей												
Степень износа основных фондов промышленных предприятий, %	103,3	101,9	102,3	103	105,6	104,1	103,2	98,2	109,4	107,8	101	101,2
Индекс промышленного производства по субъектам Российской Федерации	102,9	102	101,4	99	105,1	99,5	102,2	101,6	97,4	103,4	99,9	101,5
Объем инвестиций в основной капитал в % к ВРП	99,4	96,9	103,3	97,9	94,9	95,7	107,1	98,1	96,9	91,6	103,3	108,3

Источник: составлено авторами.

В *таблице 4* представлены условия и критерии конкурентоспособности регионов (по группам **В** – высокий уровень, **С** – средний уровень, **Н** – низкий уровень конкурентоспособности).

Т а б л и ц а 4

Условия и критерии оценки конкурентоспособности регионов

Группы регионов по уровню конкурентоспособности		
Наиболее конкурентоспособные регионы (группа В)	Регионы со средним уровнем конкурентоспособности (группа С)	Регионы с низким уровнем конкурентоспособности (группа Н)
ФЗПР – фактическое значение среднего уровня динамики показателя в исследуемом регионе; СЗП – среднероссийское значение уровня динамики показателя		
ФЗПР > СЗП%	100% < ФЗПР ≤ СЗП%	ФЗПР менее 100%

Источник: составлено авторами.

Положительный рост показателя экономической безопасности является признаком высокого уровня конкурентоспособности экономики региона. Поэтому регионы, в которых были превышены среднероссийские значения, были отнесены к *наиболее конкурентоспособным*.

Результат по каждому субъекту Федерации определяется по каждой из групп показателей экономической безопасности, исходя из данных по среднему темпу роста конкретного показателя. Отметим, что в соответствии с критериями конкурентоспособности регионов (по группам **В** – высокий уровень, **С** – средний уровень, **Н** – низкий уровень конкурентоспособности) получается, что если значения по всем трем исследуемым показателям группы меньше среднероссийского значения уровня динамики показателя, то региону ставится оценка ННН, если все три исследуемых показателя группы выше среднероссийского значения уровня динамики показателя, то региону ставится оценка ВВВ. Если фактическое значение среднего уровня динамики показателя в исследуемом регионе в пределах среднероссийского уровня, то регион получает оценку ССС. В случае, если в пределах одной группы показатели имеют разную динамику (меньше/больше/в пределах среднероссийского уровня), то регион получает оценки НСВ, ННВ, НСС, СВВ и другие варианты оценки, которые мы видим в *табл. 5*.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют, что *ни по одной группе показателей экономической безопасности* (экономической, социальной, инновационной и промышленной) *нет региона, отвечающего превышению среднего роста показателя над среднероссийскими значениями*. Следовательно, по выбранным показателям нет регионов, подходящих под требования наиболее высокой конкурентоспособности. Это делает стратегической задачей обеспечения экономической безопасности разработку механизмов повышения конкурентоспособности региональных экономик.

Т а б л и ц а 5

**Распределение субъектов Российской Федерации
Дальневосточного макрорегиона по уровню конкурентоспособности**

Субъекты Российской Федерации Дальневосточного макрорегиона	Экономическая группа	Социальная группа	Инновационная группа	Промышленная группа
Республика Бурятия	НВВ	ННС	ВНН	ВВН
Республика Саха (Якутия)	НВВ	ССС	СВН	ВВН
Забайкальский край	НВВ	СНВ	ВВН	ВСС
Камчатский край	НВВ	СВН	ВНВ	ВНН
Приморский край	НВН	ССВ	СНС	ВВН
Хабаровский край	НВВ	ССС	ННВ	ВНН
Амурская область	НВВ	СВС	ВНН	ВВС
Магаданская область	СВВ	НВН	ННН	НВН
Сахалинская область	НВВ	СВВ	ССН	ВНН
Еврейская автономная область	НВВ	СНН	ВНВ	ВВН
Чукотский автономный округ	НВВ	ННН	ННВ	СНС

Источник: составлено авторами.

Угрозы конкурентоспособности Дальневосточного макрорегиона

Проведенный анализ позволяет выявить основные угрозы экономической безопасности Дальневосточного макрорегиона.

Социальная сфера. Низкие темпы снижения уровня бедности и значительное превышение среднероссийских значений приводят к ухудшению качества жизни населения в регионах Дальнего Востока. Одновременно усугубляется проблема роста миграционного оттока населения, в т.ч. интеллектуального капитала.

Реальный сектор экономики. Высокий уровень износа основных фондов промышленных предприятий приводит к снижению производительности оборудования, фондоотдачи и фондорентабельности, а это, в свою очередь, негативно влияет на выпуск продукции предприятиями и может приводить к недополучению прибыли, ухудшению качества и конкурентоспособности продукции и к снижению ВРП регионов Дальневосточного макрорегиона [11].

Инновационная сфера. Низкий уровень инновационного развития экономик субъектов Федерации Дальнего Востока способствует:

- оттоку высококвалифицированных трудовых кадров и передовых достижений науки и техники в другие регионы России и за рубеж;
- утрате передовых позиций по ряду приоритетных направлений развития науки и техники;
- снижению эффективности использования научно-технических достижений в интересах развития экономического, политического, социального и оборонного потенциала Дальневосточного макрорегиона;
- научно-технологическому отставанию субъектов Федерации Дальневосточного макрорегиона от других регионов России;
- снижению активности предпринимательства в инновационной сфере, что вызвано неопределенностью сроков окупаемости инновационных проектов.

Инвестиционная сфера. Низкий уровень безопасности в инвестиционной сфере субъектов Федерации Дальневосточного макрорегиона и их высокая дифференциация по объему инвестиций в основной капитал по отношению к ВРП регионов. Относительно других регионов Российской Федерации они обладают неблагоприятным инвестиционным климатом вследствие структурной деформированности промышленности на территории Дальневосточного макрорегиона.

Список литературы

1. Ломакина Н.В. Стратегические приоритеты экономического развития и «ресурсная экономика» Дальневосточного макрорегиона // ЭКО. 2019. № 7. С. 35–53.
2. Сигов В.И., Песоцкий А.А. Безопасность экономического пространства региона: концептуальные основы и система показателей // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 4. С. 1236–1250.
3. Некрасов Н.Н. Региональная экономика: Теория, проблемы, методы. 2-е изд. М.: Экономика, 1978. 343 с.
4. Дохолян С.В., Садыкова А.М. Региональное развитие и конкурентоспособность региона: теоретические аспекты // Вопросы структуризации экономики. 2008. № 3–2. С. 7–12.
5. Татаркин А.И. Саморазвивающиеся регионы: макроэкономические условия и механизмы функционирования // Экономика. Налоги. Право. 2008. № 3. С. 139–150.
6. Татаркин А.И. Формирование конкурентных преимуществ регионов // Регион: Экономика и Социология. 2006. № 1. С. 141–154.
7. Чуб Б.А. Управление инвестиционными процессами в регионе. М.: БУКВИЦА, 1999. 186 с.
8. Сенчагов В.К. Методология обеспечения экономической безопасности // Экономика региона. 2008. № 3 (15). С. 28–39.
9. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205> (дата обращения: 15.05.2023).

10. Хасаев Г.Р., Хмелева Г.А., Королева Е.Н. Структурная трансформация экономики российских регионов: инновационный аспект // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2018. № 7 (165). С. 16–26.

11. Рофиева З.А., Рычкова Е.С. Оценка состояния экономической безопасности Дальневосточного федерального округа // Россия и Китай: вектор развития: материалы Международной научно-практической конференции. 18–19 ноября 2019 г. Т. 1. Благовещенск, 2019. С. 271–273.

References

1. Lomakina N.V. Strategicheskie priority ekonomicheskogo razvitiia i «resursnaia ekonomika» Dal'nevostochnogo makroregiona [Strategic Priorities of Economic Development and the “Resource Economy” of the Far Eastern Macroregion], *EKO* [EKO], 2019, No. 7, pp. 35–53. (In Russ.).

2. Sigov V.I., Pesotskii A.A. Bezopasnost' ekonomicheskogo prostranstva regiona: kontseptual'nye osnovy i sistema pokazatelei [Security of the Economic Space of the Region: Conceptual Foundations and System of Indicators], *Ekonomika regiona* [Economics of the Region], 2017, Vol. 13, No. 4, pp. 1236–1250. (In Russ.).

3. Nekrasov N.N. Regional'naia ekonomika: Teoriia, problemy, metody [Regional Economics: Theory, Problems, Methods]. 2nd ed. Moscow, Ekonomika, 1978, 343 p. (In Russ.).

4. Dokholian S.V., Sadykova A.M. Regional'noe razvitie i konkurentosposobnost' regiona: teoreticheskie aspekty [Regional Development and Competitiveness of the Region: Theoretical Aspect], *Voprosy strukturizatsii ekonomiki* [Issues of Economic Structuring], 2008, No. 3–2, pp. 7–12. (In Russ.).

5. Tatarkin A.I. Samorazvivaiushchiesia regiony: makroekonomicheskie usloviia i mekhanizmy funktsionirovaniia [Self-Developing Regions: Macroeconomic Conditions and Functioning Mechanisms], *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics. Taxes. Right], 2008, No. 3, pp. 139–150. (In Russ.).

6. Tatarkin A.I. Formirovanie konkurentnykh preimushchestv regionov [Formation of Competitive Advantages of Regions], *Region: Ekonomika i Sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2006, No. 1, pp. 141–154. (In Russ.).

7. Chub B.A. Upravlenie investitsionnymi protsessami v regione [Management of Investment Processes in the Region]. Moscow, BUKVITsA, 1999, 186 p. (In Russ.).

8. Senchagov V. K. Metodologiya obespecheniia ekonomicheskoi bezopasnosti [Methodology for Ensuring Economic Security], *Ekonomika regiona* [Regional Economics], 2008, No. 3 (15), pp. 28–39. (In Russ.).

9. Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub'ektov Rossiiskoi Federatsii [Regions of Russia. Main characteristics of the subjects of the Russian Federation], Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205> (accessed 15 May 2023).

10. Khasaev G.R., Khmeleva G.A., Koroleva E.N. Strukturnaia transformatsiia ekonomiki rossiiskikh regionov: innovatsionnyi aspekt [Structural Transformation of the Economy of Russian Regions: Innovative Aspect], *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Samara State Economic University], 2018, No. 7 (165), pp. 16–26. (In Russ.).

11. Rofieva Z.A., Rychkova E.S. Otsenka sostoiianiia ekonomicheskoi bezopasnosti Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga [Assessment of the State of Economic Security of the Far Eastern Federal District]. *Rossiia i Kitai: vektor razvitiia: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russia and China: Vector of Development: Materials

of the International Scientific and Practical Conference], Vol. 1, 18–19 November 2019 g., Blagoveshchensk, 2019, pp. 271–273. (In Russ.).

ASSESSMENT OF COMPETITIVENESS AND ECONOMIC SECURITY FAR EASTERN MACROREGION SUBJECTS

Currently, as a result of a special military operation and the introduction of sanctions against Russia, threats to the economic security and national sovereignty of the country have increased. In these conditions, one of the key tools for accelerating its economic development are measures of state regulation of competitiveness and security, where the regional aspect is becoming increasingly relevant. Geographical and other characteristics of the Far Eastern territories are widely used in the scientific literature, the idea is formed that there really exists a macro-regional community called the Far East. An analysis of historical experience and the current situation shows that the importance of the Far East for the Russian economy is enormous. The Eastern territories have been supplying Russia with key raw materials for centuries, providing access to the most important markets of the Asia-Pacific region, and contributing to improving the country's competitiveness and economic security. The authors propose an approach to assessing the competitiveness and economic security of the Far Eastern macroregion based on the developed system of private indicators.

Keywords: regional economy, macroregion, competitiveness, economic security, Far Eastern macroregion.

JEL: O18, P25

Дата поступления — 26.04.2023 г.

СИБИРСКАЯ Елена Викторовна

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник научной лаборатории «Региональная политика и региональные инвестиционные процессы»;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 115054.

e-mail: Sibirskaya.EV@rea.ru

ОВЕШНИКОВА Людмила Владимировна

доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник научной лаборатории «Региональная политика и региональные инвестиционные процессы»;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 115054.

e-mail: Oveshnikova.LV@rea.ru

SIBIRSKAYA Elena V.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher of Research Laboratory “Regional Policy and Regional Investment Processes”;

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 115054.

e-mail: Sibirskaya.EV@rea.ru

OVESHNIKOVA Lyudmila V.

Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Chief Researcher of Research Laboratory
“Regional Policy and Regional Investment Processes”;
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Plekhanov
Russian University of Economics” / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 115054.
e-mail: Oveshnikova.LV@rea.ru

Для цитирования:

Сибирская Е.В., Овешникова Л.В. Оценка конкурентоспособности
и экономической безопасности субъектов Дальневосточного макроре-
гиона // Федерализм. 2023. Т. 28. № 3 (111). С. 152–171. DOI: [http://dx.doi.
org/10.21686/2073-1051-2023-3-152-171](http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-3-152-171)

Требования к оформлению рукописей для авторов журнала «Федерализм»

По структуре. Статья должна быть структурирована, иметь подзаголовки и сноски. Объем рукописи для кандидатов и докторов наук должен составлять — от 40 000 до 50 000 печатных знаков, включая пробелы, для аспирантов — от 20 000 до 25 000 печатных знаков (раздел «Молодые ученые»). Оригинальность текста должна быть не менее 80%.

В сопровождении к статье должны быть **обязательно представлены** (отдельным файлом):

- фамилия, имя, отчество автора (авторов) на русском и английском языках;
- ученая степень, звание, должность, место работы на русском и английском языках, для аспирантов — название вуза;
- e-mail (публикуется в журнале как контактная информация автора);
- аннотация объемом 6—8 строк (100—250 слов) на русском языке; по своей структуре аннотация должна отражать содержание статьи, то есть кратко обосновывать актуальность выбранной темы, раскрывать основное содержание исследования и полученные автором результаты;
- ключевые слова к статье (5—7 слов на русском и английском языках);
- тематический классификатор Journal of Economic Literature (JEL);
- контактный **телефон** с кодом города, почтовый адрес с указанием индекса.

Требования к оформлению статьи. Текст статьи предоставляется в формате WORD (*.doc, *.docx). Основной текст печатается шрифтом Times New Roman 14 обычный, межстрочный интервал — 1,5, выравнивание по ширине. Абзацный отступ — 1,25 см. Название раздела, пунктов и подпунктов печатается шрифтом Times New Roman 14 полужирный, наклонный, выравнивание по центру. Разделы отделяются от предыдущего раздела одной пустой строкой и от последующего текста также одной пустой строкой.

Ссылки на литературу — затекстовые. Печатаются шрифтом Times New Roman 12 обычный, межстрочный интервал — 1,0. Отступ — 1,25 см. Все ссылки указываются списком в конце статьи, нумерация в списке литературы — по мере упоминания источника в тексте. В тексте, в квадратных скобках, указывается порядковый номер ссылки и страница.

Ссылки на законодательные акты даются постранично. Примечания подстрочные (сквозная нумерация); размер шрифта примечаний — 12 при интервале 1. Нумерация таблиц, рисунков и формул (сквозная). Параметры страницы: верхнее поле — 2,0; нижнее поле — 2,5; левое поле — 2,0; правое поле — 1,5.

Принятые сокращения: год — г. годы — гг.; в том числе — в т.ч.; то есть — т.е.; так как — т.к.; тому подобное — т.п.; тысячи — тыс.; миллионы — млн; миллиарды — млрд; рубли — руб.; доллары — долл.; век — в.

Иностранные слова в тексте статьи выделяются курсивом.

Таблицы должны быть выполнены табличными ячейками Word. Шрифт Times New Roman 12 обычный, межстрочный интервал 1,0. Стремитесь к тому, чтобы каждому пункту таблицы соответствовала своя ячейка (не пользуйтесь символами абзаца для смысловой разбивки строк). Выравнивание текста и цифр внутри ячеек необходимо выполнять только стандартными способами, а не с помощью пробелов, абзацев или дополнительных пустых строк. Не используйте в таблице выделение цветом, он «потеряется» при верстке.

Графики оформляются в черно-белом варианте, предпочтительно делать в Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные, связанные с рисунком) или CorelDraw (не переводите текст в кривые, так как он всегда редактируется. Не импортируйте файлы в графических форматах в файл *.cdg и не экспортируйте файлы *.cdg в другие форматы). По возможности избегайте построения графиков в Word, так как их подготовка к верстке требует большой дополнительной работы. Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word. Качество таких материалов в большинстве случаев непригодно для полиграфии.

После текста статьи приводятся два тождественных пронумерованных *списка литературы*. Один список (для русскоговорящих читателей) оформляется в соответствии с действующим ГОСТ Р 7.0.5–2008. Второй список (*References*) для иностранных читателей оформляется в соответствии с требованиями журналов, включенных в базу данных Scopus. Нумерация в двух списках должна полностью совпадать. Они должны быть идентичными по содержанию, но разными по оформлению. Транслитерировать можно автоматически с помощью translit.ru, режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Требования к оформлению References см. на сайте журнала <https://federalizm.rea.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>

За достоверность представляемых библиографических данных авторы несут ответственность вплоть до отказа в праве на публикацию.

Научный журнал
«Федерализм»
ISSN 2073-1051

2023
Том 28
№ 3
(111)

Scientific Journal
“Federalism”
ISSN 2073-1051

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»)

Основан в 1996 г.
Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС 77-74878 от 11 февраля 2019 г.

Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора
и кандидата наук

Журнал включен в систему
Российского индекса научного
цитирования

Подписка по каталогу
Агентства «Урал-Пресс».
Подписной индекс 72005

При перепечатке материалов ссылка на
журнал «Федерализм» обязательна.
Рукописи, не принятые к публикации, не
возвращаются.
Мнение редакции и членов редколлегии
может не совпадать с точкой зрения авторов
публикаций.

Редактор **Б.Ю. Соколова**
Технический редактор **Е.И. Аникеева**

Адрес редакции:
115054, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: **8 (495) 800-12-00, доб. 16-52**
E-mail: **federalizm@rea.ru**

Подписано в печать 29.09.2023.
Формат 70x108 1/16
Печ. л. 11. Усл. печ. л. 15,4.
Уч.-изд. л. 13,57.
Тираж 1000 экз. Заказ № .
Цена свободная.

Отпечатано в ФГБОУ ВО
«РЭУ им. Г.В. Плеханова».
115054, Москва, Стремянный пер., 36.

© ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»,
2023

Founder
Plekhanov Russian University of Economics
(PRUE)

Founded in 1996
The edition is registered
in the Federal Service for communication,
informational technologies and media control:
PI No. FS 77-74878 dated 11 February 2019

The journal was included in the List of leading
scientific journals and publications
of the Higher Attestation Board, publication
in which is mandatory for defending
PhD and Doctorate dissertations

The journal is included in the Russian index
of scientific citing

Subscription by “Ural-Press” catalogue.
Index 72005

In case materials from “Federalism” are repro-
duced, the reference to the source is manda-
tory. Materials not accepted for publication are
not returned.
Opinions of editorial council and editorial
board may not coincide with those of the au-
thors of publications.

Editor **B.Iu. Sokolova**
Technical editor **E.I. Anikeeva**

Editorial office address:
36 Stremyanny Lane, 115054, Moscow.
Tel.: **8 (495) 800-12-00, ext. 16-52**
E-mail: **federalizm@rea.ru**

Signed for print 29.09.2023.
Format 70x108 1/16
Printed sheets 11. Conv. sheets 15.4.
Publ. sheets 13.57.
Circulation 1,000. Order № .
Free price.

Printed in Plekhanov Russian University
of Economics,
36 Stremyanny Lane, 115054, Moscow.

© Russian University of Economics,
2023